

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

КВАСОВА ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
Доктор психологических наук
М.Ш. Магомед-Эминов

Москва - 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ.....	13
1.1 Терминологический, этимологический и понятийный анализ временной перспективы и её систематизация	13
1.2 Количественно-дискретные подходы к исследованию времени.....	23
1.3 Количественно-пространственные подходы к изучению времени	34
1.4. Теоретический обзор качественных концепций временной перспективы личности	37
1.4.1 История качественных подходов к временной перспективе личности	37
1.4.2 Временная перспектива как перспектива будущего в мотивационных подходах....	41
1.4.3 Временная перспектива личности – биографический подход.....	44
1.4.4 Жизненный путь как временная перспектива	47
1.4.5 Исследования временной перспективы в онтогенезе	49
1.4.6 Временная перспектива в исследованиях идентичности личности	53
1.4.7 Изучение временной перспективы в аспекте индивидуальных особенностей личности	55
1.5 Временная перспектива и экстремальность	61
1.6 Культурно-деятельностный подход к проблеме времени	76
1.7 Смысловая модель временной перспективы, её конкретизация и операционализация..	79
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ.....	93
2.1 Смысловая интенциональность и временная перспектива	93
2.2 Раздвоение временной перспективы и план её конституирования	109
Серия 1. Исследование раздвоения временной перспективы в экстремальной ситуации и связи трансформации временной перспективы с фундаментальными смысловыми интенциональностями.....	113
Серия 2. Изучение влияния выраженности смысловой интенциональности на структуру временной перспективы	117
Серия 3. Исследование связи смысловой интенциональности с особенностями временной перспективы у людей с повседневным и неповседневным опытом.	121
2.3 Интенсивность смысловой направленности и характер временной перспективы	126
2.4. Конструктивная темпоральная работа личности с опытом и временная перспектива	133
2.5 Формы трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
ЛИТЕРАТУРА.....	148
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	172

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Исследование смысловых интенций временной перспективы	173
Приложение 1.1 Инструкция к экспериментальной процедуре	173
Приложение 1.2. Основные результаты статистической обработки.....	174
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ.....	179
Приложение 2.1 Методика неоконченных предложений (модификация М.Ш.Магомед-Эминова).	179
Приложение 2.2 Опросник посттравматического роста (ОПТР) Тадеши и Калхауна (Tedeschi & Calhoun, 1996), адаптированный М.Ш. Магомед-Эминовым.....	180
Приложение 2.3 Тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова)	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ПЕРВОЙ СЕРИИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ	186
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ВТОРОЙ СЕРИИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ	191
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТРЕТЬЕЙ СЕРИИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ	193
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. СТАТИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ СМЫСЛОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ХАРАКТЕРА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	196
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. СТАТИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЛИЧНОСТИ С ОПЫТОМ И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ	198
Приложение 7.1 Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI).....	198
Приложение 7.2 Шкала переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи (1984).....	204
Приложение 7.3 Описание стрессовой ситуации.....	205
Видеоролик с информацией и репортажем от 1 апреля 2012 года об инсценировке похищения и убийства ребенка в Брянске http://www.1tv.ru/news/social/203134	205
ПРИЛОЖЕНИЕ 8. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	215

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Актуальность настоящего исследования определяется, прежде всего, теоретическими и методологическими вызовами, предъявляемыми психологической науке парадигмальной трансформацией современной научной рациональности и трансформацией самого социокультурного бытия современного человека, описываемыми и объясняемыми, чаще всего, с привлечением понятий нестабильности, неустойчивости, неравновесности, динамики, трансформации. Более того, в современной психологии в настоящее время отмечается парадигмальный сдвиг от структурно-морфологической к динамической трактовке психической деятельности человека, что неминуемо требует пересмотра существующих представлений о временной перспективе через призму современных научных неклассических (в том числе, постнеклассических) подходов (А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, М.Ш. Магомед-Эминов, Т.Д. Марцинковская, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, Ю.К. Стрелков и др.). Все перечисленные, а также множество других динамических явлений и понятий требуют обращения к понятию и феномену времени для своего определения и существования. Наиболее полно и ясно они раскрываются в критических, предельных, в широком смысле – экстремальных, ситуациях. Оба аспекта делают актуальным изучение трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации, а не понимание её как чего-то неизменного. Проблема трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации не может считаться достаточно изученной, к тому же, этот вопрос не являлся непосредственным предметом психологического исследования. Действительно, либо временная перспектива рассматривается в психологической литературе как косвенный фактор при изучении кризисных ситуаций; либо, наоборот, при исследовании времени делаются побочные выводы о влиянии экстремальности на его восприятие и оценку. Временная перспектива может стать одним из понятий, вносящих весомый вклад в общепсихологическое понимание психологической динамики личности в критических, предельных ситуациях.

Между тем, на фоне высокой научной значимости проблемы само понятие временной перспективы остаётся весьма неоднозначным, неопределённым, фрагментарным. Временная перспектива понимается на основе: включения будущего и прошлого жизни в контекст настоящего и их существования в настоящем (К. Lewin, Б.В. Зейгарник); взаимосвязи и взаимного обуславливания прошлого, настоящего и будущего в сознании человека (Л.К. Frank); последовательности событий с определёнными интервалами между ними в сознании человека в конкретный момент времени (J. Nuttin); временного кругозора личности (P. Fraisse); временного поля действия (Л.С. Выготский); временного измерения образа мира (А.Н. Леонтьев); целестремительности (П.Я. Гальперин); хронотопа (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, Д.И. Фельдштейн, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых); субъективной картины жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник, Е.И. Головаха); образа потребного будущего, вероятностного прогнозирования (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг); целенаправленности (В.К. Вилюнас); антиципации (В. Вундт, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков); опережающего отражения (П.К. Анохин); способности моделировать будущее (Н.А. Бернштейн); целевой детерминации мотивации (А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу); способности личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдалённых будущих событий (T.J. Cottle, S.L. Klineberg); жизненной линии или жизненного пути (Life-spine) (P. Baltes); трансспективы (В.И. Ковалёв); пространственно-временного континуума внутренней организации времени (Т.Н. Березина); временной компетентности, организации времени, тайм-менеджмента (А.К. Болотова); позиции по отношению к своему времени (Д.А. Леонтьев); конструирования временного гештальта в темпоральной работе личности (М.Ш. Магомед-Эминов); временной формы (Ю.К. Стрелков). Из этого вытекает актуальная задача формулировки более чёткого и целостного определения временной перспективы и такой концептуализации, которая способна быть инструментом изучения её собственной трансформации в предельных ситуациях.

Помимо терминологической, в понимании временной перспективы существует концептуальная проблема, требующая разработки интегративного подхода. Действительно, в научной литературе, с одной стороны, временная перспектива

трактуются как абстрактная, бессодержательная временная форма, складывающаяся из трёх, тоже «пустых», временных форм (прошлого, настоящего, будущего); с другой стороны, временная перспектива понимается сугубо содержательно как способность распределять жизненные события в определённом порядке и хронологии. Для решения данной проблемы необходимо поставить общепсихологическую задачу построения такой модели временной перспективы, в которой оба аспекта временной перспективы – форма и содержание, были бы рассмотрены во внутренней связи и единстве. Основанием интегративного понимания и механизмом связи оппозиций принимаются фундаментальные смысловые образования жизненного мира личности, придающие темпоральным феноменам определённую смысловую интенциональность.

Ещё один существенный аспект актуальности определяется значимостью изучения психологической трансформации личности в экстремальной ситуации, в связи с кризисами, природными и техногенными катастрофами, экономическими пертурбациями и др. Для поиска путей решения перечисленных проблем мы основываемся на культурно-деятельностной методологии и деятельностно-смысловой теории, следуя которым, принимаем за основание временной перспективы смысловую интенциональность жизненного мира личности. Особое значение при этом имеют две фундаментальные формы смысловой интенциональности, которые связаны с L- и D-смысловыми образованиями личности и направлены на решение человеком предельных «задач на жизнь» и «задач на смерть» в повседневном и неповседневном жизненных мирах (Magomed-Eminov, 1997). Согласно этой идее, мы выдвигаем основное положение, на котором строится настоящее исследование: смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуально-специфическую динамику временного опыта личности.

Целью работы является выявление закономерностей трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации, конституированной предельными смысловыми структурами жизненного мира.

Объектом исследования является способность человека структурировать временной опыт, выражающаяся в переживании и поведении в различных жизненных ситуациях.

Предметом исследования является трансформация временной перспективы личности – работы по реконструированию прошлого, актуализации настоящего и конструированию будущего – в экстремальной ситуации, являющейся ситуацией со специфической организацией смысловой структуры жизненного мира.

Гипотезы исследования:

1. Смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуально-специфическую динамику временного опыта личности.

2. Смысловая интенциональность оказывает специфическое влияние на переживание длительности временной перспективы.

3. В экстремальной ситуации временная перспектива диссоциируется, она конституируется двумя фундаментальными смысловыми структурами: L-смысловыми структурами жизненного мира и D-смысловыми структурами жизненного мира.

4. Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации имеет две основные формы: негативную, подразумевающую редукцию структуры временной перспективы, и позитивную – конструирование полной, объёмной структуры временной перспективы.

В соответствии с целью исследования, поставлены следующие **задачи**:

1. Провести научный анализ современного состояния проблемы временной перспективы личности, создать систематизацию теоретических представлений и экспериментальных исследований в этой области, выявить специфику данной проблемы применительно к экстремальным ситуациям.

2. Провести терминологический, этимологический и понятийный анализ временной перспективы личности в экстремальной ситуации. Выделить важные признаки для ее определения и эмпирические признаки для операционализации.

3. Оценить возможность применения исследовательских процедур и методических приёмов для изучения трансформации временной перспективы личности в экстремальных ситуациях.

4. Провести комплексное эмпирическое исследование характера и способов смыслового опосредствования трансформации временной перспективы личности в различных экстремальных ситуациях.

5. Экспериментально проверить влияние смысловой интенциональности личности на переживание длительности времени, на временную структуру, временную ориентацию, временную направленность и динамику переживания времени.

Теоретико-методологическую основу работы составляют принципы культурно-исторической (Л.С. Выготский) и деятельностной (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) психологии – культурно-деятельностной методологии и психологии; деятельностно-смысловой подход как динамическая парадигма в культурно-деятельностной психологии (А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, М.Ш. Магомед-Эминов, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, Ю.К. Стрелков и др.).

Методы исследования. В эмпирической части работы применялись методы идиографического и номотетического подходов, качественные методы – полуструктурированное интервью, включённое наблюдение, самоотчёты испытуемых, контент-анализ, экспертная оценка, анализ литературных источников и др. Использовались стандартизованные опросники: 1) тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 2) опросник посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Колхауна (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 3) опросник для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо (P. Zimbardo, J. Boyd, А. Сырцова, О.В. Митина); 4) модифицированный вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 5) метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (в модификации И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич); 6) шкала переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи. Для статистической обработки полученных результатов применялась программа SPSS версии 19.0.

Надежность и достоверность результатов обеспечены теоретической и методологической обоснованностью работы; наличием достаточно представительной выборки испытуемых (668 человек); количественным и качественным анализом полученных данных с использованием современных статистических процедур; применением взаимодополняющих методов исследования, адекватных цели и задачам работы.

Научная новизна исследования. Разработана неклассическая модель временной перспективы, в которой за основополагающее понятие принимается смысловая интенциональность личности, позволяющая рассматривать временную перспективу как единство реконструирования прошлого, актуализации настоящего и конструирования будущего. В работе впервые показано специфическое влияние смысловой интенциональности на оценку временной длительности, что позволяет трактовать временную перспективу не как застывшую, стабильную форму, а как динамическое образование, трансформирующееся в процессе изменения смысловой структуры жизненного мира. Полученные результаты обосновывают нелинейное строение временной перспективы. В экстремальной ситуации временная перспектива конституируется в двух планах – как континуальная перспектива (связана с L-смыслами) и как дискретная перспектива (связана с D-смыслами). Выявлены закономерности трансформации временной перспективы: во-первых, ключевая характеристика временной перспективы – переживание длительности, опосредствуется скорее не пространственными, а смысловыми параметрами жизненной ситуации; во-вторых, полнота структуры времени задаётся не столько конкретными предметными характеристиками – целями, мотивационными объектами, предметным содержанием ситуации, сколько базисными смысловыми образующими; в-третьих, посттравматический рост личности характеризуется сбалансированностью временной перспективы по её модусам, структуре и содержанию.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты исследования позволяют выявить основополагающее значение смысловой интенциональности в организации временной перспективы личности, что, в свою очередь, расширяет понимание динамики личности. Предлагается один из возможных

путей решения проблемы связи временной формы и содержания жизненного опыта посредством смыслового опосредствования культурно обусловленной временной формы и индивидуально-специфического жизненного опыта. Предложенная смысловая модель временной перспективы не только позволяет систематизировать различные представления о временной перспективе, но и вносит вклад в темпоральную трактовку структуры личности. Традиционное понимание трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации как деформации пересматривается с альтернативной точки зрения – конструирования временной перспективы через призму адаптации, развития, роста личности, что вносит вклад в развитие позитивной психологии человека.

Практическая значимость работы. Материалы проведённых в работе исследований использовались в разработке учебно-методических программ психологов по специализациям «Экстремальная психология и психологическая помощь» и «Психология служебной деятельности». Настоящее исследование обладает высокой практической значимостью для разработки эффективных методов психологической работы в области тайм-менеджмента и оказания психологической помощи людям в экстремальной ситуации. Полученные результаты, основные выводы исследования применяются при создании психологических программ помощи людям, пострадавшим в ситуациях бедствий, катастроф, жизненных кризисов, в том числе, они были апробированы в работе Психологической службы Союза ветеранов Афганистана, Союза Комитетов солдатских матерей, Психоаналитической Ассоциации РФ, в деятельности Комиссии по проблемам современных кризисных состояний культуры Научного Совета РАН «История мировой культуры».

Положения, выносимые на защиту:

1. Более полное понимание и объяснение временной перспективы в психологии возможно при принятии за основополагающее понятие временной перспективы смысловой интенциональности личности, которая определяет характер процессов реконструирования прошлого опыта, актуализации настоящего опыта и конструирования будущего опыта.

2. Временная перспектива конституируется, во-первых, временными направленностями (на прошлое, настоящее и будущее); во-вторых, временной

структурой как синтетическим единством временных направленностей (ориентаций); в-третьих, конструктивной темпоральной работой личности по конструированию структуры (формы) временной перспективы¹; в-четвёртых, континуальной длительностью и сукцессивностью временной структуры; в-пятых, смысловой интенциональностью.

3. На переживание длительности временной перспективы оказывает специфическое влияние динамика смысловой интенциональности. Зависимость сдвига оценки временной длительности может быть пересмотрена с точки зрения трансформации смысловой интенциональности, выражающейся в мере возможностей, открывающихся субъекту в жизненной ситуации.

4. Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается, она становится двунаправленной. Временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется на основе двух фундаментальных форм смысловой интенциональности: со стороны континуальной перспективы (связана с L-смысловыми структурами жизненного мира) и со стороны дискретной перспективы (связана с D-смысловыми структурами жизненного мира).

5. Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации имеет два плана: с одной стороны, негативный, подразумевающий редукцию структуры временной перспективы; с другой стороны, позитивный – конструирование полной, целостной структуры временной перспективы (временного гештальта).

Апробация работы. Результаты исследований обсуждались на кафедре экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (2004-2012); представлялись на III, IV и V съездах РПО (2002, 2009, 2012 гг.); на Ломоносовских чтениях (2007, 2010, 2012); на секции «Психология безопасности» юбилейной конференции «Психология перед вызовом будущего» в МГУ имени М.В. Ломоносова (2006); на научно-практических конференциях по психологии (2004-2012); на методологическом семинаре «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» (Москва, факультет психологии МГУ имени

---

¹ В концепции работы личности (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007 и др.) различаются работа личности и деятельность субъекта, личностные действия и действия субъекта. Акты работы личности, то есть, личностные действия, обладают специфической экзистенциальной предметностью – направленностью на решение задач на смысл, занятие позиции, осуществление поступка, заботу о себе и о Другом, осуществление собственного совместного бытия с другими, конституирование идентичности, конституирование временной структуры и др.

М.В. Ломоносова (2009-2012)); на XII-ом Европейском Психологическом конгрессе (Стамбул, Турция, 2011); на XXX-ом Международном Психологическом конгрессе (Кейптаун, ЮАР, 2012) и др. Материалы диссертации использовались при создании учебно-методических комплексов при разработке специализации новой специальности «Психология служебной деятельности» и компетентностного подхода к профессиональной подготовке специалиста-психолога на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова по специализации «Экстремальная психология и психологическая помощь».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения и списка литературы, состоящего из 370 источников, 110 из которых на иностранном языке, 8 приложений. Работа содержит 2 рисунка, 10 таблиц. Общий объем основного текста диссертационной работы составляет 170 страниц.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

1.1 Терминологический, этимологический и понятийный анализ временной перспективы и её систематизация

Время – наиболее загадочная, таинственная сторона мироздания. По прошествии нескольких столетий мы без тени сомнения можем повторить вслед за Св. Августином: «Так что же такое время? Если никто меня о нем не спрашивает, то я знаю – что, но как объяснить вопрошающему – не знаю» (Св. Августин, 1999, книга 11, глава XIV). Для того чтобы познать время, нам приходится превращать в объект то, что является особой «средой», почвой, тканью нашего существования, от которого нам не абстрагироваться для его объективации и созерцания (Магомед-Эминов, 2007). Принимая к сведению всю эту неуловимость и загадочность времени, начнём психологический анализ трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации с рассмотрения самого феномена временной перспективы. Само собой разумеется, без понимания, объяснения и адекватного определения временной перспективы вряд ли возможно сколько-нибудь глубоко изучить её трансформацию. Стоит особо подчеркнуть, что, говоря о трансформации базиса самих динамических явлений, условий их конституирования, мы сталкиваемся с достаточно сложной научной проблемой. Время как мера движения само проблематизируется – мера, которая прикладывается к движению, сама деформируется и меняется.

Понятие временной перспективы используется в психологии для описания широкого круга временных явлений. Оно складывалось ещё на заре становления научной психологии (к примеру, в исследованиях времени реакции, научения и др.), хотя терминологически оформляется значительно позже. Несмотря на достаточное количество исследований, проведённых, по крайней мере, с 30-40-х гг. прошлого века, понятие временной перспективы не имеет до сих пор общепринятого понимания и однозначного определения, как это происходит со многими понятиями в психологии.

Временная перспектива понимается на основе: включения будущего и прошлого, жизни в контекст настоящего и их существования в настоящем (К. Lewin, Б.В. Зейгарник); взаимосвязи и взаимного обуславливания прошлого, настоящего и будущего в сознании человека (L.K. Frank); последовательности событий с

определенными интервалами между ними в сознании человека в конкретный момент времени (J. Nuttin); временного кругозора личности (P. Fraisse); временного поля действия (Л.С. Выготский); временного измерения образа мира (А.Н. Леонтьев); целестремительности (П.Я. Гальперин); хронотопа (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, Д.И. Фельдштейн, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых); субъективной картины жизненного пути (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.А. Кроник, Е.И. Головаха); образа потребного будущего, вероятностного прогнозирования (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг); целенаправленности (В.К. Вилюнас); антиципации (В. Вундт, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков); опережающего отражения (П.К. Анохин); способности моделировать будущее (Н.А. Бернштейн); целевой детерминации мотивации (А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу); способности личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдалённых будущих событий (Т.Т. Cottle, S.L. Klineberg); жизненной линии или жизненного пути (Life-spine) (P. Baltes); транспективы (В.И. Ковалёв); пространственно-временного континуума внутренней организации времени (Т.Н. Березина); временной компетентности, организации времени, тайм-менеджмента (А.К. Болотова); позиции по отношению к своему времени (Д.А. Леонтьев); конструирования временного гештальта в темпоральной работе личности (М.Ш. Магомед-Эминов); временной формы (Ю.К. Стрелков).

Всё это пёстрое многообразие представлений не поддаётся продуктивному обобщению в контексте исследования трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации. Однако, несмотря на несводимость всех определений к единому основанию для дефиниции, мы обнаруживаем в них один сходный момент для выбора направления дальнейшего анализа. Все вышеперечисленные определения временной перспективы предполагают обращение к феномену времени, которое, в свою очередь, принимается без всякой концептуализации как само собой разумеющееся понятие. Временная перспектива не только определяется через время, но и, как мы отметили выше, принимается в психологии в качестве основного понятия, описывающего круг темпоральных явлений. Отталкиваясь от перечисленных трактовок, можно утверждать, что в наиболее широком, недетализированном по своему характеру значении временная перспектива – это структуризация времени процессов или отдельных сторон жизнедеятельности субъекта.

Для того чтобы конкретизировать эту достаточно общую идею, мы проведём этимологический анализ термина «перспектива». Слово «перспектива» (от лат. «perspectus» - сквозь что-нибудь; «perspire» – смотреть сквозь) означает «вид вдаль», «вперёд», «на расстоянии» (согласно Толковому словарю В.И. Даля); «даль»,

«пространство, охватываемое глазом» (согласно Толковому словарю иностранных слов). Синонимом является будущее, будущность, вид, даль, картина, надежда, ракурс, судьба, чаяния, а также ожидания. Таким образом, перспектива – это искусство видеть дали, то, что находится впереди или на расстоянии.

Очевидно, что термин «перспектива» несёт в себе пространственное значение, и это наблюдение играет важную роль для дальнейшего анализа. С другой стороны, перспектива – это ожидания, надежды, чаяния, будущие блага, возможности, а эти значения, конечно, связаны с временем в смысле будущности, будущих возможностей. Учитывая этот временной аспект слова «перспектива», его дополняют словом «временная», чтобы отделить временность от пространства – нахождения чего-то на расстоянии, дистанции, которому, естественно, придаётся временное значение. Забегая вперёд, проясним, что находиться на расстоянии, дистанции для времени означает быть длительностью, отсроченностью, сроком (Магомед-Эминов, 2007, 2008).

В заключение этимологического анализа зафиксируем два важных момента, заключающихся во временной перспективе. Во-первых, временная перспектива несёт в себе пространственность – нахождение чего-то на расстоянии, дистанции. Во-вторых, во временной перспективе открываются определённые возможности, то есть она несёт в себе потенции и возможности. Вектор временной перспективы устремляется к возможностям, реализующимся через определённую длительность. В этом смысле возможности находятся на определённом «расстоянии», «дистанции». Таким образом, во временной перспективе мы схватываем устремлённость к чему-то (интенциональность), что находится на определённой дистанции, открывая человеку определённый спектр возможностей.

Понимание временной перспективы как структуризации времени имеет простое объяснение: психология заимствует понятие времени из философских, физико-математических, общенаучных, общекультурных представлений. И, что интересно, заимствует так, будто это понятие имеет в них устойчивое, общезначимое, общепринятое понимание. По этой причине, а также для создания теоретического основания для понимания и объяснения временной перспективы потребуется детальный обзор и анализ в более широком научном контексте, прежде всего, в философии, в недрах которой развивались психологические представления о времени. Проводимый анализ можно назвать метапсихологическим, имея в виду рассмотрение развития представлений о времени за пределами психологии. Становление понятия времени имеет достаточно долгую историю, представления о нём складывались уже в физике и метафизике за пределами психологии. Укажем хотя бы на идею измерения

времени в душе (Св. Августин, 1999) и переживания времени – длительности (Бергсон, 2006). Метапсихологический анализ времени, конечно, проводится для поиска методологических оснований для понимания временной перспективы в психологии.

По мнению Ю.Б. Молчанова, представления о времени можно классифицировать на две пары взаимно дополнительных концепций времени. Первая пара концепций разделяется по взгляду на природу времени и на отношение категорий времени и движения: первая концепция, субстанциональная, рассматривает время как определённого рода субстанцию, наряду с пространством; вторая концепция, реляционная, считает время отношением между физическими событиями. Вторая пара концепций расходится по вопросу отношения категорий времени и бытия: статическая концепция предполагает, что события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и одновременно; согласно динамической концепции, реально существуют только события настоящего времени, события прошлого уже реально не существуют, а события будущего ещё реально не существуют (Молчанов, 1977). Этот взгляд является сугубо философским, и мы воспользуемся анализом М.Ш. Магомед-Эминова, который намечает линию психологического понимания, заключённого в философском дискурсе (Магомед-Эминов, 2007). По его мнению, надо учитывать, что время имеет культурно-историческое происхождение, отмеченное в древних цивилизациях в обожествлении животных, фараонов, царей, строительстве пирамид, мумификации, наличии в древности развитых календарей, родословных, анналов древних цивилизаций, создании солнечных, песочных, водяных часов и в изобретении, наконец, точных механических часов в Средневековой Европе. Представление о времени развивалось от неоднородного мифологического времени, построенного на повторении, одновременности, ритмичности, к однородному физическому времени современных цивилизаций. Абстрактная идея всемирного однородного времени возникла из первоначального представления ритма и периодичности.

Начиная с древней натурфилософии, борьба двух подходов ко времени – теории элиминации времени и теории становления времени, сменяется признанием времени при подчинении времени пространству. Одни, следуя Пармениду и Архимеду, понимали бытие как вневременное; а другие, вслед за Гераклитом и Аристотелем, верили, что бытие имеет временную структуру. Противопоставление двух сфер уже намечается у Парменида, у которого единое, вечное, неделимое, неподвижное бытие отличается от изменчивого, преходящего, чувственного мира. Бытие неподвижно – утверждали элеаты устами Парменида (Парменид, 1989). У

Гераклита, наоборот, господствует дух всеохватного становления: всё движется, всё изменяется – утверждал он.

Платон в своей философии сочетает обе названные традиции: бытие у него вечно, а становление изменчиво (Платон, 1999). Время теперь связывается со становлением – изменением, движением по кругу, согласно закону числа. Движение и число приводятся во взаимосвязь; так что рассматриваются относительно космоса – кругового равномерного движения небосвода, согласно закону числа. Аристотель в «Физике» продолжает считать мерой времени и мерой движения круговое движение небесной сферы, но само время теперь трактуется им в связи с движением или изменением вообще (Аристотель, 2002). Время определяется как «число движения» по отношению к предыдущему и последующему. Время у него – непрерывная величина, а число – то, что разграничивает «части» времени. У Аристотеля намечается теоретическая линия, позже создавшая представление о «внутреннем времени». Для измерения времени он признаёт необходимость в душе, без которой, как он считает, время невозможно измерить.

Плотин развивает заложенный в учении Аристотеля «психологизм» – необходимость участия души в измерении времени (Плотин, 1995-1996), однако, отклоняет собственно психологическую точку зрения – время он теперь считает жизнью мировой души и длительностью души. Св. Августин связывает время с индивидуальной душой и предлагает собственно психологическую трактовку, заявляя: «В тебе, душа моя, измеряю я время» (Св. Августин, 1999, Часть 9, глава XXVII). В дальнейшем формируются две линии: одна из них связана с пониманием времени на основе порядка вещей, а другая – на основе порядка идей. Они приводят к разграничению внешнего и внутреннего времени (Св. Августин, Фома Аквинский, Суарес).

По Ньютону, абсолютное, истинное математическое время протекает равномерно, и он называет это длительностью (Ньютон, 1989). Основываясь на «порядке вещей», отличающемся от «порядка идей», учитывая, вдобавок, понятие времени как «числа движения», он формулирует понятие абсолютного времени. Г.В. Лейбниц, напротив, разрабатывает идею относительного, измеряемого времени. Он отрицает абсолютное время, но, основываясь на принципе предустановленной гармонии, иерархизирует относительные времена и, в результате, у него получается также универсальное время (Лейбниц, 1982).

Позже создаётся понятие универсального однородного физико-математического времени. Мера этого времени задаётся пространственно, совпадает с одномерным «временем – линией» как траекторией прямолинейного, равномерно

движущегося тела. Временная последовательность соответствует последовательности точек перемещения тела. В реляционной концепции времени А. Эйнштейна постулируется относительность пространства и времени. В отличие от классической точки зрения, здесь понятия пространства и времени производны от понятия физического события. Кроме того, на временную линию оказывает деформирующее влияние гравитационная структура. Эйнштейн оценивал классическую позицию так: «О точках пространства и моментах времени говорили так, как будто они были абсолютной реальностью. Не замечалось, что истинным элементом пространственно-временной локализации является событие...» (Эйнштейн, 1966, т. II, с. 24). Событийность темпоральности является важным положением также для деятельностно-смыслового подхода к темпоральности, который мы будем использовать для построения модели временной перспективы. В модели Эйнштейна-Минковского время рассматривается как четвёртое измерение, дополняющее три пространственных.

И. Кант для решения метафизических проблем переводит линию, связанную с «внутренним» временем (которая к тому набирает силу), из психологической плоскости в трансцендентальную (Кант, 1964). Он определяет время как априорную форму внутреннего чувства трансцендентального субъекта и условие возможности опыта (внешнего и внутреннего). В немецкой классической философии преодолеваются также онтология субстанции и противопоставление неподвижного бытия, вечной субстанции и становления, временного. В философии жизни не только становление получает приоритет по отношению к бытию – вечности, но также отрицается сверхчувственная реальность и вневременная основа жизни. После устранения оппозиции «вечное – временное» время противопоставляется пространству, то есть качественное и количественное время задают новую оппозицию (Бергсон, 1992).

Бергсон вновь ставит вопрос о времени «психологически», различая непрерывную качественную длительность и количественное однородное время рядоположенных моментов. Он становится одним из ярых противников пространственного времени. И это несмотря на то, что он сам убедительно обосновал условия, создающие необходимость в дискретности времени. Стоит вспомнить, что у Аристотеля время сочетает в себе непрерывность и дискретность: время как величина и круговое движение непрерывно, но как число движений – дискретно.

Наконец, Э. Гуссерль формулирует феноменологию времени, говоря о внутреннем сознании времени, в котором переживание времени переходит в идею темпоральности самого сознания. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера

темпорально трактуется уже само бытие, которое всегда мыслилось вечным. Круг замыкается: вневременное бытие становится временным.

Анализ развития представлений о времени в физике и метафизике позволяет сделать основной вывод о том, что в общенаучном дискурсе противопоставляется понимание времени, с одной стороны, как количественно-дискретного феномена, а с другой стороны – как качественно-континуального феномена. Эти два понимания могут быть приняты за основу систематизации представлений о временной перспективе в психологии. Конкретными выводами из метапсихологического анализа являются следующие. Во-первых, проводится различие количественной длительности, понимаемой как метрическое время, и качественной длительности – «живого времени», переживания времени. Во-вторых, переживание времени является основной характеристикой психологического понимания времени; в-третьих, психологическое понимание времени как переживания длительности (Св. Августин, А. Бергсон) подвергается метафизическому пересмотру как априорной формы внутреннего чувства (И. Кант), внутреннего сознания времени (Э. Гуссерль), темпоральной основы Dasein (М. Хайдеггер).

Несмотря на депсихологизацию времени, намечается важный момент рассмотрения его как основы организации опыта (И. Кант), основы самосознания (Э. Гуссерль), основы бытия человека (М. Хайдеггер). Понимание времени, которое феноменология связала с трансцендентальным всеобщим, чистым сознанием, бытием как таковым, необходимо спустить в мир человеческой жизнедеятельности. Направление этого перехода задаётся также реляционной концепцией времени, в которой время связывается с событием, хотя событие трактуется как физическое событие. Все эти представления подводят нас к культурно-деятельностной методологии (К. Маркс, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), позволяющей поставить проблему времени личности в контекст трансформации жизнедеятельности, бытия личности.

Для дальнейшего продвижения проводимого нами анализа необходимо рассмотреть представления о времени в психологии и построить их систематизацию. Существуют разные подходы к этому вопросу. Для иллюстрации приведём подход К.А. Абульхановой-Славской и Т.Н. Березиной, которые классифицируют существующие направления изучения времени на четыре подхода. Первый — отражение (психикой, сознанием) объективного времени, большая или меньшая адекватность и механизмы отражения (восприятие времени). Второй — временные,

то есть процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные, прежде всего, с лежащими в ее основе ритмами биологических, органических, нейрофизиологических процессов. Третий – способность психики к регуляции времени движения, действия и деятельности. Четвертый – личностная организация времени жизни и деятельности, то есть той пространственно-временной композиции, в которой строятся ценностные отношения личности с миром на протяжении времени жизненного пути (Абульханова, Березина, 2001).

Основываясь на принципе гетерохронности развития, Н.Н.Толстых вводит в классификацию временной перспективы на разных этапах онтогенеза специфические особенности хронотопа как единства пространственно-временных составляющих развития (Толстых, 2010).

Продуктивная классификация психологии времени представлена в работах М.Ш. Магомед-Эминова: «Первый – презентативный подход, основывается на данности, представленности, презентированности факта. При объективистской ориентированности он занимается восприятием и оценкой длительности, одновременности и последовательности фактов, процессов, движений и т.д. При субъективистской ориентации он акцентирует внимание на ощущениях, восприятии, переживании момента, настоящего. С точки зрения процессов, акцент делается преимущественно на перцептивных процессах, а содержательно – на перцептивном опыте «здесь и теперь», на совокупности фактов, взаимодействующих в данный момент. Как оценку времени реакции (ВР), так и теорию поля К. Левина можно отнести к этой области» (Магомед-Эминов, 2007, т. 1, с. 347).

Следует отметить противоречивость отечественных исследований времени, пытающихся сочетать презентативную и собственно субъективно-содержательно-личностную перспективу в понимании психологии времени. А.Н. Леонтьев указывает, давая оценку взглядам П. Фресса, что «мы имеем дело с восприятием тех или иных событий «по оси времени»,...где обычно лишь длительность может восприниматься как таковая, обычно же она оценивается (именно оценивается) ....в зависимости от ее... наполненности воспринятыми внешними и внутренними событиями» (Фресс, Пиаже, 1978, с. 7).

Данная группа исследователей может быть отнесена ко второму типу подходов – репрезентативному, который основывается на репрезентации фактов, событий. Ключевой образующей здесь является представление, которое формирует прошлое в контексте памяти и формирует будущее в контексте воображения, фантазии,

ожидания. В содержательном плане акцент может быть сделан на ретроспекцию опыта – складываются биографические подходы, подходы жизненного пути (Логинова, 1978; Абульханова-Славская, 1991), организации времени (Ковалёв, 1995; Абульханова, Березина, 2001), реализации перспективной установки (Нюттен, 2004), исследования ориентации на будущее (Raynor, 1976; Gjisme, 1996). В рамках данного подхода складывается линейно-категориальная трактовка времени, в которой настоящее разделяет прошлое и будущее как сферы репрезентаций – перспективной и ретроспективной информации.

В двух изложенных подходах также берут начало физикалистские и эмпирические трактовки времени. Третий подход – «абстрактно-гипотетический», строится на абстрагировании, обобщении временных отношений в концептуальном пространстве понятия времени, понятий прошлого, настоящего и будущего, других временных отношений и их концептуального синтеза. Время здесь понимается как родовая временная форма для трех видов времени – прошлого, настоящего и будущего. В содержательном плане он основывается на объяснительных, детерминистских схемах – каузальных, телеологических или их комбинациях (Головаха, Кроник, 1984). Мы будем различать временность, темпоральность и время. Темпоральность раскрывает время, которое укладывается на основе сигнификативной, когнитивной активности сознания в представление, понятие «время». Однако необходимо разделять исходную темпоральность и категоризацию времени, то есть время и понятие времени. В данном разделе мы рассмотрим основные подходы к изучению времени, в которых время понималось и изучалось с точки зрения таких его характеристик, как длительность, объективная или переживаемая (во втором случае авторы, в основном, используют термин «восприятие времени»), и последовательность.

Для того чтобы сама систематизация работала в направлении прояснения проблемы временной перспективы и её трансформации, мы воспользуемся классификацией, построенной на результатах терминологического, этимологического и метапсихологического анализа.

На основе проведённого метапсихологического анализа мы сделали общий вывод о противопоставлении понимания времени в общенаучном дискурсе, с одной стороны, как количественно-дискретного феномена, а с другой стороны, как качественно-континуального феномена. Оба понимания, рассмотренные вместе, примем за основу систематизации психологических представлений о времени и

временной перспективе. Ещё два аспекта систематизации, связанные с первым, заключаются в следующем: во-первых, в экстремальной ситуации временная перспектива деформируется, что соответствует традиционной точке зрения; во-вторых, временная перспектива конкретизируется с точки зрения смысловой интенциональности в практике жизни. Основываясь на этих критериях, предлагаем следующую систематизацию психологических представлений о времени: количественно-дискретные подходы; количественно-пространственные подходы; качественные подходы; рассмотрение временной перспективы в связи с экстремальностью; культурно-деятельностный подход. В этой систематизации дискретность вводится двумя разными способами. В первом случае дискретность определяется через число, количество, используется для подсчёта времени, то есть длительности определённого процесса. Во втором случае дискретность разделяет, ограничивает, выделяет определённое пространство, определённый интервал, отрезок. Так, например, по А.А. Ухтомскому, хронотоп имеет размерность, то есть единицу измерения: интервал хронотопа – это интервал между событиями. При этом он полагает, что время выступает не просто фактором, влияющим на течение событий, а «порядком распределения вещей», то есть чем-то пространственным (Ухтомский, 2002). Существует ещё более крайняя точка зрения, когда временная перспектива рассматривается как синтетическое образование пространственных и временных композиций (Толстых, 2010). Во всех этих представлениях время как континуальная длительность проецируется на пространственные представления. По мнению Ю.К. Стрелкова, который следует идее Бергсона, истинная длительность континуальна и не может в своей сути выразиться в дискретных, пространственных формах (Стрелков, 2006). Результаты проведённого психологического анализа временной перспективы позволяют нам как построить систематизацию представлений о временной перспективе, так и выдвинуть теоретическое основание, поставить проблему временной перспективы как смыслового феномена и обосновать эмпирическое исследование временной перспективы в последующих частях работы.

Предлагаемая в работе систематизация представлений о временной перспективе проводится не по логике психических процессов и функций, задействованных в понимании временной перспективы (они могут меняться, в зависимости от интенциональности), а по логике учёта двух основополагающих перспектив – количественной (дискретной) и качественной (континуальной), лежащих в основе понимания времени. Более того, в данной систематизации находит

своё выражение последовательный процесс наполнения временной формы событийностью, что, в свою очередь, ставит естественный вопрос об интенциональном измерении жизненного события и его смысла.

1.2 Количественно-дискретные подходы к исследованию времени

Метапсихологический анализ временной перспективы за пределами, границами психологии – в физике, метафизике, общенаучном дискурсе – переходит теперь на собственно психологическую территорию. Систематизация, построенная для проведения психологического анализа феномена, не ограничивает своё значение чисто классификацией, а вносит вклад в обоснование смыслового опосредствования временной перспективы. Так как время, прежде всего, есть «число движения» (Платон, Аристотель и др.) и числовая длительность с определённой единицей измерения, основа измерения протяжённости всяких процессов, то мы обратимся, прежде всего, к обсуждению количественно-дискретной временности. Существование человека в экстремальной ситуации требует такого понимания темпоральности, в котором количественная и качественная сторона рассматриваются в единстве. Обратим внимание на то, что время, длительность лежит в основании подразделения экстремальной ситуации на краткосрочную и долгосрочную. Состояние человека диагностируется как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) при продолжительности симптомов свыше 1 месяца и как «отсроченное ПТСР» при возникновении симптомов через 6 месяцев и более.

Дискретность конституирует принцип числовой длительности, однако, она несёт в себе два значения – арифметическое и геометрическое. Особое значение приобретает изучение оценки временной длительности. В эмпирической части работы мы проводим специальное исследование, посвящённое именно этой проблеме. Ставится вопрос не только о количественной длительности, но и о пространственном опосредствовании временной формы. Эта известная идея является альтернативой смысловому опосредствованию. Прежде, чем мы приступим к анализу количественно-дискретных подходов к временной перспективе, предварим его короткой теоретической преамбулой с акцентом на классификацию. Это необходимо для того, чтобы соотнести предлагаемую систематизацию с известными в литературе подходами.

Психология времени в контексте жизни человека нашла свое развитие в концепциях У. Джемса, П. Жанэ, Ш. Бюлер, К. Левина, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева. Разработанные классификации концепций, подходов и взглядов на проблему психологии времени базируются на разных основаниях. Критериями классификаций К.А. Абульхановой являются уровни психических процессов, способы и направленность планирования времени жизни, своевременность, прерывистость / непрерывность жизненной перспективы. Классификация А.А. Кроника и Е.И. Головахи предлагает в качестве критерия анализ соотношения прошлого, настоящего и будущего. Исходя из этого, ясно очерчено превалирование квантового подхода к настоящему в психологии (кванты У. Джемса (минуты), А. Пьерона (5-6 сек), П. Фресса (2 сек), А. Моля, М. Планка – различны). Классификации психологических подходов к пониманию времени строились, в основном, на разделении субъективистской и объективистской установок, ориентации на процессы и / или содержание.

Важнейшим направлением, на базе которого формировалась экспериментальная психология, а в рамках нее и первые попытки изучения времени как времени реакции, стала психофизика. Основной задачей психофизики, по Г. Фехнеру, является разработка точной теории соотношения между физическим и психическим мирами, между душевным и телесным. Для решения этой задачи Фехнер разработал методы едва заметных различий, средних ошибок и постоянных раздражителей, впервые применив математические методы в психологии. После него другие исследователи продолжили эту линию, активно используя объективный метод для изучения ощущений, времени реакции, ассоциаций и др. Изучение времени реакции берет свое начало во второй половине XIX века в лабораториях основателя экспериментальной психологии В. Вундта и Ф. Гальтона – создателя психометрии и дифференциальной психологии.

Старая психофизиология с ее «анатомическим началом» «расшатывалась» самими физиологами еще с одной стороны. Г. Гельмгольц открыл скорость прохождения импульса по нерву. Это открытие относилось к процессу в организме. Голландский физиолог Ф. Дондерс в своих экспериментах по изучению скорости протекания психических процессов обратился к измерению скорости реакции субъекта на воспринимаемые им объекты. Испытуемый выполнял задания, требовавшие от него возможно более быстрой реакции на один из нескольких раздражителей, выбора ответов на разные раздражители и т.п. Эти опыты доказывали, что психический процесс, подобно физиологическому, можно измерить. При этом

считалось само собой разумеющимся, что психические процессы совершаются именно в нервной системе.

В экспериментальной психологии время реакции рассматривалось, в основном, с точки зрения способа анализа психических процессов и выявления общих законов и закономерностей, управляющих механизмами восприятия и мышления. В. Вундт, начав экспериментальное изучение сознания отдельного человека, основываясь в своих исследованиях на области психологии, названной им «физиологической психологией» и определявшейся как наука о «непосредственном опыте», используя достижения современной ему психофизики и труды Ф. Гальтона, изучал время реакции субъекта на предъявляемые ему стимулы. В лаборатории В. Вундта началось экспериментальное исследование порогов ощущений и времени реакции на различные раздражители. Удары метронома, по мнению Вундта, представлены в слуховой сенсорно-перцептивной структуре как некая последовательность, которая имеет такие параметры как «до» и «после», «раньше» и «позже». Результаты его работ были изложены в книге «Основы физиологической психологии». В дифференциальной психологии время реакции представляло интерес, в первую очередь, как способ измерения индивидуальных различий в умственных способностях. В частности, Гальтон занимался исследованием общей умственной способности, выдвинув предположение, что биологической основой индивидуальных различий в способностях является скорость умственных операций. Несмотря на то, что на протяжении всей истории психологии экспериментальная и дифференциально-психологическая ветви исследований времени реакции рассматривались преимущественно отдельно друг от друга, современная психология отличается интенсивным взаимодействием этих двух областей.

Психологические эксперименты, начатые в лаборатории Вундта, и исследования восприятия времени подытоживает Г. Вудроу. В своей работе «Восприятие времени» 1963 года, он пишет, что «человек, прислушиваясь к ходу часов, может заметить, что в поле его актуального сознания обнаруживается одновременно несколько ударов маятника. Задавая вопрос о том, сколько ударов маятника предшествовало последнему, и сколько последовательных ударов можно слышать одновременно, проблема ставится и в более общем плане: какова длительность того физического времени, на протяжении которого может быть расположено некоторое число стимулов, которые будут восприниматься как совершающиеся в настоящий момент». (Вудроу, 1963, с. 866). Таким образом, такой характеристике времени как длительность, которая соотносилась в психофизических

исследованиях со временем реакции на стимулы, с одной стороны, и временем реакций психических процессов, с другой, уделялось пристальное внимание.

В более поздних психофизических экспериментах (Catell, 1902; Woodworth, Schlossberg, 1958) время реакции рассматривается как мера интенсивности в силу того, что латентный период, или время реакции, обычно связан с интенсивностью стимула в простых реакциях или с различением стимула в реакциях выбора, а в ассоциативном эксперименте – с частотой ответа. При этом время реакции определяется с помощью ряда интенсивностей какого-либо стимула, который впоследствии шкалируется в единицах времени реакции. Постепенно время реакции становится самостоятельным методом измерения субъективных величин. Стоит особо отметить обнаруженные в психофизике эффекты временной суммации (закон Блоха), когда в пределах нескольких миллисекунд увеличение продолжительности стимула эквивалентно увеличению его яркости.

Смысл шкалирования силы ощущений на основе времени реакции заключался в том, что время реакции, например, на слуховой стимул, принималось исследователями за две части: одна – тот минимум, который составляет задержку реакции в нервной системе (несократимая часть отношения), вторая часть – время совершения стимулом определенной работы (сократимая часть); стимул, (будучи измерен в логарифмических единицах), увеличиваясь на этот шаг, уменьшал время реакции на постоянную величину второй части времени реакции. Это подтверждало закон Фехнера. Кроме прямого шкалирования, использовались и косвенные методы шкалирования при помощи измерения времени реакции. Делалось предположение, что одинаковые по трудности различения стимулы дают одно время реакции. Изменение времени реакции при увеличении интенсивности, например, освещенности, показывает, что кривая времени реакции падает при увеличении светового раздражителя. При шкалировании аффективных расстояний, например, цветов, испытуемые значительно отличались по времени реакции, причем в большей степени, нежели различались по предпочтению цветов в парных сравнениях. В этот же период активно разрабатывалась линия изучения физиологии активности. Аналогично психофизическим экспериментам, время здесь рассматривалось с точки зрения длительности, объективной или воспринимаемой.

Подход к пониманию времени как объективной реальности нашёл свое отражение на рубеже веков в работах отечественных ученых И.М. Сеченова, С.Г. Геллерштейна, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского, К.Д. Ушинского. И.М. Сеченов в своих работах вводит принцип «регулирования движений чувствованием» и указывает на роль кинестетической чувствительности и слуха в формировании

восприятия времени. В русле данной концепции С.Г. Геллерштейн вводит понятие «чувства времени» как «сложного процесса восприятия» времени, который основывается на различных ощущениях. Целью его научных изысканий стало установление связи между чувством времени и умением управлять скоростными движениями, то есть опровержение господствующей ранее идеи, утверждавшей, что время реакции человека является константой. При сосредоточении внимания на чувственном отзвуке выполненного действия, происходит актуализация следов этого действия, которые без направленного на них внимания быстро исчезают. Эти следы регулируют выполнение последующих действий. Говоря о выполнении скоростных действий, Геллерштейн полагал, что чем лучше человеку удастся перевести смутные ощущения времени в более осознаваемые, тем более вероятно обострение его чувствительности к микроэлементам времени. Благодаря этому, лучше происходит совершенствование действий (Геллерштейн, 1958). Указывая на почти безграничные ресурсы человека, особый акцент Геллерштейн делал на сознании. Благодаря одному из своих свойств – рефлексивности, сознание является обязательным компонентом «чувства времени».

Проблеме времени находится место и в педагогических работах К.Д. Ушинского, который связывает восприятие времени и пространства, рассматривая феномен «чувства усилия», в котором, как полагает автор, и происходит сознание времени. Ушинский считает, что восприятие времени происходит из опыта, потому объективно. Подчеркивая значение органов чувств для восприятия времени, он отводит важную роль чувству усилия, то есть мускульному ощущению, из которого, как он полагает, возникает осознание времени. Сознание времени для Ушинского – это сознавание промежутка между неподвижностью и движением, где силы накапливаются, в отличие от быстрых движений. Так, в произвольных движениях различаются долготы и краткость, быстрота и медленность, которые могут создавать различные затраты усилий в единицу времени.

И.П. Павлов также рассматривал время с точки зрения длительности. Он показал, что можно сформировать условный рефлекс на время, и время становится объективным раздражителем аналогично зрительному, слуховому и тактильному стимулам. В результате периодического кормления собаки у неё вырабатывались периодические слюнные рефлекс, и сигналом на выработку условного рефлекса здесь являлось само время, то есть интервал между двумя безусловными стимулами. Павлов отметил, что в процессе выработки условного рефлекса происходит адаптация к последовательности двух событий, то есть условный стимул позволяет предвидеть следующий за ним безусловный. В некоторых случаях решающим в выработке

условного рефлекса, кроме последовательности, становится временной интервал между стимулами – и тогда условный рефлекс возникает только по истечении определенного временного промежутка. Условная реакция возникает в этом случае через временной интервал, воспринимаемый субъективно равным интервалу между условным и безусловным раздражителями. Запаздывающий рефлекс имеет два вида: отсроченный (когда условный сигнал длинен и безусловный следует за ним) и следовой (в котором условный сигнал краток и отделен от безусловного незаполненным интервалом). Запаздывающий и условный рефлекс на время сходны (Павлов, 1951).

В.М. Бехтерев также выводит восприятие времени из опыта, в том числе, сезонных и суточных циклов, а также проприоцептивных ритмов дыхания и сердцебиения. Все это, по его мнению, приспособливает мозг к достаточно точному определению временных промежутков в течение обычной суточной активности. Эту способность у человека он выводит из ориентировки животных во времени (Бехтерев, 1921).

П.Фресс полагал, что запаздывающий рефлекс и условный рефлекс на время являются цепочкой «запаздывающих» условных реакций (Фресс, Пиаже, 1978). Сначала реакция слюноотделения появляется как ответ на появление условного стимула и постепенно начинает запаздывать, в конце концов, приближаясь к интервалу между появлением стимулов, но не становясь равной ему. Условный рефлекс вырабатывался тем быстрее, чем короче был интервал между безусловным и условным стимулами. Однако Фресс указывал, что не у всех животных такой рефлекс на время вырабатывается, и полагал, что именно поэтому Павлов считал его слишком слабым раздражителем (Фресс, Пиаже, 1978, с. 95). Эксперименты по выработке условного рефлекса у людей на удар электрическим током показали, что если для выработки запаздывающего условного рефлекса с интервалом 20.2 секунды между безусловным рефлексом и условным рефлексом было необходимо 47 повторений, то при сходном, даже более коротком интервале – 17.4 секунды, выработка следового (то есть имеющего пустой интервал между условным рефлексом и безусловным рефлексом) требовала уже более чем в шесть раз больше повторений. Однако Фресс ставит под сомнение, можно ли считать данные эксперименты выработкой условного рефлекса запаздывания, а не латентным временем реакции на неприятный стимул, который вызывает предваряющую реакцию тревоги, претерпевающую постепенное отсрочивание (по неизвестным причинам).

Исследования психологии времени, проведенные и обобщенные Фрессом, считаются авторитетным трудом конца 50-х годов XX столетия. Восприятие и оценивание времени являются отражением эмпирических исследований психологии времени, включающих восприятие последовательности, оценки длительности,

ориентировки по отношению к прошлому и будущему. Психологию времени автор понимает как изучение поведения человека в условиях происходящих вовне изменений – физических, технических, социальных, а также изменений, происходящих в нас самих (Фресс, Пиаже, 1978). Восприятие последовательности, по мнению Фресса, собственно, и может свидетельствовать о времени по наличию последовательной смены фаз и состояний. Ориентировка во времени, как феномен, требующий изучения в контексте восприятия времени, состоит в идее периодичности смены календарей, сезонов, создающих систему отсчета в этих непрерывных изменениях.

Восприятие длительности изучалось различными методами – методом оценки (абсолютной и количественной), методом воспроизведения, методом продуцирования. Фресс вводит разделение между восприятием и оценкой времени в зависимости от длительности интервалов, экспериментально доказывая минимально воспринимаемый субъектом двухсекундный интервал. Все, что относится к интервалу меньше 2 миллисекунд, согласно Фрессу, воспринимается, а все, что больше - только оценивается. Из этого факта был сделан вывод о существовании настоящего. Подобное теоретическое допущение показывает, как далеко интерпретация может отстоять от факта. В основе явления недооценки длительности интервала лежит взаимодействие сенсорной инерции и затухания возбуждения вследствие адаптации. Переживание удовольствия от процесса деятельности характеризуется сосредоточением внимания на самом переживании; течение времени остается за пределами внимания человека и поэтому протекает «быстрее». При переживании неудовольствия внимание сосредоточивается на течении времени, которое из-за этого представляется очень «медленным» (Фресс, Пиаже, 1978).

С.Л. Рубинштейн в работе «Основы общей психологии» посвящает восприятию времени отдельную главу, указывая на смещение интереса, в первую очередь, в философии, с проблем пространства на вопросы времени. Рубинштейн подчёркивает важную адаптивную роль ориентировки во времени в животном мире и ее эволюционное значение для человека в формировании функции восприятия времени, состоящей из ощущения длительности, базирующегося на висцеральной чувствительности, и собственно восприятия времени. В проблеме времени тогда выделяются две стороны – длительность и время как таковое. Восприятие длительности и восприятие последовательности становятся основными экспериментальными феноменами. Рубинштейн указывает на особое ощущение времени, имея в виду преимущественно оценку длительности коротких интервалов, основанную, как он полагает, на ритмичности биологических процессов жизни:

дыхания, сердцебиения, температуры тела, а также химизма в нервной системе. Доказательством его теории служат примеры органических нарушений висцеральной чувствительности, ведущих к утрате оценки времени. Кроме этого, Рубинштейн указывает, что возрастные различия в данных по недооценке маленьких (длительностью в одну минуту) и переоценке больших промежутков времени у детей от семи до девятнадцати лет больше (до 175%), чем у взрослых (до 133%). Он приводит также данные об индивидуальных различиях в восприятии длительности коротких временных интервалов у так называемых брадикардического и тахикардического типах восприятия времени (Рубинштейн, 1998, с. 251), которые впоследствии были продемонстрированы в экспериментах Б.И. Цуканова и подмечены в экспериментах Д. Хогланда. Хогланд (Hoagland, 1933, 1935) показал наличие связи субъективной оценки временных интервалов с физическими характеристиками человека, уточнив, что ускоренное протекание в организме биологических процессов, например, вызванное температурой, ведет к субъективной переоценке временных интервалов. В дальнейшем, влияние температуры тела человека на восприятие времени также нашло свое подтверждение в более поздних исследованиях (Baddeley, 1966; Wearden & Penton-Voak, 1995), что дало основание Х.Р. Шиффману утверждать, что эти данные позволяют предположить существование внутренних «биологических часов» (Шиффман, 2003).

Такие характеристики времени, как необходимость наличия отправной точки для отсчета, как это имеется в календарях, или, например, принятие настоящего за точку отсчета для восприятия прошлого и будущего, также подвергаются анализу в концепции Рубинштейна, наряду со свойством текучести и необратимости времени. Система единиц измерения времени связана, по мнению автора, не в последнюю очередь, со знаменитой проблемой «момента», то есть длительности непосредственно воспринятого недискретного настоящего, которое может расширяться в результате заполнения временного интервала жизненным содержанием.

Вслед за Джемсом, ссылаясь на Р. д'Алона, Рубинштейн формулирует не только количественные закономерности в оценке длительности, но и отмечает влияние содержания на восприятие времени. Восприятие времени, по его мнению, детерминировано членением реальных процессов и содержаний, которые заполняют эти промежутки. Небольшие, заполненные деятельностью промежутки переоцениваются в соответствии со следующим принципом: чем больше объём содержания, тем длительнее воспринимаемый промежуток. Вводя понятие установки на будущее, Рубинштейн также показывает закономерность, согласно которой время в ожидании приятного события переживается как длительное, а в ожидании

неприятного – как короткое (более подробно это будет изложено в следующем разделе работы).

Б.М. Теплов развивает идеи о времени с точки зрения чувства ритма. Он обосновывает идею упражняемости чувства времени, в рамках концепции развития способностей (Теплов, 1961). Изучая проблему музыкальной одаренности, Теплов уделяет внимание чувству ритма, или временным отношениям в музыке. Он определяет ритм как некоторую определенную организацию процесса во времени, как закономерное расчленение временной последовательности раздражений на группы, метафорично называя его «музыкальным временем». Важную роль в его работе занимает проблема управления «музыкальным временем» и его оценка. И средством оценки этого временного соотношения является, по мнению Теплова, сама музыка. При изучении проблемы чувства ритма в психологии делался акцент на оценку временных интервалов. Б.Г. Ананьев, ссылаясь на Б.Ф. Ломова, в своих трудах указывает, что различие в латентных периодах есть показатель различного значения анализаторов в общем механизме двигательной регуляции. В силу того, что тактильная чувствительность является генетически более ранней и в большей степени связанной с движением (Ананьев, 1963), кратким латентным периодом отличаются тактильные реакции на кожно-механические раздражители и кожно-болевые реакции. Ухтомский, кстати, также предполагал связь тактильной и болевой рецепции с регуляцией движений.

Важным экспериментальным этапом в развитии представления о психологическом времени являются исследования Д.Г. Элькина, в которых показана необходимость разделения непосредственного чувственного восприятия времени (включающего восприятие длительности, последовательности, одновременности) и восприятия времени, опосредствованного высшими психическими функциями (Элькин, 1962, 1968). Элькин особенно подчеркивает роль кожного анализатора в восприятии времени, что продолжает линию представлений о роли чувственного компонента. В свою очередь, ученик Элькина Б.И. Цуканов, исследуя субъективный образ длительности, считал, что данный образ строится с опорой на четко определенный временной промежуток. Этот временной промежуток исполняет роль своеобразного индивидуального «шага» и совпадает с длительностью эндогенных изменений. Подобная субъективная единица восприятия объективного времени примерно равна 0,87 – 0,89 сек (Цуканов, 2000). На основании этого выделяется субъективная скорость времени для трех групп индивидов, которых автор называет τ -типами: «спешащих», «точных», «медлительных». Речь идет о том, что для каждого

человека характерны «биологические часы», которыми человек «меряет свое время, время своих действий, переживаний, памяти» (Цуканов, 2000, с.12). Однако, на сегодняшний день, механизм функционирования этих «часов» ещё недостаточно изучен. Автор делает предположение о природе «действительного настоящего» - не только его переживаемой длительности, но и языковых формах порождения. Например, несовершенные формы глаголов настоящего времени включают, по мнению Цуканова, «элементы прошлого и зародыши будущего» (Цуканов, 2000, с. 71).

Когнитивные теории обработки информации также рассматривают проблемы восприятия времени. Одной из наиболее авторитетных среди них является теория Р. Орнштейна (Ornstein, 1969). Основная идея автора заключается в том, что восприятие человеком продолжительности заданного временного отрезка зависит от содержания (когнитивных событий), которое сохранилось в его памяти. Зависимость между количеством событий и воспринимаемой продолжительностью данного отрезка времени автор показал в серии экспериментов. При константном времени в 9 мин 20 сек, но различной скорости подачи звуковых сигналов (40, 80 или 120 сигналов в минуту), менялось субъективное восприятие этого временного интервала (Шифман, 2003). Подобный эксперимент с теми же результатами был проведен в других модальностях – зрительной (Mescavage et al., 1971; Schiffman & Bobko, 1974), тактильной (Buffardi, 1971), а также на выборке детей до 6 лет (Arlin, 1989). Интерес также представляют исследования промежутков времени с разной «заполненностью» стимулами (звуковыми или световыми сигналами), которые проводили другие исследователи (Gomez & Robertson, 1979; Thomas & Brown, 1974; Long & Beaton, 1980). Временные интервалы, содержащие эти стимулы, субъективно ощущаются как более продолжительные, нежели не заполненные ими (авторы не соотносили эти данные с изложенными закономерностями у С.Л. Рубинштейна или П. Фресса). Установлено было, что на восприятие продолжительности времени влияет также сложность стимулов (Schiffman & Bobko, 1974; Ornstein, 1969).

Среди других теоретических взглядов на проблему времени с позиций когнитивной психологии, которые излагает Х.Р. Шиффман в книге «Ощущение и восприятие» стоит выделить ряд концепций (Block, 1990; Kristofferson, 1967; Michon, 1966; Thomas & Weaver, 1975). К одной из альтернативных можно отнести теорию, в основе которой лежит постулат, что восприятие времени непосредственно зависит от центра внимания. Исследователи выделяют два главных и независимых механизма внимания: «когнитивный таймер» - кодирует и обрабатывает информацию о времени;

вневременной механизм обработки информации на основе происходящих когнитивных событий (Thomas & Weaver, 1975; Zakay, 1989, 1993). Если временным аспектам задания, выполняемого в ходе эксперимента, уделяется больше внимания, чем когнитивным, то субъективно временной промежуток воспринимается больше; если когнитивным – наоборот. Это является одним из объяснительных принципов для того факта, что «пустой» временной интервал ощущается как более длинный (Hogan, 1978). У. Джемс давал более тонкую интерпретацию этому факту, разделяя кажимость скорости протекания заполненных промежутков времени и их длительности при воспоминании.

А.Дж. Делонг (DeLong, 1981) выдвигал идею об эмпирической относительности пространства и времени – их связанности между собой как проявлений одного феномена. Восприятие времени, согласно воззрениям автора, зависит от тех объектов, в контакте с которыми находится человек. Эти положения нашли эмпирическое подтверждение в ходе экспериментов по субъективной вербальной оценке испытуемыми продолжительности времени (Bobko et al., 1986). Испытуемые играли в видеоигру одинаковое количество времени, но с использованием экранов разных размеров. Была выявлена зависимость оценки испытуемыми затраченного на игру времени от размера экрана. Чем меньше был экран, тем субъективно более долгое время проводили за игрой испытуемые. Подобный опыт провели Т. Митчелл и В. Дэвис (Mitchell & Davis, 1987). Авторы изучили влияние размеров окружающих испытуемых предметов на восприятие ими времени. Была выявлена закономерность, согласно которой, чем меньше размер окружающей среды, тем субъективно более «сжатым» для респондентов оказывается временной интервал.

Таким образом, делается вывод, что «восприятие времени и пространства изменяется согласованно» (Шиффман, 2003, с. 786). Конкретное проявление этот вывод нашел в так называемых тау- (влияние времени на восприятие расстояния) и каппа- (влияние расстояния на восприятие времени) эффектах, изучению которых посвящены многие эксперименты. В частности, тау-эффект был воспроизведён в эксперименте, где последовательно были стимулированы три равноудаленные точки на предплечье испытуемого. Субъективная оценка расстояний между точками зависила от промежутков времени между стимуляциями. Чем больше проходит времени между стимуляцией двух из них, тем дальше друг от друга они расположены по отношению к первой. Изменение модальности, на которой проводили

эксперимент, не меняло результат (Abbe, 1937; Nelson & King, 1931; Christensen & Huang, 1979). Каппа-эффект был рассмотрен в эксперименте с последовательным включением двух из трех ламп накаливания, расположенных на разном расстоянии друг от друга. Объективно одинаковый временной интервал будет восприниматься как более продолжительный при большем расстоянии между этими лампами (Cohen et al., 1953, 1955; Huang & Jones, 1982).

В исследованиях А.Н. Гусева (Гусев, 2007, 2011) показана роль временной динамики в оценке времени реакции при обнаружении сенсорных сигналов различной модальности. Так, успешность их обнаружения в серии экспериментальных исследований наблюдалась при высокой степени активации испытуемого и высокой степени прикладываемого им усилия, что, в свою очередь, обнаружилось у людей с высокой мотивацией достижения, высокой эмоциональной стабильностью и низкой тревожностью. Автор, тем самым, подчеркивает роль и характер личностного и ситуационного опосредствования в решении сенсорных задач, с точки зрения системно-деятельностного подхода.

1.3 Количественно-пространственные подходы к изучению времени

Популярной в отечественной психологии стала традиция исследования так называемого хронотопа (обладающего пространственно-временными признаками, характеризующими взаимопереход пространственных и временных параметров), основывающаяся на идеях единства времени и пространства в физическом мире (А. Эйнштейн), в мире человеческой культуры (М.М. Бахтин), в мире отдельного человека, его физиологии и психологии (А.А. Ухтомский, А.И. Миракян, Ф.Т. Михайлов, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюк, Т.В. Снегирева, В.С. Собкин и др.), в «пространстве-времени детства» в развитии человека (Д.И. Фельдштейн), в становлении «культурного человека» в «пространстве-времени» определённой культуры с присущими ей координатами хронотопа, внутри которой это развитие происходит (Т.Н. Березина).

В статье «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» в 1937-38 гг. М.М. Бахтин предложил теорию хронотопа, сформулировав новые представления о пространстве и времени в произведении искусства. Понятие было заимствовано из теории относительности А. Эйнштейна. М.М. Бахтин,

послушав в 1925 году доклад А.А. Ухтомского о биологических основах хронотопа, в котором были затронуты также вопросы эстетики, определил хронотоп следующим образом: «Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе ... (что значит, в дословном переводе - «времяпространство»))» (Бахтин, 1975). В этом контексте представляет интерес круг работ различной направленности, в который входит, по мнению Т.Н. Березиной (Березина, 2003), изучение пространственно-временных образных гештальтов у Л.М. Веккера и Б.Ф. Ломова. В связи с этим, важными являются: разработка идей «образа мира» А.Н. Леонтьева, а за ним С.Д. Смирнова; трактовка чувственного образа как хронотопа в концепции В.П. Зинченко, а также ментальные репрезентации объектов, категории, когнитивные карты, смыслы, планы у Дж. Брунера, У. Найссера и представления о преобладающих индивидуальных врожденных параметрах – временных темпоральных типах («спешащие», «точные», «медлительные»), по Б.И. Цуканову.

Положение о существовании так называемого «хронотопа» выдвинул А.А. Ухтомский, определив его как спаянное единство пространства и времени, которое зафиксировано в предметности человеческого мира, его событийности, в формальной логике. Хронотоп, по Ухтомскому, имеет размерность, то есть единицу измерения; интервал хронотопа – это интервал между событиями. Прошлые события имеют тенденцию удаляться от человека, будущие – приближаться. При этом он полагает, что время выступает не просто фактором, влияющим на течение событий, а «порядком распределения вещей», то есть, чем-то пространственным. Нравственная составляющая учения Ухтомского открывает исследователю не только и не столько физиологическую правду идеи доминанты, господствующей, по мнению автора, в мозговой деятельности человека, но и логику и смысл времени в драме человеческой жизни, о которой писали Выготский и Ухтомский: «Единственный по достоинству и значению и никакими силами не повторяемый опыт жизни дан тебе в переживаемые тобой дни. Они даны так, чтобы никогда не повториться; и ничем не можешь ты их заменить, когда они прошли. Тогда, когда вслушиваешься в них со всем напряжением твоего внимания, как врач вслушивается в то таинственное, что делается в груди его ближнего, тогда откроется тебе Великая Трагедия, составляющая существо Всемирной жизни! И тогда впереди ты предувидишь открытие конкретнейшей Истины в Судный день Христов» (Ухтомский, 1921-1922, 2002).

В 1925 году Ухтомский выступил с докладом «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе», показав важность идей Г. Минковского и А. Эйнштейна

для развития теоретической нейрофизиологии и биологии. Реальность Ухтомский понимает как хронотоп, в котором абстрагировать отдельные явления можно лишь искусственно: «С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» (Ухтомский, 2002, с. 343). Ухтомский указывает на принципиальную тождественность своего учения о доминанте и представления о хронотопе, использующегося в физике, так как «в нервных элементах еще более подчеркнута зависимость каждого момента времени от предшествующих» (Ухтомский, 2002, с. 351).

Термином «хронотоп», как формально-содержательной категорией литературы, оперировал также М.М. Бахтин. Автор указывает на то, что хронотоп определяет произведение в его отношении к действительности, жанр и образ человека и тем самым – ценностный компонент. Таким образом, термин был введен в сферу гуманитарных наук и понимался при этом как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» (Бахтин, 1975). Через «живое художественное созерцание» возможно постичь хронотоп, определяющий произведение искусства в его единстве, цельности и полноте (Бахтин, 1975). Ведущим началом в хронотопе Бахтин считал время, которое, однако, всегда раскрывается в пространстве. Пространство, с его точки зрения, «осмысливается» временем, происходят пересечения, слияния пространства и времени в едином целом. Бахтин указывает на различные трансформации хронотопа: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» (Бахтин, 1975).

В.П. Зинченко, развивая идею хронотопа, образно называет прошлое, настоящее и будущее «тремя цветами времени». По его мнению, существует некоторая фиксированная «точка интенсивности», которая может представлять собой «виртуальную единицу вечности» (Зинченко, 1997). Пространство и время души, полагает автор – это также области хронотопии. Мыслитель Мацуо Басе, в беседе с учеником Кёрай, утверждал, что именно в этой точке начинается истинная красота, бурный прилив духовной энергии, час души, состояния озарения, названные световым конусом (Пригожин, 2001, с. 155). Овладение этими состояниями, собственной душой, своим миром – особая работа, «трансцендентальный привод», «зарядка бытия», «событие и гроза» (О. Мандельштам).

А.Дж. Делонг, как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, выдвинул идею об эмпирической относительности пространства и времени и их связанности между

собой, которая будет проверена нами в экспериментальной серии исследований. Таким образом, мы рассмотрели еще одну линию психологического изучения времени, в которой время рассматривается в совокупности с пространством как некий целостный феномен, который был назван «хронотопом». При этом, здесь так же, как и в рамках количественно-дискретных подходов, время понималось с точки зрения его протяженности, длительности, рассматривалось соотношение времени и пространства.

1.4. Теоретический обзор качественных концепций временной перспективы личности

1.4.1 История качественных подходов к временной перспективе личности

В современной психологии встречается целый спектр синонимичных термину «временная перспектива» понятий: «жизненная перспектива», «перспектива будущего», «временная перспектива будущего» «психологическая перспектива», «личностная перспектива», «личное будущее», а также «временной кругозор», «индивидуальное восприятие оставшегося времени жизни» и др. Заметный вклад в разработку вопросов временной перспективы личности внесли такие авторы, как К.А. Абульханова-Славская, Г.А. Архангельский, Р.А. Ахмеров, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, А.В. Петровский, А. Сырцова, В.Э. Чудновский, П. Балтес, Р. Кастенбаум, А. Aall, А. Adler, G. Allport, L.V. Ames, J. Arlow, Ch. Bühler, С.А. Colarusso, Т.Ј. Cottle, Р. Fraiss, L.K. Frank, Р. Hartocollis, W. Lens, K. Lewin, А. Maslow, R. May, J. Kelly, J. Nuttin, В. Zazzo, P.G. Zimbardo и др. Для выявления феноменального и понятийного поля временной перспективы очертим для начала круг связанных с ней, исторически сложившихся в науке терминов.

В трудах У. Джемса обнаруживается описание феноменов, касающихся представления человека о времени и содержащих некоторые наблюдения, которые отсутствуют в современных исследованиях. Автор пытается разгадать загадки, связанные с восприятием, переживанием времени в особых состояниях сознания. В этой связи, Джемс ссылался на Канта, полагавшего, что субъективная продолжительность времени зависит от интенсивности впечатлений, а связь ускорения и замедления времени - с разнообразием или монотонностью времени. По Канту, способность вспоминать и предвидеть создаёт условия формирования временной связи восприятий настоящего. В свою очередь, Джемс отмечал соотносительность оценки продолжительности более значительных промежутков

времени и наполненности их интересными впечатлениями. Согласно его наблюдениям, время, заполненное разнообразными впечатлениями, кажется быстро протекающим, а при воспоминании о нем – очень продолжительным. И наоборот – время, не наполненное впечатлениями, кажется длительным, протекая, а пройдя, представляется короче (Гюйо также предполагал, что время измеряется числом воспринимаемых в этом временном промежутке событий). Так, Джемс, предвосхитив экспериментальные исследования ученых XX века, полагал, что существуют минимальные интервалы времени в несколько секунд, которые неподвластны нашему непосредственному восприятию, для нашего сознания они становятся воображаемой фикцией.

К. Левин, при разработке динамической психологии и психологии поля, обнаружил, что жизненное пространство человека включает в себя не только географическое и социальное окружение, но имеет также временное измерение. Пытаясь установить взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, он подчеркивал, что когда человек воспринимает, переживает свое теперешнее положение, то оно неминуемо связано с его ожиданиями, желаниями, представлениями о будущем и прошлом. Такое включение будущего и прошлого жизни в контекст настоящего и их существование в настоящем К. Левин назвал временной перспективой (Lewin 1939, p. 75; Зейгарник, 1981). Психологическое настоящее, прошлое и будущее входят как части в психологическое поле в настоящем. Границы психологического поля задают масштабы времени – включая ближайшее будущее и прошлое, а также отдаленное прошлое и будущее. Он также определил это явление как «всеобщность взглядов индивида на психологическое будущее и психологическое прошлое, существующее в данное время на реальном и различных ирреальных уровнях» (Левин, 1980, с. 139). Временная перспектива, по Левину – это временная глубина, или временное измерение жизненного мира (пространства), включающая в себя регионы, связанные с будущим, настоящим и прошлым, которые актуализируются в жизненном пространстве в данный момент времени. Идеи К. Левина, впервые поставившего вопрос о существовании единиц психологического времени различной направленности, послужили стимулом для дальнейшего исследования «временной перспективы личности». Анализируя взгляды Левина, Б.В. Зейгарник, вслед за ним, под временной перспективой понимает «включение будущего и прошлого, реального и ирреального плана жизни в план данного момента» (Зейгарник, 1981, с. 60).

Временная перспектива становится популярным понятием в традиции изучения психологии времени, благодаря работе Л. Франка 1939 года, предложившего исследовать временную перспективу в качестве самостоятельного предмета

психологии. Основываясь на разработке понятия «жизненного пространства» К. Левина, Франк полагал, что существуют взаимосвязь и взаимное обусловливание прошлого, настоящего и будущего в сознании человека (Frank, 1939). Франк определял временную перспективу как динамическое и «базовое» образование, полагая, что временная перспектива – культурно обусловленная и ценностно детерминированная целостность. Он указывал также, что в разных сферах жизни человек может иметь разные временные перспективы. После выхода статьи Франка (Frank, 1939), посвященной временной перспективе, Левин стал использовать этот термин (Lewin, 1942), уточнив временную перспективу как «существующую в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого» (Lewin, 1942). Параллельно работам Левина, Нюттен уже в 1941 году изучает закон эффекта – так называемые «открытые будущему задачи», и их влияние на обучение: подкрепляемая реакция лучше помнится, если человек ожидает, что она принесет ему в будущем большую пользу (Nuttin, 1977).

Ж. Нюттен понимает временную перспективу как наличие во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов-целей (или «мотивационных объектов»). Он исходит из того, что, наряду с объектами, явлениями, которые человек актуально воспринимает, имеющими знаки места и времени «здесь и теперь», в сознании человека существуют другие объекты, о которых он время от времени думает, которые стимулируют его активность, влияют на поведение не меньше, чем непосредственно воспринимаемые. Эти объекты-цели, или «мотивационные объекты», несут определенные знаки, или индексы времени. Для определения доминирующей направленности поведения человека на объекты (или события) прошлого, настоящего или будущего, Нюттен вводит понятие «временная ориентация». Временная установка показывает знак настроенности человека по отношению к модусам времени – позитивной или негативной. Собственно временная перспектива, по Нюттену, выступает как определенная функция составляющих ее мотивационных объектов (Nuttin, 1985). Определение, которое дает Нюттен временной перспективе, указывает на последовательность событий с определенными интервалами между ними, представленными в сознании человека в некоторый конкретный момент времени (Нюттен, 2004).

Итак, теоретические конструкты, описывающие временную перспективу, включают в себя, в первую очередь, мотивационные цели, определяющие содержание временной перспективы, и «темпоральные знаки» как измеряемые характеристики этих целей. Временная перспектива выступает, с одной стороны, с точки зрения

параметров протяженности, глубины, насыщенности, степени структурированности и уровня насыщенности; с другой стороны, с точки зрения временной установки к прошлому, настоящему, будущему (аффективное отношение); с третьей стороны, временная ориентация как доминирующая направленность на прошлые или настоящие, или будущие события и цели. Объект, или цель, актуально представленная в психологическом настоящем, то есть в актуальном функционировании человека (когнитивно репрезентированная), может при этом иметь темпоральную локализацию, как в прошлом, так и в будущем.

С 70-х годов XX столетия в работах Ж. Нюттена появляется новый аспект временной перспективы в человеческом поведении, исходящий из самой системы отношений, в которой личность и среда выступают как два полюса (Nuttin, 1985, с. 58). В работе Нюттена 1985 года излагается теоретическая модель и методология эмпирического исследования роли перспективы будущего в мотивации и действии. Эта работа дополняет книгу «Мотивация, планирование, действие: теория отношения динамики поведения», в которой измерение «будущего» практически впервые вводится в научно-теоретическую концепцию мотивации и постулируется как способность личности строить долгосрочные цели и осуществлять их, а неспособность реализовать эти цели и долгосрочные проекты связывается с неучетом человеком перспективы будущего в своем поведении.

Измерение временной перспективы создало технологию неоконченных предложений, толкающих испытуемого к завершению предложений в первом лице единственного числа, предположительно активирующих проективный механизм отнесения этих побудителей к самому себе. Вследствие чего их стали использовать для исследования личности, характера отношений человека. Проблема измерения временной перспективы Нюттеном решается целе-ориентированным (объект-ориентированным) методом, то есть, основанием для измерения временной перспективы являются цели и объекты заботы индивида. Тогда временная перспектива различается в зависимости от сфер активности человека и может выражаться в различных социальных ролях, которые человек себе мыслит как мотивационные цели (или объекты заботы). Другой параметр для измерения – это темпоральная локализация предмета мыслей и предмета страхов или желаний человека. Мотивационные цели при этом локализуются в будущем и образуют более активную временную перспективу. Темпоральное измерение страхов и желаний при этом различное. Параметр протяженности временной перспективы отражается в пяти категориях: 1) близкое будущее (до одного месяца), 2) промежуточное будущее (от месяца до двух лет), 3) отдаленное будущее (более двух лет), 4) открытое настоящее

(указывающее на желаемое индивидом недифференцировано – как в настоящем, так и в будущем), 5) историческое будущее (как связанное с целями, находящимися за пределами человеческой жизни).

Нюттен связывает феномены временной перспективы с не зависящей от культурных различий индивидуальной особенностью действовать, исходя из принципа «здесь и теперь», то есть непосредственного удовлетворения, подразумевая, что наличие перспективы будущего должно связываться с определённой долей зрелости личности, способности отсроченного удовлетворения. Причину слабости мотивации Нюттен видит в отсутствии выраженной и развернутой перспективы будущего. Особое внимание уделяется характеристике реалистичности перспективы будущего как регулятору целенаправленного поведения, в отличие от ухода в иллюзорный план. Именно степень реальности отражает степень позитивного влияния будущего на эффективность человеческого поведения, то есть, автор тем самым показывает не абсолютную его роль в реализации планов. Тем не менее, заслуга Нюттена и его последователей (Nuttin 1977; Nuttin, Lens, 1985) в том, что они ввели временную перспективу в научную психологию как фундаментальную часть интенциональности человеческого поведения, человеческой мотивации.

1.4.2 Временная перспектива как перспектива будущего в мотивационных подходах

Последователи Нюттена, в частности, В. Ленс, а позднее и другие авторы, в исследовании временной перспективы делают акцент на временную перспективу будущего, выделяя в ней динамический и когнитивный аспекты (De Voider, Lens, 1982). При этом под динамическим аспектом понимается склонность приписывать высокую валентность отдаленным целям, а под когнитивным – схватывать непосредственные и ожидаемые последствия актуального поведения. Тогда люди с протяженной временной перспективой будут демонстрировать негативный уровень мотивации инструментального действия наряду с позитивной мотивацией всей целевой активности (деятельности), или наоборот, например, в случае внешне мотивированной деятельности, которая окрашена негативно, а инструментальные акты – позитивно, но исходя из иной, нежели вся деятельность, мотивации. Представляет интерес предложенная в рамках этого подхода методика измерения аффективной установки по трем временным модусам – ожидание позитивных, негативных или нейтральных событий в будущем эмоционально окрашивает ее в целом. Т. Гисме также исследовал временную перспективу будущего, обозначая ее

как «ориентацию на будущее» (Future Time Orientation). В большей степени этот конструкт разрабатывался как связанный с ориентацией на успех и неудачу. Испытуемым с высоким уровнем стремления к успеху в его экспериментах высокие результаты достижения приносит высокая ориентация на будущее, а с избеганием неудачи, наоборот – низкая ориентация на будущее. Чем больше расстояние до цели, тем ниже степень ее влияния на актуальное поведение в настоящем.

З. Залески (1987, 1994), продолжая линию исследований Нюттена, вводит конструкт «личное будущее», в котором выделяет параметры «надежды на будущее» и «страха перед будущим», влияющие на эффективность актуального поведения. Залески показывает, что долговременные цели успешнее достигаются при наличии инструментальных промежуточных целей. Еще одна закономерность, которая представляет интерес в работах этого автора – влияние протяженности временной перспективы будущего на постоянство в достижении цели и удовольствие, которое человек получает от этого в противовес тому субъекту, чья временная перспектива короче.

В рамках исследования мотивации достижения Дж. Рейнор предложил модель, учитывающую мотивационное влияние ожидаемых в будущем последствий действий на силу актуальной мотивационной тенденции. В экспериментах исследовались инструментальные цели, которые служили инструментом, предпосылкой для достижения следующей или же отдалённой цели. В модели Дж. Аткинсона решающими факторами являются успех (желаемый результат действия) и гордость за этот успех (аффективное последствие успеха). В уточнённой модели (Raynor, 1976) люди с выраженной тенденцией мотивации достижения и со средними достижениями ориентированы на настоящее, с высокими достижениями – на отдаленное будущее, с низкими – слабо мотивированы и отдаленными, и близкими целями. Люди с избеганием неудачи и высокими достижениями сильнее всего уклоняются от выполнения реалистичных действий (что подтверждалось на примере выбора профессии). Цепочка из 6-7 шагов у людей с мотивацией достижения (то есть, стремящихся к успеху) создает возрастание мотивации при движении к конечной цели, а у избегающих неудачу возрастает негативная мотивация.

В работах М.Ш. Магомед-Эминова, касающихся исследования мотивации достижения (Магомед-Эминов, 1987), была предпринята попытка подвергнуть сомнению мотивационную концепцию временной перспективы. Экспериментальная процедура Т. Гисме была уточнена и были получены иные результаты, что косвенным образом затронуло и другие типологические концепции психологии времени личности. Была выдвинута гипотеза, фальсифицирующая принятую установку о том,

что устремленная в отдаленное будущее временная перспектива является позитивным параметром мотивации и показателем уровня развития личности. Были рассмотрены две группы людей – с тенденцией стремления к успеху (СУ) и избегания неудачи (НИ): СУ считалось связанным с высокой результативностью деятельности, а ИН – с низкой результативностью. В работах Магомед-Эминова было показано, что при определенных условиях стремление к успеху может быть связано с менее высокой результативностью, а ИН – с более высокой. Испытуемые были разделены на две группы по параметру действенности ориентации на будущее: 1) ориентированные на дальнее будущее (недейственное); 2) ориентированные на близкое будущее (действенное). Вот эта последняя группа ориентированных на близкое, но действенное, будущее, как оказалось, предсказывает результативность достижений лучше, чем тенденция стремления к успеху или избегания неудачи. Таким образом, модель Future Time Orientation была подвергнута значительной критике в связи с тем, что в ней рассматривается только непосредственный результат действия, но не цепь действий, как это бывает в реальной жизни.

Кроме такой специфической области, как мотивация достижения, целый пласт концепций, подходов и направлений исследований охватывает изучение времени через призму способности «видеть вперед» и принимать во внимание фактор будущего в поведении человека. Речь идет о том, какое будущее пытается реализовать человек, независимо от того, как понимается это будущее: как целевая детерминация мотивации (А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу) или в терминах «антиципации» (В. Вундт, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков), «опережающего отражения» (П.К. Анохин), способности «моделировать будущее» (Н.А. Бернштейн), «целестремительности» (П.Я. Гальперин), «целенаправленности» (В.К. Вилюнас), «образа потребного будущего», «вероятностного прогнозирования» (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг). По словам В.А. Иванникова: «Смысл действий меняется через предвидение и переживание последствий» (Иванников, 1978, 2006). К.К. Платонов определяет понятие «жизненная перспектива» как образ желанной и осознаваемой как возможной своей будущей жизни при условии достижения определённых целей (Платонов, 1972). В часто цитируемой работе Т. Коттла также обнаруживается представление о временной перспективе как способности личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдаленных будущих событий (Cottle, 1976).

Рассматривая взгляды Г. Олпорта, мы обнаруживаем, что личность, по его представлениям, структурирована вокруг высших ценностей и мотивов, порождающих систему целей, направленных в будущее, в свою очередь

детерминирующих личность. А. Маслоу, критикуя Фрейда за причинно-детерминистскую концепцию человеческой личности, провозглашал важные для понимания природы человека устремления, надежды. Мало кто относит к телеологическим детерминистским концепциям личности теорию А. Адлера с его конструктами жизненных планов, жизненных проектов и т.д. (Магомед-Эминов, 1990). Однако они закономерно предшествуют гуманистическим, или феноменологическим, концепциям, выводящим понимание личности из ее устремленности в будущее.

Среди современных отечественных исследователей мотивационная трактовка временной перспективы наиболее отчетливо представлена в работах Е.Ю. Мандриковой, которая полагает, что временная перспектива – это способ «присутствия» прогнозируемого и планируемого будущего в настоящем, благодаря чему возникает и развивается связь актуальных действий с тем, ради чего они осуществляются, что находится в субъективном будущем (Мандрикова, 2008). Представляет интерес тот факт, что в период, когда в исследованиях мотивации достижения и связанных с ней конструктов, например, ориентации на будущее, наступило насыщение и пауза, в изучении временной перспективы акцент стал переноситься на биографический подход, анализ жизненного пути личности.

Д.А. Леонтьев, анализируя проблемы человеческого существования с точки зрения экзистенциальных подходов, показывает, что человек, отделяя себя от своей жизни, от мира в целом и от времени, в котором он «пребывает» и «обнаруживает» себя, в то же время движется, переходя из прошлого через настоящее в будущее – в противоположном направлении с движением мира, «переходящего из будущего через настоящее в прошлое» (Леонтьев, 2004).

В последнее десятилетие эта позиция становится достаточно весомой в развитии не только идей экзистенциальной и гуманистической психологии, но конкретной психологии человека (Выготский, 1986), философии Хайдегера (Dasein (бытие в мире, вот-бытие), подчеркивающей неразрывность человека и мира, осуществляющего себя в этом мире, реализуя заложенные в нем потенции к существованию, а также мир, «высветление» мира через человека в его жизнедеятельности (Категория переживания в философии и психологии, 2005).

1.4.3 Временная перспектива личности – биографический подход

Исследование жизненного пути личности было предпринято С.Л. Рубинштейном в рамках построения структурной концепции личности как субъекта деятельности (Рубинштейн, 1999). Можно констатировать, что первые биографические исследования были сделаны Рубинштейном при анализе

биографических дат и событий, которые, переплетая биологическое и историческое время, проявляются в смене фаз жизни и в хронологическом возрасте человека. Рубинштейн, анализируя чувственную основу восприятия, выявляет непосредственное ощущение длительности и темпоральную перцепцию. Огромное значение уделяется событию: «События – это узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более и менее длительный срок определяется дальнейший жизненный путь человека» (Рубинштейн, 1999).

Б.Г. Ананьев, вслед за Рубинштейном, предлагает в 1968 году разделение фаз у субъекта деятельности и у человека как личности и вводит понятие «субъективная картина жизненного пути», которое показывает важные вехи в развитии человека и связанные одной системой координат биологического, психологического и исторического времени события жизненного пути. В сравнительных исследованиях он указывал возрастные периоды подъемов и спадов в развитии и продуктивности творчества, время появления и угасания таланта, особенно – пики и кульминации творческой активности, что нашло свое отражение впоследствии в целой отрасли психологии – акмеологии. Разделить фазы деятельности и фазы пути личности Ананьев считает не таким простым делом. Для этого, он полагает, требуется определить «основные моменты становления, стабилизации и финиша личности»; для этого, по меньшей мере, следует сопоставить сдвиги по различным признакам: «гражданского состояния, экономического положения, семейного статуса, совмещения, консолидации или разобщения социальных ролей, характера ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах, смены среды развития и коммуникаций, конфликтных ситуаций и решения жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеха или неуспеха — триумфа или поражения в борьбе» (Ананьев., 1968, с. 139).

Представители событийного подхода к жизненному пути (Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова, А.А. Кроник и др.) использовали событие как основную единицу анализа жизненного пути. Продолжением данной линии и эмпирической разработкой данных взглядов является каузометрическая, или причинно-следственная, концепция психологического времени, разработанная Е.И. Головахой и А.А. Кроником (Головаха, Кроник, 1984). Она может быть по праву отнесена к психобиографическому, или «событийному», подходу, как называют его временами сами авторы, имея в виду исследование жизненного пути человека на основании построения им самим в особой каузометрической процедуре субъективной картины причинно-следственных связей между событиями жизни (Головаха, Кроник, 1984, 1988; Кроник, 1993; Кроник, Ахмеров, 2003). Положения причинно-целевой

концепции можно определить следующим образом: психологическое время формируется на основании переживания личностью детерминационных связей между основными событиями ее жизни. Специфика детерминации человеческой жизни заключается в том, что, наряду с причинной обусловленностью последующих событий предшествующими (детерминация прошлым), имеет место и детерминация будущим, то есть целями и предполагаемыми результатами жизнедеятельности. Такого рода причинные целевые связи являются, согласно предлагаемой концепции, единицами анализа психологического времени личности.

В рамках причинно-целевой концепции проблема взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего находит следующее решение. Психологическое прошлое определяется совокупностью так называемых реализованных связей, которые соединяют между собой события хронологического прошлого. Психологическое настоящее включает в себя актуальные связи, то есть те связи, реализация которых уже началась, но еще не завершилась, и которые соединяют между собой события хронологического прошлого, с одной стороны, и будущего – с другой. Психологическое будущее личности составляют потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они соединяют между собой предполагаемые события хронологического будущего (Головаха, Кроник, 1984). Пережитые и осознанные детерминационные (причинные и целевые) связи между событиями жизни полагаются авторами «единицами анализа психологического времени». В рамках, в частности, причинно-целевой концепции психологического времени рассматриваются феномены многомерности, нелинейности, обратимости, прерывности времени.

Авторы описывают феномен «парциального настоящего», раскрывающий «несостоятельность» квантового подхода к рассмотрению человеческого событийного времени. Обнаруживается, что события не следуют друг за другом: меняется их порядок, события настоящего перемежаются с событиями «ненастоящего» в ходе их припоминания, расположения на временных отрезках, датировки, хронологического упорядочивания. Принадлежность события к психологическому настоящему зависит от количества актуальных связей между этими событиями. Так, например, авторы переинтерпретируют эффект Зейгарник – феномен побега узника из лагеря за несколько дней до досрочного освобождения как результат формирования большого количества новых актуальных межсобытийных связей, также предельного сжатия времени вплоть до превращения будущего в актуальное настоящее. Для этого требуется диагностировать субъективную картину жизненного пути. Следует отметить, что изучение временной перспективы, в основном, проводилось безотносительно к характеру жизненной ситуации личности.

Даже в приведенном выше исследовании кризисный характер ситуации являлся, скорее, фоном, чем фокусом проблемы.

1.4.4 Жизненный путь как временная перспектива

Сторонник концепции личности как субъекта жизни К.А. Абульханова-Славская, ставя проблему времени в контексте жизненного пути личности, рассматривает индивида в аспекте его включённости в социальное целое, в систему разнообразных субъективных реальных связей с другими индивидами в прошлом, настоящем и будущем: усложнение личностной структуры времени жизни в результате накопления индивидуального жизненного опыта и появление совокупности временных перспектив жизни, приводящее к образованию временного кругозора личности, может быть обозначено как личностное время (Абульханова-Славская, 1991). По мнению Абульхановой-Славской, личность активно осваивает, обогащает социальную сущность индивида, творчески преобразует свой прошлый опыт, преодолевает узость и ограниченность настоящего, структурирует и регулирует реализуемую деятельность во времени, способна предвосхитить будущие события и представлять их, переживая как реальные.

Личность обладает способностью к организации времени и к своевременности, ритмичности, оптимизации смены собственной активности и пассивности. Автор показывает, что помимо когнитивной временной перспективы существует личностная. Это эмпирически доказывается тем фактом, что даже при развёрнутости и структурированности планирования некоторые индивиды, не обладающие выраженной мотивацией достижения, неспособны преодолевать трудности при реализации подобных планов; эффективным является при этом способ «проблемного планирования», в котором имеется учет личностных («жизненных») ресурсов.

Включение временной перспективы в контекст жизненного пути имеет под собой не только собственно мотивационное значение, но также и нравственный, этический аспект. Так, позитивная окрашенность временной перспективы, которая формируется стоящими целями, по К. Левину, есть показатель высокой морали. Соподчиненность актуального поведения отдаленным целям, с одной стороны, и превращение их в реалистичные, с другой, становится не только индикатором возрастного развития, но и критерием нравственной зрелости личности. Действительно, детям свойственно фокусироваться на двух полярных ориентациях: слишком непосредственных и близких целях (в силу возрастных ограничений) и

слишком отдаленных, порой фантастичных, перспективах (в силу весьма реалистичных взглядов на мир).

В работах Т.Н. Березиной (Березина, 1998, 2003) происходит развитие представлений о пространственно-временных синтезах, высказываются предположения о многомерности личностного времени (В.П. Зинченко, М.И. Мамардашвили, К.А. Абульханова), в частности, о втором измерении времени, которое подразумевает «возможность свободного выбора» и «многовариантность будущего» (А. Тимашев). Далее автор постулирует многомерность психического пространства в целом, то есть, внутреннего пространства-времени, и проверяет модель образной трансспективы (совокупности образов прошлого, настоящего и будущего человека). Выдвигаются гипотезы о пространственно-временном континууме, в котором 1) объединяются внутреннее пространство личности и внутренняя организация времени, 2) темп течения внутреннего времени зависит, не в последнюю очередь, от активности внутреннего мира, 3) внутренний мир человека имеет дополнительные пространственно-временные размерности. Далее автор формулирует гипотезы, которые прямо следуют не из модели, а скорее из полученных эмпирических фактов, на основании которых делаются обобщения и интерпретации, на что мы обратим особое внимание в отдельном параграфе. Например, утверждение о том, что размерность внутреннего мира человека проявляется в особой топологии образного пространства и в особенностях течения внутреннего времени скорее является интерпретацией, чем собственным эмпирическим фактом, и требует, вероятно, дополнительных доказательств. Далее предлагаются гипотезы о появлении дополнительного времени в критических ситуациях - его ускорении / замедлении, обратном ходе времени. Дополнительные темпоральные размерности воспроизводят ряд известных темпоральных свойств физического пространства времени, они связаны с возникновением критических жизненных ситуаций, опасностью для жизни, дефицитом времени, ожидания, момента стресса, временного дефицита, «масштаба происходящих событий», критичности жизненной ситуации, степенью опасности для жизни и т.д. Автор полагает, что субъективное ускорение-замедление состоит из а) общего ускорения, б) общего замедления, в) появления дополнительного времени, г) состояния вневременности и зависит от индивидуальности, а именно, от правосторонней асимметрии, от личностных (то есть клинических шкал ММРІ) параметров жизненного пути (то есть, прошлого, настоящего, будущего) и характеристик управления временем.

1.4.5 Исследования временной перспективы в онтогенезе

Важную роль в понимании временной перспективы вносит изучение объективно-биографического времени: как этапов человеческого развития в работах П. Жанэ, Ш. Бюлер, Б.Г. Ананьева, Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович, П.П. Блонского; развития представлений ребенка о времени как о перспективе в психоанализе (Тайсон Ф., Тайсон Р.Л., 1998; Colarusso, 1979, 1985; Hartocollis, 1983 и др.), в том числе, роли ритмов физиологического функционирования (сердцебиения, дыхания) и вызываемых ими кинестетических ощущений, служащих основой для дифференциации интервалов и, как следствие, возникновения представлений о времени (Arlow, 1984; Venson, 1994; Colarusso, 1979, 1985 и др.). Как показывают работы ряда авторов (Н.Н. Авдеева, М.И. Лисина, С.Ю. Мещерякова, А. Немировская, Е.О. Смирнова, Э. Эрикссон, J. Arlow, J.V. Venson, C.A. Colarusso и др.), характер материнской заботы является ключевым фактором развития в раннем онтогенезе и, в частности, необходим для формирования индивидуального чувства времени. Превращение исходных «прототипических механизмов» избирательности, лежащих в основе действия механизмов антиципации (Сергиенко, 2008), в культурные формы человеческой психики начинается с первых реакций взрослого на проявления эмоционально-потребностных состояний новорожденного.

Одним из существенных аспектов является разработка принципа гетерохронности биологического, социального и психологического развития (Анцыферова и др., 1988), который обосновывается рядом современных авторов как фундаментальная основа для психологических исследований человека «во времени жизни» (Головаха, Кроник 1984; Анцыферова, 1988; Толстых, 2010). На его основе исследователи показывают важность категории переживания (Выготский, 1931; Василюк, 1984). П.П. Блонский показывает идею гетерохронности развития в онтогенезе на примере юности. Возраст, по его мнению, также имеет свою историю: по временным масштабам юность человека является поздним его приобретением, потому, видимо, качественно различается в разных культурах, а также по длительности в социальных группах. Увеличение разрыва между физическим и социальным созреванием во времени имеет двойственные последствия. Расхождение скорости разных сторон развития, прежде всего, социального созревания, интеллекта, достижения половой зрелости может привести к ограничению в становлении личности, в том числе во временном плане (Болотова, 2006).

П. Жане соотносит возрастные фазы развития и биографические вехи жизни в контексте психологического и исторического времени, особенно, с точки зрения функции памяти, выполняющей свою социальную функцию в синтезе событий прошлого. Ш. Бюлер внесла вклад в разработку жизненного пути личности, интегрировав биологическое и психологическое время жизни в единую биографическую систему отсчета, благодаря выявленным закономерностям в смене жизненных стадий, основных тенденций. Равно как и периодизация Э. Эриксона, она охватывает весь жизненный путь человека, личности, показывая временную перспективу развития личности в контексте целостного жизненного цикла.

Л.С. Выготский, постулируя принципы формирования высших форм поведения, указывает на существенные черты специфически человеческого знакового способа запоминания, в котором человек сам «создает временную связь в мозгу» завязывая узелки на память, вынося процесс запоминания наружу (Выготский, 1960 с. 53). А.Н. Леонтьев называет этот способ опосредствованным. А.Г. Асмолов, анализируя эти взгляды, подчеркивает, что зарубки на «желе вестника» у австралийцев создают «общее звено, соединяющее настоящее с некоторой будущей ситуацией... Активное приспособление к будущему -.... специфично для высшего поведения человека» (Асмолов, 1990, с. 119). Л.И. Божович рассматривает формирование временной перспективы будущего на границе подросткового и юношеского возраста в контексте двух планов самоопределения: выбора профессии и поиска смысла жизни (Божович, 1979). Развитие личности есть развитие функциональной системы, в основе которой лежит становление воли. Личность, по Божович, обнаруживает и выстраивает временную перспективу и ценностно-смысловую систему, проявляя себя как субъект.

Следует отметить, что традиционно исследования временной перспективы, как в отечественной, так и зарубежной психологии, связывались с подростковым и юношеским возрастом (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, Ш. Бюлер, Э. Эриксон, Дж. Марсия, А. Ватерман, Е.П. Белинская, М. Гинзбург, И.В. Дубровина, И.С. Кон, Д.А. Леонтьев, Е.В. Щелобанова), поскольку именно в этом возрасте процессы «забрасывания себя в будущее» становятся осознанными, целенаправленными. В рефлексивный период своего развития, то есть, начиная с подросткового возраста, человек становится активным субъектом отношений, способным осознанно изменять свой стиль жизни, мотивационно-смысловые структуры свои и других людей (Осницкий, 1997), самоопределяться (Гинзбург, 1996), в том числе, в профессиональной сфере (Леонтьев, Щелобанова, 2001), проектировать жизненный путь (Ложкин, Рождественский, 2004). Однако это

определяет более детальное рассмотрение именно перспективы будущего, нежели более объемное и целостное изучение данного феномена.

Н.Н. Толстых, развивая онтогенетическое представление о временной перспективе, также основывается на распространившемся подходе к временной перспективе как синтетическому образованию пространственных и временных композиций, то есть, психологического времени и психологического пространства. Вслед за идеей о пространственно-временных координатах видимого мира А.Н. Леонтьева и разработчиков этих представлений в рамках категории «образа мира» (В.П. Зинченко, С.Д. Смирнов, В.В. Петухов, Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков, В.Ф. Петренко), понятия хронотопа (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова и др.) временная перспектива понимается как заданная культурой форма интенциональности субъекта в единстве ее темпоральных и пространственных характеристик. Согласно Н.Н. Толстых, временная перспектива трактуется с точки зрения обусловленной культурой формой интенциональности, которая рассматривается как интегративное образование. При этом время соотносится с мотивационными аспектами развития индивида, а пространство – с предметным содержанием мотивов. Автор полагает, что подобная репрезентация двух линий развития – основа для понимания становления хронотопа (Толстых, 2010).

Констатация феномена временной перспективы как репрезентации мотивационной сферы, с точки зрения представления предметного содержания мотива и ожидаемого «периода реализации этого предметного содержания», а также отнесения первого к ценностно-смысловому полю личности, и, вместе с тем, к пространственной характеристике, в противоположность его временной характеристике, есть оригинальное, но недостаточно обоснованное, утверждение. Мы покажем, что временные характеристики личности могут являться выражением ценностно-смысловых образований личности. Толстых показывает, что периоды преимущественного развития временной составляющей хронотопа и воли как «органа будущего» соотносимы с периодами развития мотивационной стороны деятельности в периодизации Д.Б. Эльконина, а периоды преимущественного развития пространственной составляющей хронотопа и произвольности – с периодами развития операционально-технической стороны деятельности. Термин «временная перспектива будущего» у Толстых представлен как ментальная проекция мотивационной сферы человека, которая проявляется в виде в разной мере осознанных надежд, планов, проектов, стремлений, опасений, притязаний, связанных с более или менее отдаленным будущим (Толстых, 2000) и потому в иных классификациях отнесён к мотивационным представлениям о временной перспективе.

Для современной психологии развития характерен переход к представлениям о целостном жизненном пути, решаемых задачах, переживаниях и кризисах. Так, в работе А.К. Болотовой, М.Д. Севостьяновой, В.А. Штроо 2002 года утверждается, что временная перспектива с возрастом расширяется. В зрелости изменения временной перспективы связаны с разным ощущением течения времени, которое может субъективно ускоряться и замедляться, сжиматься и растягиваться. В исследовании, посвященном возрастным изменениям временной трансперспективы субъекта, то есть, представлениям индивида о его прошлом, настоящем и будущем, анализировались формальные параметры временной трансперспективы (протяженность, плотность, направленность, эмоциональный фон), в зависимости от возраста человека (Бороздина, Спиридонова, 1998). Получены выраженные возрастные различия всех характеристик временной трансперспективы. Найден новый факт смещения начала датирования временной трансперспективы с возрастом, и рассматриваются особенности содержания прошлого, настоящего и будущего субъекта в разных возрастных группах: от детства к пожилому возрасту. Выделены общие для всех групп темы анализа: «Я», учебно-профессиональная и социальная. Показано, что в каждой возрастной группе они имеют специфическую содержательную наполненность. По мере взросления усиливается оценочный аспект; увеличивается степень обобщенности содержания, которое с возрастом приобретает ценностно-смысловое значение. В содержании категории "Я" намечается тенденция перехода от самореализации к самосохранению; в учебно-профессиональной сфере – от подготовки и овладения профессией к достижению мастерства в зрелости и попытке сохранить трудоспособность - в пожилом возрасте; в социальной сфере наблюдается переход от широкого общения со сверстниками к общению в семье и трудовом коллективе; в пожилом возрасте заметно сужение круга общения.

Зарубежная психология также рассматривала теоретические схемы, в которых понятие временной перспективы было интегрировано в контекст развития с точки зрения так называемой жизненной линии или жизненного пути (Life-spine). Весомый вклад в методологию и теорию исследований развития на протяжении жизни человека внесла возникшая в конце XX века школа П. Балтеса. Согласно ее установкам, индивидуальное развитие человека, его становление как личности, есть единый многокачественный и разнонаправленный процесс. В динамичном пространстве более ранних периодов этого процесса закладываются, возникают и функционируют «черновые наброски», зачаточные формы, незавершенные «мелодии», постепенно входящие в «оркестрацию», по выражению Балтеса, более поздних периодов (этапов, уровней) процесса развития. В новых условиях происходит перестройка, рост содержательности, значимости одних праформ и приостановка поступательного движения других, требующих более масштабной

активности субъекта развития (Smith, Baltes, 1990). В конце 80-х годов появилась социо-эмоциональная теория селективности. Авторы развивают в этих взглядах теорию социальной мотивации, в которой выбор целей играет роль в управлении качеством своей жизни, управлении своим «благополучием» (Carstensen, Isaacowitz & Charles, 1999; Carstensen, Fung & Charles, 2003; Carstensen & Lang, 1996), которая, в свою очередь, является развитием модели Балтеса (Baltes & Staudinger, 2000).

В противовес позиции ориентации на будущее, присутствующей в преобладающем количестве подходов к пониманию человеческого времени, в широком смысле, и временной перспективе, в частности, есть направления и концепции, которые указывают также на необходимость учета фактора прошлого в построении представлений о психологии времени, разрабатывая психологию времени личности.

1.4.6 Временная перспектива в исследованиях идентичности личности

Исследования конца XX века акцентируют внимание на включении в анализ идентичности личности временных составляющих (Белинская, Куликова, 2000; Шюц, 2004; Нюттен 2004). В понятие «Я» Джемс включал как актуальное самопредствление, так и оценку индивидом своих возможностей и развития в будущем. Идеи Джемса развиваются в современной науке в виде идей потенциальных, возможных Я (Markus, Nurius, 1987). Возможные Я (позитивные и негативные), «прошлые» и «будущие» образы себя во времени – выполняют мотивирующую функцию, направляя человека на достижение успеха или неудачи.

В когнитивных концепциях идентичности (Tajfel, Turner, 1986) человек стремится обрести позитивную социальную идентичность, потому ближайшее будущее рассматривает как важную компоненту своей жизни. В интеракционистской модели Г. Брейкуэлл (Антонова, 1996) выделяется временное измерение идентичности, указывается на особенности существования содержательных элементов идентичности (Я-образов, переживаний, поведенческих паттернов) в плане субъективного времени личности (соотношение прошлого, настоящего и будущего планов существования данного элемента).

Многие исследователи отмечают конструирование возможного будущего, роль языковых форм в создании образа воможного будущего, и шире – нарративной идентичности (McAdams, 1980; Gergen, 1991; Магомед-Эминов, 2009). Человек использует в данном случае не только знаково-символические коды, но и создает проспективное, возможное будущее, в том числе, превращает образ в будущие

действия. Применительно к детскому развитию, эту мысль подчеркивал Л.С.Выготский: «Создавая с помощью речи рядом с пространственным полем также и временное поле для действия, столь же обозримое и реальное, как и оптическая ситуация, хотя может и смутная, говорящий ребенок получает возможность ...направлять свое внимание, действуя в настоящем с точки зрения будущего поля. Он – причина изменения ситуации, но эти изменения – не хаос, они совершенны с точки зрения создаваемого им с помощью речи построенного временного поля» (Выготский, 1982-1984, т. 6, с. 47-48). Я-концепция полагается динамичным феноменом, и меняется с возрастом, изменением социального статуса и т.д. (Moore, Lemtek, 2001). Одним из механизмов самооценивания объявляется сравнение Я-концепций во времени (Suls, Mullen, 1982), то есть, человек может использовать сравнения своего настоящего «Я» с прошлым и будущим для поднятия своей самооценки. Предполагается, что сравнение настоящих «Я» с негативными прошлыми «Я» усиливает позитивные переживания в настоящем (Higgins et al., 1986).

Экспериментально обнаружены временные различия в характере самоописаний, когда Я воспринимается как Другой (Pronin, Ross, 2006). Оперирование своим опытом, развертывающимся во временной перспективе, происходит и тогда, когда молодые люди осознают свои телесные возможности как обуславливающие характер выбора формы самоопределения в пространстве предстоящих жизненных отношений. Аналогичные данные приводятся западными исследователями (Haddock, 2006) для анализа изменения в самовосприятии внешности как функции временной перспективы.

В.С. Мухина рассматривает «психологическое время» как звено структуры самосознания личности и определяет его как индивидуальное переживание своего физического и духовного изменения в течение времени, представленного прошлым, настоящим и будущим в отрезке объективного времени жизни (Мухина, 1998). В своём самосознании, относительно своей природы, человек мыслит в трех временах: индивидуальном прошлом, настоящем и будущем. Рассматривая «психологическое время» с точки зрения ценностно-смысловой трактовки его как компонента самосознания личности, она показывает, что депривация ценностного отношения человека к его прошлому, настоящему, будущему или отсутствие структурированного прошлого в истории развивающегося человека и неопределённость перспективы жизни разрушают внутренний статус личности. Степень включенности во все временные измерения определяет значения и смыслы, которые придает личность своему существованию. Это достигается, благодаря временной рефлексии, как по поводу места в индивидуальной перспективе жизни, так и на пути человечества в

целом. Стремление соотнести себя настоящего с собой в прошлом и будущем – важнейшее позитивное образование самосознания развивающейся личности.

1.4.7 Изучение временной перспективы в аспекте индивидуальных особенностей личности

В целостной временной перспективе прошлое, настоящее и будущее могут быть представлены в различном соотношении. Причём в различных культурах в социальных условиях может доминировать ориентация на прошлое, настоящее или будущее (Doob, 2000). Согласно теории Л. Дуба, преобладающими показателями в психологических оценках исследования времени являются индивидуальные различия. Несмотря на то, что каждый человек в целом способен преобразовывать интервалы в секунды, минуты и часы почти правильно, однако, за среднестатистическими отношениями скрываются достаточно значительные индивидуальные различия (Doob, 2000).

К подходу, выделяющему типологию в своеобразии временной перспективы («трансперспективы»), в зависимости от типов личности, можно отнести взгляды В.И. Ковалёва (Ковалёв 1988, 1995). Формально определение временной перспективы как трансперспективы В.И. Ковалёва содержит взгляд в будущее в контексте сквозного видения из настоящего в прошлое и будущее, что должно задавать полноту временного контекста в представлениях личности о будущем (Ковалёв, 1991). Ковалёв постулирует четыре типа личности в зависимости от их временных характеристик: 1) стихийно-обыденный тип (не имеющий «внутренней силы развития», по высказыванию Н.Н. Толстых); 2) функционально-действенный; 3) созерцательный (пассивно-интеллектуализирующий) и 4) творчески-преобразующий типы (по критерию овладения временем жизни). В том же направлении исследований индивидуальных особенностей и типологий личностного времени Л.Ю.Кублицкене (Кублицкене, 1995) выделяет пять типов личности в соответствии со способностью организовывать время. В.Ф. Серенкова (Серенкова, 1995) показывает пять типов, различающихся по особенностям планирования времени. К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной предпринята попытка, развивая типологию В.И. Ковалёва, эмпирически выделить личностные типы с определёнными жизненными перспективами на основе измерения уровня мотивации достижения, анализа данных интервью и методики неоконченных предложений. Три типа личности обозначены в терминах характеристик временной перспективы: «когнитивная»; «личностно-мотивационная»; «жизненная», или «психологическая»;

«личностная», «жизненная» (Абульханова-Славская, 1991; Абульханова, Березина, 2001).

Интерпретируя различные данные относительно параметров жизненного пути, «темпоральных способностей» личности («потенцирование» времени, «ценностная наполненность», «установление заданной временной последовательности» личностью, способность своевременно использовать данный момент) и вводя иные основания для типологии, данные авторы предлагают и иную классификацию. В нее включены: тип, «опережающий объективный ход своей жизни», «запаздывающий» тип (более консервативный, не приспособленный к неопределенности, более жестко детерминированный в последовательности жизненных событий), «своевременный» тип и тип, живущий в «остановившемся» времени. Предполагалось также, что в личностной организации времени у разных субъектов ведущим может являться у одного – сознание, у другого – темперамент, у третьего – мотивация. Им же принадлежит своеобразная «энергетическая концепция психологического времени», основной пафос типологии в которой – марксистский тезис о том, что время человеческой жизни превращается личностью в материальные и идеальные формы культуры (Абульханова, Березина, 2001), завершающийся тем, что другие люди, присваивая эти превращенные формы, увеличивают за счет них свой энергетический потенциал. Было выделено несколько параметров планирования времени: 1) пролонгированные – отражающие масштабность планирования личностного времени, его длительность, стратегичность, прогнозируемость и т.д.; 2) содержательные – ориентированные на выявление тех реальных или идеальных сфер и направлений деятельности, которые включаются в план, а также их соотношения и иерархии; 3) личностные – выявляющие степень выраженности некоторых личностных коррелятов (удовлетворенность планированием временем, учет в своем планировании планов других людей); 4) субъектные – выражающие степень зависимости-независимости личности от внешней заданности и обстоятельств в планировании времени и реализации планов, стабильность-изменчивость планов и др., способность абстрагироваться от событийной и возрастной детерминант.

В соответствии с данными параметрами выявлялись следующие типологические группы: прогнозирующе-оптимальная группа – личности, которые характеризуются сочетанием краткосрочного планирования и планирования времени на отдаленное будущее; вторая группа обладает наиболее развитой способностью к временной регуляции; однонаправленно-оптимальную группу составили испытуемые, у которых обнаруживается взаимосвязь между планированием ближайшего будущего и отдаленного, иерархия предполагает, что планирование времени осуществляется

наполнением его от более значимых к менее значимым; прогнозирующе-неоптимальную группу – люди, характеризующиеся «непредставленностью» в сознании испытуемых взаимообусловленности настоящего и будущего – выражаемой в перечне дел на короткий период времени; однонаправленно-неоптимальная группа – определяется тем, что у представителей этой группы испытуемых прослеживается тенденция к планированию времени, в основном, на «актуальный период» без создания планов на отдаленное будущее; особенности такого планирования проявляются в отсутствии вариативности.

У разных типов планирование времени имеет разную направленность: а) из настоящего в будущее (когда планирование времени сводится к планированию дел и событий); б) из будущего в настоящее (проблемное планирование).

Существует еще один параметр, который выделяет людей с проблемным планированием времени и будущего, в отличие от событийного, деятельностного. Авторы указывают на прерывистый и непрерывный характер времени жизненного пути, где так называемая «несвоевременность» создает «разрывы», пробелы в жизненной линии, которые при ретроспекции воспринимаются как зря потраченные силы и время (или «упущенное» время). Своевременность дает непрерывность жизненной линии в ее движении вперед. Абульханова, интерпретируя выводы Березиной, называет процесс сознательного использования «личностью своего временного ресурса для произвольного изменения хода жизни, для преодоления ее объективных «прорывов», «перерывов постепенности», т. е. для личностного обеспечения своей «логики» линии жизни при осуществлении ею перемен или возникновении «перегибов» потенцированием времени.

Ещё одна типология построена Абульхановой и Березиной на экспериментах Кублицкене, которая исследовала рефлексию при решении человеком временных задач. Осознание времени изучалось в виде мини-сочинений, переживание времени – тестом метафоры времени Р. Кнаппа и шкалой переживания времени А.А. Кроника и Е.И. Головахи. Выявлялись показатели: 1) протяженности как континуальности-дискретности; 2) эмоциональности 3) напряженности-ненапряженности. Выделены пять типов по эффективности (успешности-неуспешности) стратегии действия (на основании рефлексии). Первый: оптимальный – действует успешно во всех режимах; второй – дефицитарный. Все режимы сводит к дефициту, успешно действует в этом режиме; третий – спокойный – успешен при неожиданных сроках или при избытке времени; четвертый, исполнительский – успешен во всех временных режимах (заданных извне), кроме режима неопределенности; пятый – тревожный – избегает ситуации дефицита времени.

Обобщая данную типологию, можно выделить факторы, которые являются сквозными для всех типов: число временных режимов, в которых человек может работать, а также предпочтительный и избегаемый режимы; внешняя или внутренняя заданность времени или нейтральность; отношение к временному дефициту, т. е. явная способность или неспособность в нем действовать.

Авторы указывают, что самым важным в исследовании являлся второй фактор. Он не был предусмотрен в гипотезе исследования, а явился его важнейшим результатом. По мнению авторов, данный фактор до сих пор не был обнаружен в исследованиях психологического времени. Было также показано, что теоретически механизмом самоорганизации во времени является саморегуляция. Эта традиция изучения времени жизненного пути породила исследования, которые экспериментально показывают собственно переменные переживания времени. Так, исследования Н.Ю. Григоровской (Абульханова, Березина, 2001) были направлены на изучение образных, образно-смысловых, символических образно-графических репрезентаций времени. Для этого использовались методы ассоциаций, метафор для раскрытия личностных смыслов и т.д.

В концепции, предлагаемой рядом авторов, широко ставится вопрос не только о восприятии времени, но и об отношении к времени, о единстве рефлексивных и понятийных оснований времени, об образах и смыслах, связанных со временем, а также об активности личности, способной к планированию и организации своего времени жизни. Так, В.Э. Чудновский, анализируя понятия смысла жизни и судьбы человека, ставит проблему отношения ко времени через обретение смысла своей жизни. Со смыслом жизни человек приобретает и особое отношение ко времени жизни, понимает его необратимость, развивает в себе стремление к его рациональному использованию (Чудновский, 1989). Благодаря обретению смысла жизни, мы стремимся к выстраиванию «жизненного пространства личности» как целостности – связанности этапов жизни, событий, отношения к конечности собственного бытия.

К типологическому подходу можно было бы отнести исследования, которые выделяют три типа людей, ориентированных, в большей степени, в прошлое, настоящее или будущее (Хомик, Кроник, 1988). Авторы провели анализ отношения к настоящему и будущему у детей с отклоняющимся поведением и пришли к выводу, что переживания настоящего резко отличаются у обычных школьников и воспитанников трудовой колонии (возраст 15-17 лет). Отличительной чертой благополучных юношей является акцент на ценности настоящего времени, а «девиантов» – на сугубо гедонистическом к нему отношении. На фоне

несформированности критериев ценности и актуальности времени картина настоящего у юношей с выраженным девиантным поведением оказывается весьма расплывчатой: текущее время они переживают менее значимым и полезным, более скучным и пустым, непривлекательным и т.д. У благополучных юношей протяженность перспективных временных ориентаций существенно длиннее, чем у неблагополучных (Хомик, Кроник, 1988). К таким же выводам пришла Ю.А. Васильева, изучая смысловую сферу личности молодых людей. Она показала, что лицам с социально-неадаптивными формами поведения присуща аморфность временной перспективы, большая обращённость в прошлое, центрированность на настоящем и меньшая направленность в будущее, по сравнению со своими сверстниками (Васильева, 1997). Сокращение временной перспективы, ограничение ее настоящим моментом обнаруживается и у лиц в ситуациях хронического стресса, вызванного тяжелыми соматическими заболеваниями (Муладжанова, Николаева, 1986).

Представляет интерес подход к проблеме контроля человеком времени, развиваемый А.Ш. Тхостовым, Е.Ю. Балашовой, К.Г. Сурновым, В.М. Алахвердовым. В нем в контексте идей культурной патологии часы представляются несущими знаково-символическую функцию, влияющую на культурную трансформацию личностных смыслов и становящуюся частью внешней и внутренней психической регуляции. Они создают иллюзию контроля над временем и, вместе с тем, постоянно напоминают человеку о его несостоятельности в организации временного режима собственной актуальной деятельности и временной перспективы жизни в целом.

Ф. Зимбардо рассматривает временную перспективу как ситуационно детерминированный процесс, на который оказывают влияние сенсорные, биологические и социальные стимулы, и, в то же время, как стабильную переменную индивидуальных различий (Zimbardo, Boyd, 1999). Зимбардо обосновывает наличие шести типов предпочтения позитивного (основанного на традициях, воспоминаниях детства) или негативного (на опыте обид, неуспеха) прошлого, гедонистического или фаталистического настоящего, целеориентированного, направленного на достижения и оценку исхода и последствий или же трансцендентного (направленного на жизнь после смерти) будущего. А также факты наличия сбалансированной временной перспективы, которую можно исправить, сознательно рефлексировав и контролируя, с профилем значительной представленности позитивного прошлого, средней представленности гедонистического настоящего, и представленности будущего.

А. Сырцова проводит достаточно значительное исследование по адаптации методики, показывающее, что временная перспектива, измеряемая опросником Ф. Зимбардо (P.G.Zimbardo, J.Boyd, I.Bornwell), имеет возрастную динамику, и на каждом возрастном этапе имеются свои показатели «оптимального» уровня компонентов временной ориентации (Сырцова, 2007, 2008). Выделяется конструкт «сбалансированной временной перспективы», вслед за разработчиками методики проверяется его достоверность на отечественной выборке и его связь (сопряженность) с другими измеряемыми определенным образом конструктами: субъективным благополучием, осмысленностью жизни, жизнестойкостью, удовлетворенностью жизнью и социальным функционированием.

Безусловно, идея развития как движения вперед совпадает с представлениями о такой качественной характеристике времени, таком его топологическом свойстве – однонаправленности, одномерности, необратимости, «временной упорядоченности», «последовательности», которое создает метафору «стрелы времени», с которой мы не можем согласиться. Несмотря на то, что авторы, вопреки этой метафоре, и постулируют «удивительный парадокс» (В.Г. Асеев, 1981) созревающей личности, преодолевающей анизотропии времени (закон предшествования причины следствию, невозможности влияния будущего на настоящее, а настоящего — на прошлое). Деятельность, направленная от настоящего к будущему, становится возможной, только благодаря обратному движению от будущего к настоящему в виде предвосхищения будущего, («опережающего отражения», по П.К. Анохину). Побуждение становится действующей причиной развития и функционирования личности. Но специфика и парадоксальность его детерминирующего влияния состоит в том, что динамическая (энергетическая) его сторона относится к реальному настоящему, а содержательная – к несуществующему еще будущему.

Подытоживая проведенный обзор исследований времени личности и временной перспективы с качественной точки зрения – содержания мотивации, ценностей, целей, предметов, объектов, обнаруживается, что временная перспектива может меняться под влиянием различных социальных факторов: культурно-исторических, социально-экономических, которые могут накладывать отпечаток, в том числе, на прижизненные или ситуативные ее изменения, а также под воздействием факторов экономической нестабильности, изменений в социальном и гражданском статусе, в образовании и карьере, в результате успешности реализации жизненных планов, наконец, под влиянием психоактивных веществ, и при попадании в экстремальные ситуации, становясь участником неординарных событий. Последний

из перечисленных аспектов является предметом третьей части анализа теоретических представлений о временной перспективе.

1.5 Временная перспектива и экстремальность

Основным предметом нашей работы является рассмотрение временной перспективы личности в контексте экстремальности и того, действительно ли она трансформируется в экстремальной ситуации. Как показывает анализ выделенных нами направлений изучения времени в ситуации обычного нормативного существования, факты или интерпретации различных феноменов переживания, оценки, восприятия и измерения времени в ситуациях кризиса, катастроф, экстремальности являются побочным продуктом данных исследований. Аналогичная картина наблюдается в анализе феноменов экстремальности, травмы, трудных жизненных ситуаций, в которых время и необычные характеристики его переживания являются косвенными данными, не подвергавшимися специальному изучению. Многие авторы (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, А.К. Болотова и др.), описывая необычное переживание времени – его замедление, неравномерность течения, ускорение, скачкообразность, демонстрируют в своих работах эмпирические факты, на основании которых делают некоторые интерпретации и выводы, создающие сложности для исследователей.

Анализируя обыденные представления о переживании времени в экстремальной ситуации, мы обнаруживаем, что в античности бытовали суждения вроде: «Целая жизнь коротка для счастливых людей, а несчастьем даже ночь-то одна неизмеримо долга», а древнекитайская традиция, созвучно античным представлениям, гласила: «Когда ты счастлив, ночь безумно коротка, но длится без конца, когда гнетет тоска». Ф.М. Достоевский писал о совмещении различных масштабов времени, вводя ценностную оценку в наполненность промежутка времени, которая деформирует переживание временных этапов, и вспоминая полный драматизма момент своей жизни – несостоявшуюся казнь, точно выразил: «Выходило, что остается жить пять минут, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживет столько жизней, что еще сейчас и думать о последнем мгновении...». А Э. Хемингуэй дает «растягиванию» и «смещению» такое метафорическое описание в произведении «По ком звонит колокол»: «Может быть,

это и есть моя жизнь, и вместо того, чтобы длиться 70 лет, она будет длиться только 48 часов...Странно, что такое слово, как «сейчас», теперь означает весь мир, всю твою жизнь».

Рассматривая проблему переживания времени в экстремальных ситуациях, авторы, занимавшиеся изучением длительности коротких временных интервалов, также затрагивали проблему длительных периодов, в зависимости от их наполненности негативным или позитивным содержанием. Так Д.Г. Элькин строит исследование на показаниях субъектов после пережитого. Таким образом, выявляется, что длительные тяжелые переживания при воспоминании о них кажутся быстро проходящими. Здесь имеет место «обратный закон Энгельганса» (Элькин, 1962) и теория Джемса о том, что время, заполненное положительными эмоциями, при воспоминании о нём кажется более длинным (а протекает субъективно быстрее).

Последнее десятилетие проблема изучения темпоральных аспектов экстремальных событий стала вызывать интерес у исследователей как в области экстремального стресса (Тарабрина, 2001; Юрьева, 1998, 2004), так и в области изучения личности и мотивации (Арестова, 2000; Фоменко, 2008). Одним из рассматриваемых сегодня подходов к пониманию временной перспективы предлагается трактовка этого конструкта как фактора совладания со стрессом. Распространенными на сегодняшний день становятся утверждения, касающиеся временной перспективы и темпоральных характеристик экстремальных кризисных ситуаций, о том, что одним из психологических последствий социальных кризисов, резких социальных изменений 90-х годов прошлого столетия является «нарушение временной перспективы личности» (Муздыбаев, 2000), «крушение жизненных планов» и «временная дезориентация субъекта» (Арестова, 2000), «блокированная жизненная перспектива», «представления о будущем неопределенны» (Славская, 1995), «экстремум как неожиданность и новизна развертывающегося искривления процесса», «прерванность, разрушенность контекста», «разорванность связи между прошлым и будущим» в экстремальной ситуации (Стрелков, 2010). Например, указывается, что темпоральные характеристики предельных, экстремальных «модусов существования», критических жизненных ситуаций (Василюк, 1984), ситуаций опасности для жизни, а также ситуаций с дефицитом времени включают в себя феномены: «ускорения / замедления», «обратного хода времени», «дополнительных темпоральных размерностей» (Березина, 2003), «обрыва временной перспективы», ее «сужения» или «жизни в отсутствии будущего с отказом от ее планирования» (Фоменко, 2008). По мнению других, переживание критических

ситуаций может привести к дезактуализации настоящего, возникающей в случаях, когда прошлое и будущее слабо связаны друг с другом (Хомик, Кроник, 1988).

А.К. Болотова отмечает, что на самореализацию личности влияют такие факторы как «суженная временная перспектива», непродуктивность, «недостаточность представленности событийного ряда» как в прошлом, так и в настоящем, что, в свою очередь, может негативно сказываться на формулировке и конструировании будущей деятельности (Болотова, 2006).

Ф.Е. Василюк (Василюк, 1984) при изучении переживания критических ситуаций, анализируя генетическую, пространственную, информационно-когнитивную их составляющие, выделяет также временную парадигму, сущность которой заключается в том, что при хронологической законченности критической ситуации она, тем не менее, продолжает существовать в психике человека в виде некоторой части субъективного опыта, способного менять его отношение к настоящему, будущему и прошлому. Она психологически продолжает существовать во внутреннем мире человека в виде переживания. Актуальный момент предполагает присутствие прошлого как субъективного опыта человека (или какой-либо его части) и будущего – жизненные планы, цели и перспективы человека. В настоящем же происходит восприятие, оценка и переработка информации, слияние прошлого и будущего субъекта. Составляющие психологического времени способны детерминировать личностное развитие индивида, определять его поведение в различных жизненных ситуациях, в том числе и критических (Василюк, 1984).

Изменения временной перспективы при переживании критических ситуаций влияют на концепцию собственного будущего субъекта (Горбатов, Лыськов, 1992), которая выступает как психологическое свойство личности, выражающееся в избирательной, относительно устойчивой, в определенной мере осознанной обобщенной системе представлений человека о своем будущем, основанное на жизненных целях, идеалах и ценностях. Как отмечают авторы, данная концепция развивается от элементарного чувства возможности своего существования до структурированной картины своего будущего, раскрывающей желаемые и представляемые отношения человека с самим собой, с другими людьми (Горбатов Лыськов, 1992). По данным Л.Н. Юрьевой (Юрьева, 1998), у ликвидаторов аварии на ЧАЭС прошлое представляется как более значительный период жизни, а будущее приобретает негативную окраску, видится малоперспективным, зачастую размытым и неопределенным, отмечается чрезмерная озабоченность здоровьем, в целом – деформация картины жизни и временной перспективы, сужены «горизонты бытия». Психологический возраст ликвидаторов гораздо старше биологического.

Р.А. Ахмеров исследуя биографические кризисы личности, понимаемые как феномен внутреннего мира человека, являющийся продуктом творческой деятельности человека как субъекта жизни и переживания непродуктивности своего жизненного пути, показал, что жизненная программа инвалидов отличается меньшей продуманностью (малая рациональность), негибкостью. В личностно-биографических характеристиках выборки инвалидов отсутствуют признаки субъектности в отношении своей жизни. Обнаружено следующее: 1) односторонняя склонность к целеполаганию без учета реальности обстоятельств достижения целей (высокая целеустремленность, малая рациональность); 2) неспособность обзирать свою более далекую перспективу самореализации (низкая стратегичность, биографическая близорукость); 3) неспособность видеть сложность и многообразие отношений в мире (малые значения конфликтности, высокая уверенность). Потерю здоровья можно рассматривать как свидетельство неоптимальной жизненной программы. Сравнительный анализ хронологической дальности последнего ожидаемого события позволил выявить феномены «биографического дальновидения и близорукости» у инвалидов: чем дальше человек может заглянуть в свое будущее, тем больше у него выражены жизнотворческие способности, тем более сохранно его здоровье.

Изучая кризисные жизненные явления, обозначив их критическими ситуациями, А.А. Баканова (Баканова, 2000) изучает рациональные и эмоциональные компоненты отношения к жизни и смерти в их взаимосвязях и влиянии на жизненные стратегии совладания. Автор показывает, что, совладея с критическими ситуациями, человек структурирует их исходя из таких компонентов, как: «степень принятия жизни и смерти, онтологическая защищенность, принятие себя, видение смысла, ответственность, стремление к росту, представление о смерти как переходе в другое состояние или как абсолютном конце». При этом выделяются две базовые возможности – роста и страдания человека. Взаимосвязь рациональных и эмоциональных компонентов отношения к жизни и смерти в критических ситуациях определяет 8 типов жизненных стратегий: 1) стремление к росту; 2) поиск смысла жизни; 3) любовь к жизни; 4) страх перед жизнью; 5) захват жизни; 6) страх изменений; 7) самоуничтожение; 8) гедонизм.

При анализе временной перспективы и отношения к прошлому, настоящему и будущему различных социальных групп в условиях экономического кризиса (Муздыбаев, 2000) выявлено, что у большей части наших соотечественников временная перспектива сильно сокращена или не определена. Значительное количество людей испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации); настоящее

время оценивается как исключительно негативное, а прошлое – как позитивное. Оптимизм, диспозиционная надежда, внутренний локус контроля, высокое самоуважение значимо влияют на дальность временной перспективы и выбор ориентации на настоящее и будущее и на способность к выбору эффективных рациональных стратегий совладания с трудностями и лучшую личностную адаптацию.

В современных классификаторах травматического стресса, или посттравматических стрессовых расстройств, есть указания на «неспособность ориентироваться на длительную жизненную перспективу» (МКБ-10), например, когда человек не планирует заниматься карьерой, жениться, иметь детей или строить нормальную жизнь. Так, психическая травма характеризуется следующими тенденциями. Во-первых, вторжением травматических воспоминаний, мыслей, образов с навязчивым возвращением и сильным аффективным переживанием вновь травмирующей ситуации (DSM-IV-TR) в виде вспышек воспоминаний, ведущих к спонтанным, мелким, разрозненным воспоминаниям, при которых не обнаруживается ни их контекст, ни их взаимоотношение во времени (Тарабрина, 2001). Во-вторых, тенденцией избегания – воспоминаний, сцен, мыслей, поведения, напоминающих травматическую ситуацию с полной или частичной амнезией, либо с неспособностью воспроизвести эти воспоминания. Феномен сжатия времени авторы объясняют третьей тенденцией – гипервозбуждения, не наблюдавшегося до травмы, сопровождающегося постоянным ожиданием угрозы, сложности в концентрации внимания.

В классификаторах, диагностирующих острое стрессовое расстройство, присутствует категория перитравматической диссоциации (МКБ-10; DSM-IV-TR). Обратимся к этому явлению. Перитравматическая диссоциация, как защитная адаптивная реакция при психологической травме, является одной из форм изменения сознания. Историческая традиция изучения последствий психической травмы, психологических потрясений, катастроф тесно связана с исследованием изменений восприятия времени в различных случаях психопатологии. В ряде классических работ, отнесенных к психодинамическому этапу развития представлений об этиологии психической травмы – П. Жанэ, З. Фрейда и Й. Брейера (Магомед-Эминов, 2006) – рассмотрены основные механизмы нарушений темпоральных аспектов переживания, связанных с выпадением из памяти аспектов травматического опыта и связанных с ним частей психической организации в результате процессов диссоциации и вытеснения. Так Жанэ формулирует концепцию о диссоциации психики и «сужении поля сознания» при травматической истерии (Жанэ, 1913). Характерной особенностью истерии у Жанэ принимается диссоциация – расщепление

психики, то есть, сосуществование двух психических состояний или ассоциативных групп представлений, одна из которых бессознательна (подсознательна) и оторвана от сознательного, а другая, наоборот, сознательна. Истерические симптомы связаны с какими-то прошлыми травматическими событиями, продолжающими существовать в виде подсознательных фиксированных идей, оторванных от личности (диссоциации), ведущих свою самостоятельную жизнь, развитие и действующих автономно. Таким образом, для полного объяснения симптомов истерии, а также её основных симптомов – стигм, Жане раскрывает природу истерии на основании концепции диссоциации, раздвоения личности. Стигмы он объясняет на основании «сужения сознания», связанного с диссоциацией, которая, в свою очередь, обусловлена недостаточной психологической силой больного и, следовательно, слабостью психического синтеза, приводящего к раздвоению. Теория диссоциации Жане ограничивается не только признанием образования подсознательного феномена оторванного от сознательного, создающего идеогенный механизм, но идет еще дальше, утверждая значение явления сужения сознания. Таким образом, образование подсознательных явлений неразрывно связано с сужением поля сознания.

Расстройство памяти является, как известно, отличительным симптомом болезни Корсакова, характеризующимся длительным расстройством последовательности, локализации событий во времени при наличии очень близкой к настоящему временной перспективой. По наблюдениям К.А. Скворцова больные с корсаковским синдромом переоценивали короткие промежутки времени (минуты и секунды), недооценивали длинные (месяцы и дни) и не ориентировались в хронологической последовательности. С.Л. Рубинштейн, анализируя различные факторы, влияющие на восприятие времени, наряду с возрастными, а особенно, эмоциональными различиями, указывает на патологические изменения личности при шизофрении и бредовых переживаниях, которые деформируют восприятие и ориентировку во времени, «расщепляют непосредственное переживание времени, вплоть до полной потери чувства времени или полной его остановки. Анализируя различия, полученные Л.Я. Беленькой (Беленькая, 1948) в оценке длительности на психопатологических случаях маниакальных и депрессивных состояний, а также аналогичные данные в исследованиях 1937 года Г.И. Маркелова и др. (Элькин, 1962), Рубинштейн отметил, помимо прочего, важную роль эмоциональной сферы в оценке временных интервалов. Так, маниакальные пациенты значимо (до 200%) недооценивали временной интервал, указывая на «летающее время», а депрессивные, наоборот, его переоценивали.

Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова тщательно анализируют психопатологические синдромы у правшей при правосторонних и левосторонних поражениях полушарий мозга (Брагина, Доброхотова, 1981). Авторы показывают, что феномен измененного ощущения течения времени в первом случае и отсутствие – во втором, объясняется расхождением течения времени внешнего мира и индивидуального субъективного времени человека. Присутствует ускорение течения времени внешнего мира, по сравнению с субъективным временем, и замедление течения «объективного», внешнего по отношению к человеку времени, по сравнению с субъективным. То есть, индивидуальное, субъективное время данного больного не совпадает, расходится с реальным временем. На примерах нарушения функционирования правого или левого полушария и межполушарных взаимодействий показывается нарушение опосредствующей роли между событиями внешнего и внутреннего мира. «Изменению» индивидуальных пространства и времени больного в сторону «ослабления» сопутствовало не только «исчезновение» из сознания первого больного будущего времени, но и тенденция к актуализации содержания прошлого. Эта тенденция максимально выражена при «вспышке пережитого», «двухколейности переживаний».

При исследовании посттравматического стрессового расстройства у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на Чернобыльской атомной станции была предпринята попытка изучения качественной структуры изменения представлений о жизненной перспективе при психологической травме различного генеза и обнаружены некоторые характеристики особенностей жизненной перспективы (Миско, Тарабрина, 2004). Были выделены компоненты: эмоциональный компонент субъективной картины будущего – образ будущего и чувства, связанные с ним, и поведенчески-когнитивный компонент – способность индивида проявлять активность по отношению к жизни, строить планы и их реализовывать. Показано, что тенденция к искажению перспективы усугубляется с ростом показателей травматизации. Обнаружено, что в случае военной травмы больше деформируется эмоциональный компонент перспективы будущего. Для ликвидаторов аварии на ЧАЭС перспектива будущего включала в себя ожидаемую травму, связанную с угрозой здоровью или жизни, независимо от уровня травмы (то есть, ее количества, оцениваемого в баллах по опроснику Хоровитца как интенсивность травматического опыта в зависимости от интенсивности травматического воздействия).

Проблема травматических воспоминаний в виде кошмарных сновидений, вспышек воспоминаний является центральной в моделях переработки травматического опыта, фиксации травматических образов, представлений в памяти,

сетевых моделях (Foa, Meadows, 1997; Foa, Riggs, 1995; Foa, Rothbaum, 1989), модели репрезентации, двойной репрезентации, объясняющих, как происходит избегание восстановления нежелательной для человека дистрессовой информации, хранящейся в вербально и ситуационно доступных воспоминаниях (Brewin et al, 1996), как травматические воспоминания не поглощаются имеющимися репрезентациями опыта, как навязчиво повторяется оценка несовместимости этих воспоминаний, неассимилируемости и угрожающей природы этих репрезентаций в памяти (Dalgleish, 1999, 2004; Power, Dalgleish, 1997).

Как правило, экстремальные и травмирующие события вспоминаются человеком наиболее ярко и эмоционально. В психологии подобную яркость и эмоциональность воспоминаний называют «вспышками», или флэшбэками (флэшбалбами), от англ. «flashback / flashbulb». Флэшбек – феномен неожиданного яркого интенсивного воспроизведения прошлого опыта или его элементов. Опыт может быть как грустным, так и счастливым, либо любым другим, но эмоционально насыщенным. Основной критерий – произвольность происходящего восстановления, его живость, как будто он происходит здесь и сейчас и обладает признаками абсолютной реальности и происходящего в реальном времени (van der Kolk, & van der Hart, 1991; Brewin, Dalgleish & Joseph, 1996; Bernstein & Rubin, 2004; Brewin, Gregory, Lipton & Burgess, 2010; Rubin, Boals & Berntsen, 2008). Травматические воспоминания-вспышки могут присутствовать как у людей, которые пережили травму (диссоциативные вспышки), так и у людей, получивших информацию о травмирующем событии. При этом воспоминания людей с ПТСР в большей степени связаны с самой ситуацией, в то время как воспоминания людей без ПТСР в лучшей форме воспроизводят события ситуации. Структурно воспоминание события состоит из сценария события (тематического ядра), репрезентации события, оценки переживаний события и общей оценки присутствия личности в сингулярном событии личности. Вспышки воспоминаний трагических событий позволяют восстановить не только ситуацию события, но и ситуацию в которой находился человек при получении информации о трагическом событии. Триггеры, запускающие флэшбеки, бывают двух типов. Прямые – непосредственно связанные с травмой (ситуации насилия, разбоя), и ассоциативные – обстановка, звук, выстрелы. Флэшбалбы (Brown & Kulik, 1977) вызываются событиями, выходящими за пределы критического уровня восприятия, имеющими экстраординарные последствия, вызывающими удивление и запечатлевающими обстоятельства данного события. Не всегда подобные события, как полагали Браун и Кулик, могут быть вызваны из долговременной памяти, что обсуждалось впоследствии в различных моделях –

фотографической, понимающей, эмоционально-интегративной и др. (Sharot, Delgado & Phelps, 2004, 2007; Brewin, 2007)

3. Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия» анализировал компульсивное повторение в переносе, невротизации, в обычной жизни и в «травматических сновидениях», воспроизводящих переживание травматического события. Раз за разом повторяя реальные картины травмы, кошмары «направлены на овладение психическим аппаратом травматического переживания и раздражителей, вызывающих тревогу», что невозможно отнести к исполнению желаний. Фрейд говорит, что, если есть что-то непознанное «по ту сторону удовольствия, то можно утверждать, что некогда было время, когда удовлетворение желаний не являлось смыслом сновидений» (Фрейд, 1992).

Имеются эмпирические исследования влияния некоторых факторов – характера триггеров, эмоциональных отношений, темпоральных характеристик, сопровождающих вспышки (например, восприятие скорости протекания репрезентируемых процессов), а также модальности образов (зрительные, звуковые, обонятельные) на характер переживания восстановления травматических картин и образов.

Интерес при изучении временной перспективы представляют также исследования переживания времени в самой экстремальной ситуации. Исследования, проведенные в рамках НИР кафедры экстремальной психологии и психологической помощи МГУ имени М.В. Ломоносова на материале историй испытуемых, переживших травматические события, характеризующиеся катастрофичностью, показали, что люди переживают время экстремальности как: «растянутое», «время растянулось в действиях», «увеличилось в голове», время длилось как в «по-кадровом просмотре», в «замедленной съемке», «секунда растянулась в минуту», «время было растянуто в ожидании». Чем более травматично событие, тем эффект «растянутости» времени приближается к его практически полной остановке: «время тянулось целую вечность», «время остановилось», ощущалась «заторможенность времени», «происходило все, как в тумане», «не знаю, сколько времени прошло». При этой тенденции наблюдается также и отдаление перспективы будущего, когда будущее кажется чем-то далёким и нереальным, или его приближение: «будущее подошло совсем близко». Подобные эффекты согласуются, в данном случае, с распространенными представлениями о «жизненном обзоре», «панорамных воспоминаниях» (Lommel, 2006; Noyes, Kletti, 1977), свидетельствующими о том, что мгновенный процесс переживается как чрезвычайно растянутый, когда человек воспроизводит практически симультанно целостный процесс прожитой жизни, либо в виде стремительной ретроспективы, либо, наоборот – в хронологической последовательности. Интересны феномены разрыва и «вневременности»,

«наблюдение за происходящим как бы со стороны», которые описываются как диссоциативные феномены дереализации и оцепенения, то есть, как защитные процессы в контексте психической травмы (Herman, 1997).

Подобные подходы к описанию временной перспективы часто не учитывают роли установок человека к прошлому и смещения акцента на перспективу будущего (Миско, Тарабрина, 2004). Когнитивные подходы к интерпретации психической травмы (Horowitz, 1986 и др.) указывают на то, что травматические воспоминания не включены в когнитивную схему индивида и практически не подвергаются изменениям с течением времени. Тем самым, жертвы остаются «застывшими в травме» как в актуальном переживании, вместо того, чтобы принять ее как нечто, принадлежащее прошлому (Тарабрина, 2001).

В концепции жизнестойкости С. Мадди человек совершает выбор прошлого (привычного и знакомого) и выбор будущего (нового, неопределенного и непредсказуемого). Выбор прошлого, фиксация на прошлых воспоминаниях, вина за произошедшее создают бессилие и бессмысленность. Жизнестойкость – ресурс, на который опирается человек при выборе будущего (Maddi, 2002). В терминах подхода к временной перспективе как конструированию темпорального опыта в работе личности концепция Мадди подтверждает, что человек выбирает различные виды работы с опытом.

Разорванность опыта связана, не в последнюю очередь, и с новыми тенденциями, характеризующими переживания при психической травме – вторжение травматического опыта и его избегание, несмотря на противоречивость, действуют попеременно, но ни одна из них не позволяет интегрировать травматическое событие. Человек охвачен противоречием между утратой памяти о прошлом и оживлением этого прошлого так, как будто бы оно происходит теперь, противоречием между импульсивным действием под влиянием этих воспоминаний и торможением этих действий в силу мощных избегательных тенденций, что усиливает, в свою очередь, фиксацию на травме и отказ думать о будущем.

Исследования так называемой «автобиографической памяти», осуществляемые в русле когнитивного подхода, сегодня становятся популярны не только за рубежом, но и в России. Автобиографические воспоминания изучаются с точки зрения вида эпизодической памяти, как «краевые эффекты», «циклические календарные» «телескопические» эффекты, влияющие на воспоминания в зависимости от яркости образов, находящихся на оси времени, от других когнитивных параметров реконструкции и стратегий. Одним из таких эффектов является эффект «пика воспоминаний» (Нуркова и др., 2005), заключающийся в непропорционально высоком количестве личных воспоминаний, относящихся к возрасту юности и молодости. В этот период возникает событийное «сгущение» во временной организации культурно-

типичных жизненных сценариев, которому даётся толкование с точки зрения поддержания идентичности – как необходимости хранения в памяти не только самоописаний, но и информации о событиях, с ними связанных. Так, периоды личностных изменений объявляются наиболее доступными для воспроизведения, например, в ситуации так называемой «прерванной идентичности», в периоды переломных событий жизни. Периоды переломных событий становятся продуктом реконструкции, но уже не только и не столько в результате культурно-исторического присвоения опыта, как полагают авторы, но в силу индивидуальных смысловых узлов автобиографии. Это само по себе важное замечание лишь постулируется, однако, не находит своего объяснения в виде механизмов их действия. Другие авторы по-иному трактуют эти феномены: так например, Д. МакАдамс различает автобиографическую память от нарративного конструирования идентичности (МакАдамс, 2008).

Другие авторы интерпретируют различные искажения в воспроизведении событий жизни и в восприятии будущих ожидаемых событий с точки зрения пристрастий человеческого сознания (Buehler, McFarland, 2001; Mazzoni, Vannucci, 2007; Newby-Clark, Ross, 2003). Даже «панорамные воспоминания» после выхода из состояния клинической смерти причисляют к искажениям воспоминаний или «ложным» воспоминаниям, в силу некоторых процессов, закрепленных на биологическом уровне (Нуркова и др., 2005) и необходимых для личности, чтобы мобилизовать ресурсы в экстремальной жизненной ситуации, которую человеку удастся пережить и выйти из нее.

В ряде исследований (Sanitioso, 2008) проблема временной перспективы выступает как проблема визуальной перспективы в воспоминании прошлых действий и поведения. Изучается также мотивационное влияние качества воспоминаний автобиографической памяти, относящихся к желаемым характеристикам (Brunot, Sanitioso, 2004) при припоминании общих автобиографических воспоминаний. Чтобы сохранить позитивный Я-образ (в терминах желаемых характеристик), припоминание направляется на общие воспоминания, связанные с этими желательными для человека характеристиками. Всевозможные искажения в воспроизведении событий жизни исследуются как экспериментально созданные ложные автобиографические взгляды, воспоминания и интерпретируются с точки зрения пристрастий человеческого сознания (Mazzoni, Vannucci, 2007). В исследовании роли влияния темпорального фокуса на интенсивность аффективных пристрастий в восприятии будущих ожидаемых событий (Buehler, McFarland, 2001) изучались ожидаемые позитивные и негативные реакции на будущие и уже произошедшие события. Предполагалось, что чем больше человек фиксирован на ожидаемом событии и больше отрицает прошлый

опыт, тем более ожидаемые реакции от будущего события кажутся интенсивными, и чем больше ожидаемые события рассматриваются через призму прошлого опыта, тем в меньшей степени прогноз этих событий будет интенсивно эмоционально оцениваться и переживаться.

Изучение отношения, взгляда человека на свое будущее и прошлое происходит часто путём побуждения людей в экспериментальной ситуации припомнить значимые эпизоды своей жизни (Newby-Clark, Ross, 2003). Так, Ньюби-Кларк и Росс показывают, что люди легко припоминают прошлые эпизоды, содержащие как взлеты, так и падения, но склонны воображать будущее как целиком позитивное и не склонны уделять негативным аспектам будущего много внимания. При попытке воспроизвести будущие возможные позитивные и негативные события, позитивные – воспроизводились сразу, а негативные требовали больше времени на их воспроизведение. Влияние восприятия времени как ограниченного в качестве функции временной перспективы (DeWall, Visser, 2006) изучалась в контексте социальной гибкости, адаптивности, пластичности в человеческих отношениях. Люди, воспринимавшие время скорее как ограниченное, нежели расширяющееся, имели тенденцию легче менять свои отношения в соответствии с отношениями своего партнера и идти на компромиссы в принятии групповых решений.

Характер одного из видов работы с травматическими воспоминаниями и опытом травмы достаточно детально рассматривается сегодня целым рядом авторов в современных традициях нарративного подхода (МакАдамс, 2008). Исследования в психотерапии экстремального стресса показывают, что работа реконструкции, создания нарратива, истории травмы как трансформирует травмированную память, так и позволяет интегрировать воспоминания в историю жизни человека, пережившего экстремальное событие. Истоки подобного подхода лежат в представлениях П. Жанэ о нормальной памяти как «деятельности по рассказыванию историй». Травматическая же память является бессловесной и застывшей. Поначалу она может воспроизводить события в перспективе довольно стереотипно, бедно, безэмоционально, в силу тенденции навязчивого повторения, выделенной З. Фрейдом в 1919 году (Freud, 1958) в целях «фальсификации» принципа удовольствия в психической системе при травматическом неврозе. Один уцелевший описывает ее как кадры немого фильма, который в ходе восстановления требуется озвучить и наполнить музыкой. А другой (терапевт) становится очевидцем и союзником, в присутствии которого уцелевший может говорить о том, что долго оставалось в немоте. Представления З. Фрейда о болезни, изложенные за три года до написания «По ту сторону принципа удовольствия» в работе «Воспоминание, повторение и

проработка» 1914 года, являются для нас принципиально важными в понимании смысла восстановления связи в перспективе или трансспективе личности уцелевшего в экстремальной ситуации человека. «Пациент должен найти мужество ... более не презирать свой недуг, но сделать его врагом, достойным быть частью своей личности, имеющей достаточные основания для своего существования, и из которой исходит то, что будет крайне важным для его будущего. Таким образом, прокладывается путь к примирению с вытесненным (забытым) материалом...» (Фрейд, 1991).

Психотерапевты, практикующие в нарративной традиции, и другие указывают, что «исправление» истории жизни пациента, пережившего травму, необходимо для восстановления жизненного «потока» и чувства преемственности с прошлым (Danieli, 1991). И это касается различных аспектов его опыта – идеалов, конфликтов, снов, фантазий, предшествовавших травматическому событию. Тем самым восстанавливается индивидуальный контекст, в котором может быть понят смысл и самой травмы. Одним из этапов восстановительного процесса становится реконструкция в пересказах произошедшего. Из отдельных фрагментарных дискретных эпизодов и картин, застывших образов и ощущений в наррации терапевт осторожно собирает и воссоединяет их в организованную детализированную словесную форму, имеющую временную направленность и исторический контекст. Есть моменты в этом процессе, когда человеку становится всё труднее подбирать слова, и он может вдруг спонтанно перейти на невербальные способы выражения – начать рисовать, чертить, что само по себе может оказаться наилучшим способом инициации травматических воспоминаний. Нарратив в своей полноте должен содержать полноценное и ясное описание травматических образов. Некоторые терапевты используют для этого метафору прокручивания кино, где ни одна сцена не должна быть пропущена, и смотрящий кино рассказывает о своём событии: что он видит, что он слышит и даже то, что он воспринимает другими органами чувств. На важность телесных ощущений в реконструировании воспоминаний указывают разные авторы, в частности, Теренс Кин: Если Вы специально не спросите о запахах, или о том, как билось сердце, как напрягались мускулы, о слабости в ногах, то человек не сможет пройти сквозь все это, потому что это слишком отвратительно (Herman, 1997).

На необходимость воспроизводства аффективных переживаний, сопровождающих воспоминания, указывали столетие назад Й. Брейер и З. Фрейд. С точки зрения нарратива, человек реконструирует не только то, что случилось, но и то, что он чувствовал. Одной из важных частей реконструкции истории травмы является систематическая оценка смысла события, чтобы артикулировать те ценности, которые были утрачены в результате травмы. Наконец, переживший травму должен решить,

что он должен делать, чтобы включить свой травматический опыт в развернутый жизненный нарратив.

Р. Кастенбаум (Kastenbaum, 1986) предложил подход, в котором важной характеристикой осознания и оценки времени жизни является страх смерти, который понимается в рамках стратегий совладания индивида с различными угрозами. Р. Кастенбаум считает, что сложности совладания с темой смерти идут не только из проблемы смерти как таковой, но благодаря трудностям процессов научения по ходу взросления. Он предлагает пять стратегий оперирования с прошлым у пожилых людей: 1) «обзор жизни» – в котором человек оценивает прожитую жизнь, и если он считает ее неудавшейся, то испытывает депрессию, отчаяние, горечь, а если принимает – то будет спокоен перед лицом смерти; 2) «утверждение» – способ, к которому прибегают люди, обращаясь к прошлому для поддержания уверенности в решении настоящих проблем, когда ему кажется, что люди уже не помнят его сильным, компетентным и значимым; 3) «установка на зависимость» - утрата границ прошлого и настоящего и нежелание признавать, что они всё еще живут своей жизнью; 4) «увечивание прошлого», в котором человек продолжает считать именно прошлую жизнь настоящей жизнью; 5) многократное «проигрывание» жизненных историй для овладения прошлым своей жизни в целях подтверждения значимости настоящего.

Зимбардо с соавторами (Zimbardo et al, 2012) предлагают альтернативную модель посттравматического стресса с использованием когнитивных инструментов и представлений автора о сбалансированной временной перспективе, заключающейся в направлении мыслей пациента в более продуктивное русло: от негативного прошлого к целеориентированному будущему полному надежд.

Проведённый анализ литературы по исследованиям экстремальных ситуаций, учитывающим фактор времени и временной перспективы в них, показывает, что экстремальность трактуется, только как негативная экстремальность, в то время как существуют позитивные аспекты экстремальности, позволяющие человеку пережить травматические события жизни не только как вызывающие расстройство адаптации, но и мобилизующие стойкость, а в некоторых случаях стимулирующие интенсивный личностный рост (Магомед-Эминов, 1990, 2007). Оказывается, что при описании своих мыслей, чувств, действий, не все склонны оценивать экстремальные, социально нежелательные события как оказавшие отрицательное влияние на их жизнь, а наоборот, демонстрируют, что такие события могут вызывать в настоящем положительные воспоминания и иметь позитивный смысл. Превращение несчастья в личностный рост у человека, пережившего экстремальную ситуацию, согласуется с концепцией трехфакторной модели «расстройство-стойкость-рост» после травмы, когда человек кризисные драматичные переходные периоды своей жизни превращает

во внутренней работе в значимые для своей личности позитивные накопления (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007, 2008, 2009).

В концепции темпоральной трансформации личности в экстремальной ситуации, на которой мы основываем наши представления (Магомед-Эминов, 2007, 2008) разрывы опыта или связанность опыта зависят от темпоральной работы личности, то есть работы связывания прошлого, настоящего, будущего, разорванного самой катастрофой, травмой. Смысловая темпоральная работа личности позволяет человеку наделить смыслом настоящее, переосмыслить будущее, отнестись к будущему по-новому, одновременно утрачивая смыслы, потерявшие свою конвенциональность, те смыслы, которые позволяли выжить во время бедствия, спастись любой ценой и которые надо утратить, чтобы сконструировать новые (Magomed-Eminov, 1997). В некоторых современных исследованиях идея необходимости связывания опыта содержится априорно в построении самих экспериментов. Так, в методике описания временных представлений личности Л.Н. Юрьевой уже в самой инструкции содержится побуждение к рефлексии и сознательной личностной работе «выразить переживания взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего», что должно толкать испытуемых, имеющих «разрывы бытия», начать связывать, по крайней мере, временные модусы, заполнять временные «провалы».

Новые подходы, предложенные в работах М.Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2007, 2008), открывают иное понимание временной перспективы, ее структуры и различают: временную перспективу как определённую темпоральную организацию, форму и темпоральную работу, в которой темпоральная структура конструируется как ее продукт (Магомед-Эминов, 2008). Предложенная концепция ставит проблему временной перспективы личности, в первую очередь, в контексте столкновения с кризисом, катастрофой, разрывающей, расщепляющей темпоральную структуру. Сохранение целостности идентичности человека и её трансформация требует рассмотрения временной перспективы с точки зрения необходимости связывания множества разорванных ситуаций в темпоральную протяжённую целостность. Это показывает, что для того, чтобы связать разорванную связь времен после травмы и саму расщеплённую целостность уцелевшего в травме человека, требуется особая работа связывания темпоральных горизонтов времени и темпоральное связывание опыта, согласно деятельностно-смысловой концепции, (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007, 2008). Темпоральность в ней выступает как темпоральная деятельность человека, как деятельность по конструированию временной формы, связывающей три модуса времени в континуальную целостность. Исходя из данного положения, временная перспектива рассматривается, во-первых,

со стороны временной формы, и, во-вторых, со стороны конструирования этой временной формы, то есть темпоральной работы личности.

1.6 Культурно-деятельностный подход к проблеме времени

В современной психологической литературе освещается развивающийся культурно-деятельностный подход к проблеме времени, основанный на понимании времени не как линейной последовательности или абстрактной длительности, а в связи с существованием живого человека в жизненном мире во взаимосвязи, взаимопереходе прошлого, настоящего и будущего.

В работах М.Ш. Магомед-Эминова время, которое обычно в литературе понимается как что-то временное в объективном порядке вещей и/или в субъективном порядке идей, рассматривается в горизонте временности, темпоральности существования сущего – единичного, сингулярного, индивидуального события бытия человека. В горизонте темпоральности единичное событие бытия человека различается, дифференцируется на многообразие различающихся конкретно-исторических актов-событий, конкретных длительностей, связывающихся в смысловой работе личности. Временной опыт, приобщаясь (или отчуждаясь) в этой культурно-исторической работе к свершающемуся, становящемуся событию бытия, обретает историчность бытия личности. Однако «историчность» личности, по мнению автора, состоит не в том, что личность создаёт личную историю, а в том, что она живёт этой жизнью, чтобы быть (Магомед-Эминов, 2007, 2009). Формулируя один из основных темпоральных принципов, автор утверждает, что прошлое личности еще не «стало», оно становится, трансформируясь в ходе работы личности. Прошлое продолжает жить, развиваться в личности, трансформируясь в зависимости от отношения к нему и от работы, проводимой с ним. В результате работы личности опыт меняется, открывается что-то новое; прошлое поворачивается неожиданной гранью, и то, что было важным, может вдруг потерять свою значимость. В работе личности трансформируется смысл прошлого – характер установленных личностью отношений с собственным прошлым (Магомед-Эминов, 1998).

О темпорологии как изучении времени М.Ш. Магомед-Эминов говорит в двух значениях, разделяя её на абстрактную и конкретную. Абстрактную темпорологию автор понимает как темпорологию процессов и движений в условиях «элиминации»,

просветления человека, человеческого фактора, а конкретную темпорологию – как темпорологию конкретного человека, существующего в жизненном мире, проживающего своё единственное событие жизни в многообразии жизненных событий, которое и является самой жизнью. Если к задачам абстрактной темпорологии относится изучение последовательности смены состояний и положений объекта и субъекта, а также регистрация и / или переживание одновременности или последовательности моментов и процессов – то конкретная темпорология, по мнению автора, строится не на процессе, а на опыте. В ходе работы личности разрозненные, фрагментарные события, «преопыт» оформляются, смыслонаполняясь из горизонта смысла бытия в более целостную историю опыта бытия личности. Темпоральное связывание опыта осуществляется не абстрактной темпоральностью – сама темпоральность и её горизонты конституируются в работе личности, в которой личность как сущее, существующее в мире, относится к собственному опыту, факту события существования. В этой бытийно-темпоральной работе личности опыт усваивается (ретроспективно – актуально – проспективно), приобщаясь к свершающемуся событию бытия (целостности опыта жизни), или отчуждается, образуя сферу отрывочного, отчуждённого опыта, в том числе, разорванного травмой (в работе отчуждения) (Магомед-Эминов, 2007, 2009).

В работах М.Ш. Магомед-Эминова говорится о необходимости разделения времени и понятия времени и делается вывод, что историю понятия времени надо связывать с культурно-историческим происхождением временной действительности. О времени здесь всегда говорится только в связи с переходом, так как время делает всё, что попадает в его горизонт, преходящим и исчезающим, с другой стороны, наделяет преходящее продолжением и сохранением. В данном подходе связь субъекта и времени раскрывается в работе личности человека, проживающего свою жизнь в жизненных заботах, а темпоральная длительность понимается в непрерывном течении психической деятельности человека. М.Ш. Магомед-Эминов считает, что если деятельность темпоральна, то в каждый момент деятельности в нём пребывает субъект деятельности. Субъектов становится много, и возникает задача объединения, связывания времени и моментов-актов (Магомед-Эминов, 2007, 2009). Выделяя различные аспекты времени, автор говорит о двух крайних полюсах времени – измеряемом, хронометрическом и проживаемом, экзистенциальном; а также утверждает, что феномены переживания времени и проживания времени связываются в существе времени существования человека. Промежуточное положение отводится психотехническому времени, опосредствующему связь между проживаемым и физическим временем. Проблему конечности и бесконечности времени автор

трактует следующим образом: с одной стороны, время конечно, когда речь идёт о конкретных качественных длительностях; с другой стороны, время неконечно, когда имеется в виду время человека, конституирующееся в горизонте перехода «пре – в – пост». Особую роль в определении темпоральности автор отводит проблеме повседневной и неповседневной темпоральности, темпоральности бытия и небытия, времени жизни и времени смерти. Поток жизни, с его точки зрения, не линия, а неограниченная, разворачивающаяся сфера, следовательно, концепция «потока» будет «пустым» и неисторическим переживанием длениа без событийной трактовки временного потока. Время определяется с точки зрения бытия во времени. Но так как бытие трактуется относительно небытия, то время определяется также относительно небытия во времени (Магомед-Эминов, 2007, 2009).

Проблемы времени, длительности в психологии также подробно анализируются в работах Ю.К. Стрелкова. Понятие длительности, с его точки зрения, является центральным среди терминов, характеризующих временную форму, а время становится мощной опорой психологических разработок в теории и практике. Длительность, как считает автор, не просто число, мера движения, изменения в окружающем мире, а мера переживания, мера действия субъекта, мера его отношения к другому человеку. Ю.К. Стрелков рассматривает проблему длительности под углом зрения выполнения деятельности. Автор отмечает в своих работах, что в процессе исполнения длительность неотделима от ожидания результата действия, то есть переживания процесса, устремленного в будущее. Два временных термина – конец и начало, которые объединяет длительность, сохраняются в памяти субъекта, пока он выполняет действие. А понимание смысла, идеи процесса позволяет субъекту предвидеть завершение. Длительность в данной модели выступает как переход – преодоление трудностей, сопротивления среды, материала, инерции инструмента и т.д.

Длительность, как считает Ю.К. Стрелков, позволяет увидеть детали процесса и найти способ их связывания. Если процессы разворачиваются очень быстро, не поддаются наблюдению со стороны и самонаблюдению, следует определить процедуры их формирования. Длительность необходимо сопоставлять со смыслом процесса, который становится ясным, только если дождаться финала действия. Длительность фокусирует организующую, упорядочивающую функцию временной формы. Длительность раскрывается как синхронизация, срок и ритм (Стрелков, 2005). Продолжая соотносить проблемы длительности и выполнения деятельности, Ю.К. Стрелков отмечает понятие паузы. Когда человек выключается из прямого участия в процессе выполнения действий, он помнит, что когда пауза закончится, он должен синхронно включиться в процесс, не нарушая гармонии, сохранив в целости

общую картину. По мнению автора, во время такой паузы субъект не действует, а участвует лишь мысленно, и сознание его иное – отличается от того, что в ходе исполнения. В длительности его есть ожидание окончания, момента, когда нужно будет снова активно включиться в процесс (Стрелков, 2010).

Своевременность – ещё одна проблема, которую обсуждает Ю.К. Стрелков. Своевременное выполнение задач, с его точки зрения, может быть определено как база отсчета в определении ускорения или замедления времени. Возможность сдвинуть срок начала дела так, чтобы субъект мог начать основное дело прежде, чем оно намечено, позволяет говорить об ускорении времени. Однако в этом случае субъект сокращает длительность нормативного, прежде заданного социально, процесса. Поднимая проблему времени через призму выполнения деятельности, Ю.К. Стрелков определяет его как меру процесса, способ его схватывания, пути размышления о нем. Время он обозначает как характеристику процесса, в котором выражаются связность и последовательность, начало, конец, цикличность, и определяет его как схему организации выполняемого действия (Стрелков, 2001).

1.7 Смысловая модель временной перспективы, её конкретизация и операционализация

Основополагающей идеей для понимания временной перспективы мы выбрали положение о смысловом опосредствовании процессов конституирования временной перспективы личности. Почему личности? Потому что в модели речь идёт не столько о когнитивной способности, сколько о способности личности, выражающейся в работе личности по конституированию временной формы жизнедеятельности. Проведённый в предыдущей части работы научно-психологический анализ проблемы трансформации временной перспективы личности в экстремальной ситуации, включающий в себя терминологический, этимологический, понятийный и метапсихологический анализ, а также анализ актуального состояния проблемы, задал теоретическое основание, очертили горизонт постановки проблемы и обоснование эмпирического исследования, которое, в свою очередь, требует конкретизации. Таким образом, смысловую модель временной перспективы необходимо конкретизировать и операционализировать.

Для решения этой задачи сформулируем еще раз некоторые основные выводы из вышеприведенного анализа. Мы показали, что рассмотрение вопроса трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации неизбежно отсылает нас к анализу временной перспективы. Кроме вывода о неоднозначности понятия временной перспективы, проведенный анализ показывает, что понятие времени не определяется само по себе, а берётся как метапсихологический термин. Временная перспектива используется в качестве понятия, описывающего явление времени. В наиболее общем значении временная перспектива понимается как структуризация времени процессов жизнедеятельности субъекта или отдельных её аспектов. Явно или неявно временная перспектива «опространствуется».

Сведение вместе терминологического и этимологического анализа конкретизирует временную перспективу как структуризацию дополнительными признаками: направленностью и порядком, успешивностью. Сделаем ещё ряд выводов из этой связи. Прежде всего, зафиксируем во временной перспективе устремлённость на что-то (интенциональность), что находится на расстоянии, дистанции. Затем отметим, что имеющийся в литературе акцент во временной перспективе только на будущее и ожидание будущих ценностей является односторонним. Следовательно, необходимо избежать редукции временной перспективы к одной будущности, диктуемой этимологией и психологически односторонними концепциями.

Далее добавление к термину «перспектива» термина «время» придаёт перспективе не только признание временной дистантности, временного «расстояния», но и акцентирует понятие «возможности», заключённое во временной перспективе. Имеется в виду, что временная перспектива открывает, предоставляет субъекту определённые экзистенциальные, жизненные возможности. Развернём исходное определение: временная перспектива как устремлённость (интенциональность) к дистантным временным объектам открывает субъекту определённые возможности.

Затронем ещё один аспект: хотя направленность временной перспективы на будущее задаёт временные объекты – цели, задачи, ценности – по сути, все эти направленности располагаются в рамках более фундаментальной интенциональности – смысловой интенциональности. Наконец, временная перспектива интенциональна, направлена на фундаментальные смыслы, выражающиеся в возможностях, открывающихся субъекту в жизнедеятельности. В этих выводах смысловая интенциональность личности только отмечена и не раскрыта понятийно – мы рассмотрим эту проблему несколько позднее. Метапсихологический анализ временной перспективы позволяет сформулировать теоретическую проблему

существования противопоставления количественно-дискретных и качественно-континуальных временных форм. Эта проблема ставит задачу построения модели, в рамках которой количественно-дискретные и качественно-континуальные временные формы берутся во внутренней взаимосвязи и переходах. Данная теоретическая дихотомия была принята в качестве методологической установки для проведения систематизации психологических представлений о времени.

Принятие дихотомии временных форм за основание временной перспективы находит хорошее теоретическое обоснование в различительной способности, заключающейся в этой дифференциации. Две временные формы легли в основание систематизации понимания временной перспективы, раскрывая нам две формы направленности, точнее, смысловой направленности. Конституирование временной перспективы включает в себя направленность временной перспективы на континуальность и направленность временной перспективы на дискретность. Эта проблема пока только обозначена и требует эмпирического исследования.

Понятие временной интенциональности как открытия возможностей, выявленное из дефиниций, этимологии и её смысловой предметности, укрепляется теперь в метапсихологическом аспекте и, более того, дифференцируется. Мы обнаруживаем основополагающие характеристики временной перспективы – её смысловую направленность и две смысловые формы этой направленности, которые создают как общую проблему нашего исследования, так и основу для формулировки конкретных гипотез.

Метапсихологический анализа, дополненный конкретно-психологическим, подтверждает наличие в психологии противопоставления между количественно-дискретным и качественно-континуальным временем, задающего важные временные характеристики: интенциональность и смысловую предметность интенциональности – направленность на континуальность и направленность на дискретность. Развернём тезис: противопоставление количественно-дискретной и качественно-континуальной временных форм в понимании временной перспективы находит своё выражение в противопоставлении формы и содержания во временной перспективе. Действительно, литературный обзор показывает, что, с одной стороны, временная перспектива трактуется как абстрактная, бессодержательная временная форма, складывающаяся из трёх, тоже «пустых», временных форм (прошлого, настоящего, будущего); с другой стороны, временная перспектива понимается сугубо содержательно как способность распределять жизненные события в определённом порядке и хронологии. Для прояснения выявленного противопоставления отметим, что два понимания достигаются за счёт редукции субъекта и объекта соответственно.

При количественно-дискретном рассмотрении, независимо от того, как понимается время, универсально или релятивно, живой, конкретный человек – сингулярный человек, или личность, элиминируется (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007). Несколько по-иному элиминируется индивидуум при качественно-континуальном рассмотрении. Здесь чувство, или переживание, времени является чистой, априорной формой, общезначимой для всякого индивидуума. Поэтому вся феноменология времени внесла в психологию через понятие «переживания» искажение этого представления, будто бы переживание времени как раз является индивидуализированным.

Отмеченная дихотомия порождает в психологии новую дихотомию между формой и содержанием во временной перспективе. Именно прямой перенос в психологию феноменологического представления о переживании времени создаёт представление, будто бы временная перспектива – это временная форма, которая состоит из трёх чистых форм: прошлого, настоящего и будущего, которые постоянны и не меняются, а изменяется только то, чем наполняются эти формы. Временные формы спряжения строятся точно так же и являются ещё одним источником, повлиявшим на чисто структурное понимание временной перспективы.

К тому же, в современной психологии наиболее распространённой является редуцированная точка зрения, рассматривающая временную перспективу как ориентацию на будущее. Приведённый выше теоретический анализ позволяет достаточно убедительно утверждать, что в этом подходе подвергается редукции целостность временной перспективы. Поэтому мы будем придерживаться в понимании временной перспективы более целостного взгляда, включающего в перспективу все три модуса времени. Действительно, ориентация на будущее возможна постольку, поскольку модус будущего берётся соотносительно настоящего и прошлого. Из сказанного вытекают определённые следствия. Во-первых, временная перспектива в психологии редуцируется, сводится к определённому модусу времени. Во-вторых, временную перспективу необходимо понимать объёмно, рассматривать как трёхмодусное образование. Два понимания времени – как количественно-дискретного и качественно-континуального, конкретизируются в положении о том, что время – это число (движения), или время – это переживание (события). Дальнейший анализ этих двух временных форм показывает, что из них вытекает новая дифференциация. Две формы могут быть соотнесены как чистая временная форма (число или переживание) и конкретное временное образование (длительность чего-то и переживание определённой событийности). Две эти дифференциации

редуцируют временную перспективу, с одной стороны, к чистой временной форме; а с другой стороны, к событийности процессов, развёртыванию содержания и т.д.

Понимание временной перспективы теперь конкретизируется. Принимая идею трёхмодусности временной перспективы, мы в то же самое время ставим под сомнение две крайние точки зрения, имеющие место в научной литературе. С одной стороны, то, что время – это бессодержательная форма, трёхчленная структура. С другой стороны, то, что временная перспектива обладает структурой, заданной объектами, целями, ценностями. Поэтому понимание Ковалёвым временной перспективы как единства прошлого, настоящего и будущего (трансперспективы) преодолевает редукционизм к отдельным модусам, но упускает необходимость временного синтеза. Действительно, говоря о трёх модусах времени, создающих, по сути, временную перспективу, Ковалёв использует термин «трансперспектива», высказывая идею о единстве, которое, по существу, игнорирует временной синтез, создающий это единство. Постулирование временной перспективы как единства трёх модусов недостаточно без временного синтеза, который также требует своего психологического определения. Временной синтез временной перспективы мы будем понимать как темпоральную работу личности (Магомед-Эминов, 2007, 2008). Таким образом, временная перспектива – это единство прошлого, настоящего и будущего, которое создаётся в темпоральной работе личности. В этой работе конституируются: 1) длительность, 2) последовательность, 3) направленность и 4) смысловая временная форма, 5) модусы временной перспективы.

Рассмотрим теперь другой полюс дихотомии – понимание временной перспективы как распределения объектов в событийности. В научной литературе, как показывает обзор, достаточно широко представлен противоположный взгляд, определяющий временную перспективу через временные объекты, которые темпорально маркируются и распределяются на интервале. Эти временные объекты конкретизируются через целеустремлённость, мотивационные объекты, антиципации, ожидания, временной кругозор и др. Критическим замечанием в адрес этой точки зрения является следующее: временная структура и структура психологических процессов жизнедеятельности не одно и то же (А. Бергсон, М.Ш. Магомед-Эминов). Хотя эти две структуры взаимосвязаны, они не сводятся друг к другу. Рассмотрение и того, и другого подхода синтетически даёт нам возможность подметить важный признак временного измерения, ценный для определения временной перспективы. Модусы прошлого, настоящего и будущего, точно так же, как содержание, ценностные объекты, располагаются во временной структуре, задают определённую ориентацию и направленность.

Эта направленность, при условии совместного рассмотрения двух подходов: к времени как бессодержательной форме и времени как содержательной структуре, задаваемой предметами, ценностями – не может быть сведена к направленностям, задающимся целями, задачами, мотивационными объектами, намерениями. Мы будем придерживаться различия смысловой интенциональности – направленности на отношения, от конкретной направленности на предметы. Для того чтобы охарактеризовать временную перспективу через направленность на дистантные объекты, мы уточняем направленность как смысловую, что требует акцентировать в понятии смысла значение транзитности. Смысловые образования, по А.Н. Леонтьеву, ориентируют субъекта в предметном мире посредством выявления свойств предметов (Леонтьев, 1981). Если это утверждение прочесть темпорально, то мы увидим заключённую в нём идею последовательности, перехода – ключевой характеристики времени (Аристотель, Св. Августин, А. Бергсон, И. Кант); по Канту, пространство расположено, а время последовательно. Психологическое представление о временной организации приводится в связь с предметностью, связями свойств и смыслами.

Для того чтобы показать, что в чистой временной форме и содержательной форме в неявном виде содержится направленность, вновь посмотрим на основные направления изучения времени в психологии под этим углом зрения, воспользовавшись классификацией Абульхановой-Славской и Березиной. Напомним, что они выделили четыре основных аспекта рассмотрения временной перспективы. Первый – отражение (психикой, сознанием) объективного времени, большая или меньшая адекватность и механизмы отражения (восприятие времени). Второй – временные, то есть, процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные, прежде всего, с лежащими в её основе ритмами биологических, органических, нейрофизиологических процессов. Третий – способность психики к регуляции времени движений, действия и деятельности. Четвёртый – личностная организация времени жизни и деятельности, то есть, той пространственно-временной композиции, в которой строятся ценностные отношения личности с миром на протяжении времени жизненного пути (Абульханова, Березина, 2001).

Во всех этих подходах, с разных точек зрения, на время смотрят как на объект (наподобие прочих объектов) который воспринимается, организуется в определённом ритме, с которым субъект оперирует как со средством. Между тем, время есть не только средство, с которым субъект оперирует, но и условие возможности существования всякого процесса, изменения, трансформации. Тогда время как объект и время как условие жизнедеятельности личности надо различить. Вот это условие возможности жизнедеятельности личности, конечно, имеет смысловое строение, то

есть, временная форма взаимодействует со смысловой формой. Но смысловая форма – это направленная форма, она направляет субъекта по смысловому вектору, открывая возможность жизни, бытия. Этот вывод позволяет нам не только определить временную перспективу через смысловую интенциональность, но и ухватить проблему экстремальной темпоральности. Смысловое измерение раскрывает интенциональность, идущую в двух направлениях – в одном из них смысл задаёт континуальность, продление, а в другом смысл задаёт завершение, разрыв. Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается на две предельные формы направленности, которые определяют фундаментальные смыслы «L» и «D». Мы конкретизируем этот тезис и проверим его в эмпирическом исследовании.

Научная логика теоретического обоснования смыслового опосредствования временной перспективы – смысловой интенциональности, строится на прочтении процесса временной перспективы в терминах смысловой работы личности (Магомед-Эминов, 2007, 2009). Для решения этой задачи применим к проводимому анализу, вместо известных определений смысла как значения значения и личностного смысла – отношения мотива к цели (Леонтьев, 1977, 1981), близкую к ним трактовку, изложенную в работе «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1981) при объяснении филогенеза психики и развития сознания. В соответствующих фрагментах текста смысл, по мнению Магомед-Эминова, понимается как транзитный феномен, обеспечивающий возможность осуществления жизнедеятельности, связывая разделённые (в пространстве, времени, между субъектами и т.д.) процессы жизнедеятельности. Таким образом, во-первых, задаётся опосредствующая связь между процессами жизнедеятельности. Во-вторых, опосредствующая связь уточняется как открывание возможностей для реализации жизнедеятельности и осуществления бытия. В-третьих, выстраивается смысловая связь в последовательности актов (синхронизация и десинхронизация); в-четвёртых, то, на что направлены процессы жизнедеятельности, раскрывается дистатно не только в пространственном, но и во временном смысле, то есть, для их достижения требуется отставленность, отсрочка (Магомед-Эминов, 2006, 2007).

Отталкиваясь от этого прочтения смыслового процесса как транзитного процесса, мы обнаруживаем, что перспектива как направленность на удалённую цепочку объектов точно раскрывается через признаки смыслового процесса. Во-первых, дистантность – перспектива есть то, что ещё не есть, она неналична; во-вторых, порядок – в перспективе со-относятся исходные и конечные состояния. Особенно подчеркнём признак открывания возможности, связанный со смысловой интенциональностью, которая наводит порядок следования в процессах

жизнедеятельности, открывая возможности для осуществления жизнедеятельности и бытия и располагая их в цепочку. Для уточнения потенции, заключённой во временной перспективе, необходимо разделить в интенциональной предметности две формы: собственно интенциональную предметность (временная перспектива не пустая структура, которая наполняется содержанием) и смысловую природу интенциональной предметности.

Проясним понятие смысловой интенциональности. Интенциональность (от лат. *intentio* – «намерение, стремление») – направленность на что-то. Считается, что это понятие заимствовано Ф. Brentano из средневековой схоластики и что о нём имел представление Св. Августин. Brentano применял это понятие для различения психических феноменов, интенциональных по своей сути, то есть, направленных на что-то, и физических феноменов, не отличающихся этой чертой (Brentano, 1996). В дальнейшем этот термин заимствовал Гуссерль, который принял его за основное понятие феноменологии и базовую характеристику сознания (Гуссерль, 1998). Для Гуссерля сознание всегда интенционально – направлено на что-то в мире. Интенциональность – ключевой термин также и для Ж.-П. Сартра (Сартр, 2004) и М. Хайдеггера (Хайдеггер, 1997). Для Л.С. Выготского всякое переживание, которое он понимает в широком смысле, направлено на что-то. В психологии чаще всего под интенциональностью понимают намеренность, намерение, либо она является синонимом слова «направленность». Понятие интенциональности близко пониманию предметности в теории деятельности А.Н. Леонтьева, однако необходимо разделять интенциональный предмет деятельности и конструктивную психологическую работу личности, в которой эта предметность конституируется (Магомед-Эминов, 2007). Необходимо, кроме того, ещё отличать смысловую интенциональность от объектной интенциональности – направленности на цели, задачи, намерения, мотивационные объекты и др. Мы будем исходить в своей работе из последнего понимания. Под смысловой интенциональностью будем понимать направленность работы личности, в которой интенциональным предметом является смысловое образование. Смысл тогда понимается транзитно, как то, что раскрывает человеку связь между действиями, предметами, явлениями и открывает возможности для реализации деятельности и осуществления собственного бытия, то есть, онтологической способности личности. Особое значение при этом имеют две фундаментальные формы смысловой интенциональности, которые связаны с L- и D-смысловыми образованиями личности и направлены на решение человеком предельных «задач на жизнь» и «задач на смерть» в повседневном и неповседневном жизненных мирах (Magomed-Eminov, 1997).

Напомним, что временная перспектива – это перспектива не только в пространственной удалённости, но и в плане отсрочки наступления определённых благ, ценностей и др. Поэтому целостная, объёмная временная перспектива предоставляет определённые возможности для реализации жизнедеятельности и осуществления своих способностей. Понятие возможности определяется через актуализацию новых способностей, опыта и ценностей. Предлагая принимать смысловую интенциональность за основание временной перспективы, мы уточняем направленность временной перспективы. Временная перспектива направлена, однако, направленность её нельзя путать с ценностной или мотивационной. В противном случае временная перспектива вообще превратится в аморфное ситуационно-специфическое образование. Время потеряло бы форму, превратилось бы в ситуационно-специфическое содержание. Придавая временной перспективе динамичность (а иначе и нельзя говорить о трансформации), нам необходимо сохранить в процессах определённую инвариантность. Направленность нельзя свести к изолированному, статическому объекту, необходимо рассмотреть также значение связи, отношения объектов – речь идёт о разворачивании процессов. Именно конституирование последовательности процессов на пути подготовки и исполнения актов задаёт смысловую направленность как по ходу процессов, так и относительно инвариантной предметности – открывается возможность реализации жизнедеятельности, осуществления способностей личности «быть». Предметность одна и та же – новая возможность, но она динамична. Каждый раз речь идёт об иной возможности, которая, конечно, не сводится только лишь к целевым объектам.

Теперь попытаемся конкретизировать смысловую интенциональность для создания платформы для понимания трансформации временной перспективы в экстремальности. Смысловая интенциональность не может быть непосредственно зарегистрирована эмпирически – её необходимо ухватить через манифестации, проявления. В эмпирической части работы мы уделим этой проблеме особое место. По Магомед-Эминову, экстремальная ситуация, помимо множества признаков, характеризуется основополагающей смысловой трансформацией структуры жизненного мира. Автор различает L- и D-смыслы и характеризует экстремальную ситуацию как ситуацию конституирования смысловой двунаправленности, или эквивокации. По сути, речь идёт не об оппозиционной дихотомии, а о динамическом взаимодействии полярностей, то есть смысловой динамике. Это положение задаёт общую характеристику экстремальной ситуации, которое может быть дополнено конкретными признаками, принимаемыми в данной работе за критерии экстремальной ситуации (Магомед-Эминов, 2008). Для того чтобы достигнуть установления связи временной перспективы со специфической смысловой

интенциональностью жизненного мира личности, обратимся к анализу результатов систематизации концептов временной перспективы для подкрепления нашего обоснования дополнительной аргументацией.

Продолжим теоретическое обоснование смыслового опосредствования временной перспективы. Предложенная систематизация временной перспективы не ограничивает своё значение тем, что предоставляет в наше распоряжение массив представлений, знаний о временной перспективе, а несёт смысловую нагрузку для постановки проблемы временной перспективы как смыслового феномена и поиска путей её решения. Разделение во временной перспективе количественного и качественного переживания – перспективы, построенной на количественной длительности и на переживании длительности – позволяет нам найти онтологическое основание временной перспективы. Ведь возникает резонный вопрос – что такое временная перспектива в психологическом плане? Внимание, память, мышление и т.д.? Мы принимаем временную перспективу за конструктивную способность личности, выражающуюся в работе личности (Магомед-Эминов, 1998, 2006, 2007). В темпоральной конструктивной работе (как способности) конституируется время переживания как динамическая временная структура. Переживание как ткань временной перспективы мы понимаем, отталкиваясь от феноменологии Гуссерля, и выделяем в ней переживание как форму и работу личности по конституированию переживания (Магомед-Эминов, 2007). В этом понимании переживание трактуется по-иному, нежели в концепции Ф.Е. Василюка, где автор рассматривает её как деятельность по преодолению критических ситуаций (Василюк, 1984).

Ещё один момент требует уточнения. Временную перспективу как переживание длительности необходимо уточнить с точки зрения направления этого переживания. Да, действительно, временная перспектива – это процесс, конституирование длительности (А. Бергсон; Ю.К. Стрелков), но это не просто процесс, переживание потока, а «направленное переживание». Всякое переживание интенционально (Э. Гуссерль, Л.С. Выготский), и направленность переживания можно раскрыть через смысловую форму, которая конституируется в интенциональной работе личности. Как временную форму, так и форму переживания в психологическом дискурсе необходимо понимать через смысловую форму (Магомед-Эминов, 2007).

Что вводится этой моделью в понимание временной перспективы в экстремальной ситуации? Новый момент состоит в том, что само мерило, условие возможности процесса, форма для рассмотрения события деформируется, искажается, сокращается, замедляется, сужается, разрывается. В этом и заключается основной общий вывод, который можно сформулировать из имеющихся данных о временной перспективе. Из него, в свою очередь, вытекает второй закономерный вывод о том,

что временная перспектива в экстремальной ситуации вводит человека в такое поле, в котором кладётся конец способности организации временного опыта и всему другому, что нам известно о времени – временная перспектива разрывается. Этот негативный подход, который строится на представлении о сломе времени, игнорирует качественную специфику временной перспективы в экстремальной ситуации. Он преодолевается в позитивной трактовке экстремальной ситуации и темпоральности в деятельностно-смысловом подходе в русле культурно-деятельностной методологии.

Трансформацию временной перспективы в экстремальной ситуации мы рассматриваем как конструктивный процесс, идущий по логике трансформации жизнедеятельности, бытия, существования личности. Существующие концепции экстремальной психологии строятся на концепции повседневного мира, смысловая структура которого дифференцирована на секторы и регионы жизненного мира (Э. Гуссерль, А. Шюц, М. Хайдеггер). Мы будем следовать деятельностно-смысловому подходу, в котором предлагается разделять повседневный и неповседневный жизненные миры и модусы бытия на основе разделения экзистенциальной направленности на L- и D-смыслы, на смыслы бытия и небытия, решение предельных «задач на жизнь» и «задач на смерть». Экстремальная ситуация тогда получает психологическое и метапсихологическое определение как неповседневный мир, в котором время человека, история его жизни и бытия строятся на вторжении небытия в бытие, смерти в жизнь. Смысловая интенциональность в экстремальной ситуации становится двунаправленной, и конституирование смыслового основания временной перспективы идёт в двух планах, задаваемых диалогичностью временной перспективы.

Смысловая интенциональность и переживание длительности. Для проведения эмпирического исследования необходимо конкретизировать и операционализировать теоретическую модель проблемы. Опираясь общей идеей о смысловом опосредствовании временной перспективы, мы, прежде всего, конкретизируем её в утверждении о связи временной перспективы и переживания длительности. Подобный подход в постановке проблемы объясняется тем, что длительность является одной из первых характеристик временной перспективы. По Аристотелю, Св. Августину, Бергсону, время – это длительность. Так как длительность оценивается количественно, а психологический аспект времени возникает в связи с переживанием длительности, то нам нужно найти опосредствующий механизм, который позволит связать числовую длительность и переживание длительности. В качестве опосредствующего процесса мы берём смысловую интенциональность.

Для того чтобы найти связь между смысловой интенциональностью и переживанием длительности, нам надо увидеть за психофизической задачей оценки

времени длительности экзистенциальную задачу переживания длительности. Переживание длительности в жизнедеятельности и бытии человека есть условие его существования. Время, длительность открывает человеку возможность осуществления его бытия (М. Хайдеггер), является основой предметного действия (Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский), изменения образа мира (А.Н. Леонтьев). Поэтому рассмотрение временной перспективы с точки зрения «возможности осуществления жизнедеятельности» позволяет привести во внутреннюю связь и длительность, и смысл. Таким образом, общая проблема конкретизируется как выявление связи между временной длительностью и смысловой интенциональностью. Прояснение этого процесса подводит нас к изучению трансформации временной перспективы в связи с изменением формы смысловой интенциональности жизненного мира.

Конкретизация форм смысловой интенциональности с точки зрения фундаментальной смысловой структуры повседневного мира – L- и D-смыслов, приводит к проблеме раздвоения временной перспективы и формирования континуальной и дискретной перспектив. Рассмотрение временной перспективы с двух точек зрения: континуальной перспективы и дискретной перспективы – даёт хорошие основания для обоснования метода исследования, т.к. мы рассматриваем дискретность и континуальность во внутренней связанности. Из этого следует, что мы должны сочетать в методах исследования качественные и количественные методы. В литературе имеется достаточно подробное их описание (Бусыгина, 2010), поэтому не будем углубляться в специальное рассмотрение проблемы. Выделим только несколько аспектов качественного метода, на котором мы будем основываться. Качественный метод предполагает рассмотрение психологических фактов, во-первых, *in vivo*, в живой темпоральности; во-вторых, в динамике процесса и трансформации, то есть в историчности процесса жизнедеятельности; в-третьих, в смысловой работе личности. В четвёртых, композиция пространственной и временной форм опосредствована конструктивной смысловой работой личности (Магомед-Эминов, 2007).

В соответствии с этой методологической установкой, в эмпирической части работы мы используем методы идиографического и номотетического подходов, качественные методы: полуструктурированное интервью, включённое наблюдение, самоотчёты испытуемых, контент-анализ, экспертную оценку, анализ литературных источников и др. Используем стандартизованные опросники: 1) тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 2) опросник посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Колхауна (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 3) опросник для изучения временной перспективы

Ф. Зимбардо (P. Zimbardo, J. Boyd, А. Сырцова, О.В. Митина); 4) модифицированный вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); 5) метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (в модификации И.Ю. Кулагиной, Л.В. Сенкевич); 6) шкала переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи.

В заключение теоретико-методологического обоснования сделаем следующие выводы. Для решения поставленной проблемы за основание интегративного понимания и механизм связи оппозиций мы принимаем фундаментальные смысловые образования жизненного мира личности, придающие темпоральным феноменам определённую смысловую интенциональность. Основываясь на деятельностно-смысловом подходе, системообразующим фактором временной перспективы личности мы берём смысловую интенциональность. Основное положение работы заключается в следующем: фундаментальные смысловые образования личности опосредствуют культурно обусловленную временную форму и индивидуально-специфическую динамику временного опыта личности.

Сформулируем рабочее определение временной перспективы. Временная перспектива – это форма существования движения (процессов, изменения, трансформации) жизнедеятельности личности и самой личности, которая конституируется, во-первых, временными направленностями, или ориентирами (направленностью на будущее, направленностью на настоящее, направленностью на прошлое), их внутренним единством, синтезом, который конституируется как исторически протяжённая длительность и текучее целое; во-вторых, интенциональной предметностью (временная перспектива не пустая структура, которая наполняется содержанием) и смысловой природой интенциональной предметности. Иными словами, временная перспектива – это способность личности реконструировать прошлое, актуализировать настоящее и конструировать будущее как временную целостность. В направленности временной перспективы выделяются два плана: с одной стороны, это смысловая интенциональность как фундаментальное основание временной перспективы; с другой стороны, направленность на объекты, то есть, цели и целевые объекты, намерения, мотивационные объекты, события и т.д., в которых фундаментальная направленность конкретизируется.

Таким образом, временная перспектива конституируется, во-первых, временными направленностями (на прошлое, настоящее и будущее); во-вторых, временной структурой как синтетическим единством временных направленностей (ориентаций); в-третьих, конструктивной темпоральной работой личности по конструированию структуры (формы) временной перспективы; в-четвёртых,

континуальной длительностью и сукцессивностью временной структуры; в-пятых, смысловой интенциональностью.

Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается, она становится двунаправленной. Временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется на основе двух фундаментальных форм смысловой интенциональности: со стороны континуальной перспективы (связана с L-смысловыми структурами жизненного мира), и со стороны дискретной перспективы (связана с D-смысловыми структурами жизненного мира).

Трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации имеет два плана: с одной стороны, негативный, подразумевающий редукцию структуры временной перспективы; с другой стороны, позитивный – конструирование полной, целостной структуры временной перспективы (временного гештальта).

Выбор первого шага эмпирического исследования обосновывается выделением главной темпоральной характеристики временной перспективы – длительности. Время, говорил Бергсон, в согласии с древними – это длительность (Бергсон, 2006). Выдвинем следующее предположение: на переживание длительности временной перспективы оказывает специфическое влияние динамика смысловой интенциональности. Зависимость сдвига оценки временной длительности может быть пересмотрена с точки зрения трансформации смысловой интенциональности, выражающейся в мере возможностей, открывающихся субъекту в жизненной ситуации.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

2.1 Смысловая интенциональность и временная перспектива

Любая модель временной перспективы дееспособна постольку, поскольку она способна интерпретировать ключевую образующую временной перспективы – длительность. Как следует из теоретического обзора, оценка временных интервалов – длительности, составляет важную часть изучения темпоральности в психологии. Для постановки данной проблемы относительно смысловой интенциональности, прежде всего, проясним, что так называемые ошибки в оценке длительности зависят от различных факторов, которые относят к ошибкам наблюдения. С другой стороны, мы не сводим задачу установления связи смысловой интенциональности и длительности к декларированию зависимости длительности, времени реакции, от решения какой-либо задачи или от состояния самого индивидуума. Нашей целью является определение значения базисной структуры временной перспективы, а именно – смысловой образующей. Временная перспектива рассматривается нами не как пустая форма (прошлое, настоящее и будущее) или содержательно-специфический хронотоп, а как способность личности к структуризации времени жизнедеятельности, осуществляющейся в работе личности и имеющей смысловое основание (Магомед-Эминов, 2007, 2009).

Ещё один аспект, который требует специального разъяснения, состоит в том, что оценка длительности предполагает введение в рассмотрение временной перспективы дискретно-количественной длительности и проецирования времени в пространство (Бергсон, 2006). В дискретно-количественных моделях темпоральности на время смотрят как на последовательное равномерное движение точки на прямой (отрезке) или как на плавно текущий с постоянной скоростью поток, в котором весь мир движется. Измеряя интервалы между моментами времени, исследователи полагают, что измеряют течение времени. Ошибки в оценке времени обычно относят к ошибкам наблюдения. Конечно, точечные временные моменты можно понимать как события. В идее хронотопа, по А.А. Ухтомскому, интервал понимается как интервал между событиями. Каждый момент состояния процесса или положения объекта понимается как событие.

Данная идея развивается уже в работах У. Джеймса, а также в систематизациях, проведенных С.Л. Рубинштейном с 1935 по 1948 гг. (Рубинштейн, 1999). Он указывает на то, что восприятие времени детерминировано членением реальных процессов и содержаний, которые заполняют эти промежутки. Используя понятие установки на будущее, Рубинштейн также показывает закономерность, согласно которой время в ожидании приятного события переживается как длительное, а в ожидании неприятного – как короткое. П. Фресс в книге «Psychologie du temps» 1957 года описывает феномен: переживание удовольствия от процесса деятельности характеризуется сосредоточением внимания на самом переживании; течение времени остается за пределами внимания человека и поэтому протекает «быстрее». При переживании неудовольствия, внимание сосредоточивается на течении времени, которое из-за этого представляется очень «медленным». В когнитивных теориях обработки информации, например, у Р. Орнштейна (Ornstein, 1969), также эмпирически обосновывается, что восприятие человеком продолжительности заданного временного отрезка зависит от содержания (когнитивных событий), которое сохранилось в его памяти. Если временным аспектам задания, выполняемого в ходе эксперимента, уделяется больше внимания, чем когнитивным, то субъективно временной промежуток воспринимается больше; если когнитивным – наоборот (Thomas & Weaver, 1975; Zakay, 1989, 1993). В модели Хогана объяснение того факта, что «пустой» временной интервал ощущается как более длинный (Hogan, 1978), основывается на признании двух независимых механизмов внимания: «когнитивного таймера», который кодирует и обрабатывает информацию о времени, и вневременного механизма обработки информации на основе происходящих когнитивных событий.

В эффектах, полученных в рамках модели эмпирической согласованности изменений времени и пространства (A.J. DeLong, 1981), названных условно тау- и каппа-эффектами, экспериментально показано, что объективно одинаковый временной интервал будет восприниматься как более продолжительный при большем расстоянии между объектами (Cohen et al., 1953, 1955; Huang & Jones, 1982), и, соответственно, субъективная оценка расстояний между точками зависит от промежутков времени между предъявляемой стимуляцией.

Для операционализации модели смыслового опосредствования, повторим тезис о том, что смысловая интенциональность выражается в возможности, потенци, открывающейся субъекту в жизненной ситуации для осуществления жизнедеятельности и собственного бытия – собственной способности личности к бытию. Разумеется, это общее определение, требует своей конкретизации и

операционализации. Ограничение и расширение экзистенциальной возможности, заключённой в жизненной ситуации, позволяет нам рассмотреть время и пространство как взаимосвязанные аспекты жизненного мира личности. Конструирование жизненной ситуации с того или иного горизонта – открытия возможности, даёт модель введения смысловой интенциональности в процессы взаимодействия композиции пространства и времени. Повторим, что возможности, открывающиеся в жизненной ситуации, имеют смысловую структуру – они ориентируют личность в осуществлении жизни, бытия посредством членения пути осуществления жизнедеятельности и связывания членов в определённую сериацию, интенциональную сеть (Магомед-Эминов, 2007). Мы говорим о композиции пространства и времени по той причине, что в понятии числовой длительности содержится не только временное измерение, но и пространственная составляющая. Совершенно естественно предположить, что в синтетическом единстве пространства и времени – хронотопе – две образующие; даже если они не выражают один и тот же фактор, то всегда соединяются, связываются, опосредствуются чем-то.

Изменение оценки временного интервала между моментами может говорить не только об ошибках измерения, связанных с экстенсивностью времени, но и о флуктуациях интенсивности определённых смысловых структур в ситуации жизнедеятельности. Для операционализации этой связи можно рассмотреть возможности, которые заключаются в определённом темпоральном и пространственном образовании (форме). Каждая ситуация предоставляет человеку определённую свободу действия, или возможность жизнедеятельности.

Вернёмся к композиции времени и пространства и подчеркнём, что хронотоп, строится на основе смысловых связей (Магомед-Эминов, 2007, 2009). В таком расширенном понимании идея хронотопа включает представления о неразрывном единстве времени и пространства в мире, где действуют физические законы, по А. Эйнштейну; в мире человеческой культуры, по М.М. Бахтину; в мире отдельного человека, его физиологии и психологии, по А.А. Ухтомскому; а также по работам А.И. Миракян, Ф.Т. Михайлова, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюка, Т.В. Снегиревой, В.С. Собкина; через изучение пространственно-временных гештальтов у Л.М. Веккера и Б.Ф. Ломова; а также ментальных репрезентаций объектов, категорий, когнитивных карт, смыслов, планов у Дж. Брунера, У. Найссера. В исследованиях современных авторов данная идея показывается на примере профессиональной деятельности моряков, летчиков как пространственно-временные компоненты образа мира. К примеру, автономность, географическое разнообразие, временная определенность могут влиять на образ мира людей в особых условиях

профессиональной деятельности. Человек, развиваясь в «пространстве-времени детства» (Д.И. Фельдштейн), становится «культурным человеком» в «пространстве-времени». Формирование хронотопа происходит в процессе присвоения ребенком хронотопа вполне определенной культуры. Индивидуальный хронотоп понимается как характерное для индивида сочетание временных и пространственных составляющих его интенциональности. Последняя интерпретируется как бытийное состояние пристрастности отношения человека к миру в разработке идей «образа мира» у А.Н. Леонтьева (а за ним и С.Д. Смирнова) или как трактовка чувственного образа как хронотопа у В.П. Зинченко. Н.Н. Толстых, исследуя «сензитивные» периоды развития хронотопа, акцентирует внимание на двух основных линиях его становления: пространственная составляющая связывается с операционально-технической стороной деятельности, а временная – с мотивационно-волевой (Толстых, 2010).

В известном исследовании по связи восприятия времени и величины окружающего пространства А.Дж. Делонг высказал предположение о существовании связи между пространством и временем – эмпирической относительности пространства и времени – согласно которому пространство и время связаны между собой и являются психологическими проявлениями одного и того же феномена (A.J. DeLong, 1981). В соответствии с идеей Делонга, восприятие времени человеком зависит от размера объектов, с которыми он взаимодействует. Экспериментальная проверка этого предположения была выполнена следующим образом: группы испытуемых работали с визуальными дисплеями разных размеров и затем оценивали затраченное на это время (Bobko, 1986). В качестве визуальных дисплеев использовались телевизионные экраны с диагоналями 0,13, 0,28 и 0,58 м. Испытуемые играли в видеоигру, продолжительность которой составляла 55 с, причем разные группы играли за разными мониторами. Сама по себе игра была одинаковой для всех испытуемых, но размер изображений был разным в зависимости от величины телевизионного экрана. Оказалось, что вербальные оценки продолжительности игры у испытуемых определяются размером экрана. Человеку кажется, что прошло больше времени, чем на самом деле, если воспринимаемая им внешняя среда сжата. В нашей трактовке времени и временной перспективы в пространственно-временных отношениях, мы хотим показать, что собственно длительность является центральной характеристикой времени, зависящей от смысловой интенциональности. Обычно длительность рассматривается как количественная характеристика восприятия времени и подвергается измерениям (традиция исследования П. Фресса, С. Стивенса), либо авторы занимают позицию ее

содержательной оценки и измерения и рассмотрения структуры времени, исходя из ценностей, жизненных событий и т.д. В исследованиях А.Н. Гусева (Гусев, 2004) показана роль временной динамики в оценке времени реакции при обнаружении сенсорных сигналов различной модальности. Причем успешность их решения в серии экспериментальных исследований наблюдалась при высокой степени активации испытуемого и высокой степени прикладываемого им усилия, что, в свою очередь, обнаружилось у людей с высокой мотивацией достижения, высокой эмоциональной стабильностью и низкой тревожностью. Таким образом, автор подчеркивает роль и характер личностного и ситуационного опосредствования в решении сенсорных задач с точки зрения системно-деятельностного подхода.

Направленность, заданную целями, задачами, намерениями, мотивационными объектами, мы относим к конкретной интенциональности, которая не является специальным предметом нашего исследования. Безусловно, время реакции может зависеть от множества конкретных факторов. Вспомним хотя бы ассоциативный эксперимент П. Жане, К.Г. Юнга и А.Р. Лурии. Мы ставим перед собой другую задачу: показать, что смысловая интенциональность является основой временной перспективы.

Итак, логика нашего исследования строится на следующей цепочке. Длительность – важная характеристика временной перспективы (всякая перспектива строится на определённом временном интервале, расстоянии между временными объектами), раскрывается как единство временных и пространственных характеристик. Если ставить вопрос о композиции пространства и времени в строении временной перспективы, то необходимо найти соответствующий связующий мостик в целом во временной перспективе и, в частности, в её длительности. Общим фактором, пронизывающим прошлое, настоящее и будущее, принимается заключённая в них потенция, возможность, предоставленная для осуществления жизнедеятельности. Более того, ориентация жизнедеятельности в пространстве и времени определяется смысловой последовательностью, которая задаёт перспективу осуществления жизнедеятельности (Магомед-Эминов, 2007). Выдвигается гипотеза о том, что временная перспектива как временная последовательность и длительность строится на смысловых связях. Для изучения этой проблемы мы провели эксперимент, в котором меняются пространственные элементы одного и того же целостного пространства, временные оценки длительности человеком, пребывающим в этом пространстве без выполнения каких-либо конкретных задач. Смысловая направленность задавалась, с одной стороны, различными возможностями, связанными с пространственными ограничениями, с другой стороны – двумя различными инструкциями. Типы ситуаций задают

пространственные ограничения, виды инструкций – ограничения временной перспективы. Форма смысловой интенциональности операционализируется в соответствии с двумя инструкциями и тремя ситуациями, валидность которых специально проверяется в первой части исследования. Различие инструкций заключается в том, что в одной из них вводится временное ограничение на осуществление активности (сам испытуемый должен прервать свою активность через минуту), в другой инструкции контроль времени не оговаривается (активность испытуемого прерывается экспериментатором). То есть, речь идет о том, что в первом случае активность темпорально ограничена, во втором – активность свободно управляема и не имеет специального темпорального ограничения.

В качестве переменных в исследовании выступали: 1) переживание длительности временного интервала (которое фиксировалось в виде оценок испытуемыми длительности определенного момента); 2) смысловая интенциональность, проявляющаяся в шести экспериментальных ситуациях (2x3).

Общая гипотеза. Временная перспектива не является абстрактной временной формой или чисто количественной длительностью, а опосредствована смысловыми образованиями личности – смысловой интенциональностью.

Частная гипотеза. Оценка длительности временного интервала зависит от характера смысловой интенциональности.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 36 человек различного возраста (средний возраст 28,5 года), пола (всего 20 женщин и 16 мужчин), образования и социального статуса (студенты, менеджеры, охранники, технические работники).

Методы и методика исследования. Для изучения связи оценки длительности временного интервала и смысловой интенциональности была смоделирована экспериментальная процедура. Смысловая интенциональность задавалась двумя типами инструкций и тремя типами ситуаций, созданными для проведения эксперимента в одном и том же помещении. Три ситуации, конституированные в пространственной организации, интерпретируются как жизненные ситуации с точки зрения смысловой интенциональности – меры свободы и возможности, заключенной в них для осуществления жизнедеятельности личности («потенции ситуации» в терминах К. Левина). Конкурирующей гипотезой выступает пространственное опосредствование переживания длительности (DeLong, 1974; Bobko, 1986), а также классические подходы к оценке временной длительности (С.Л. Рубинштейн, П. Фресс, Д.Г. Элькин, Б.И. Цуканов). Инструкции задают разную степень свободы действий в трёх экспериментальных ситуациях, то есть также касаются фактора возможности, открывающегося в ситуации деятельности, в которой и выражается смысловая интенциональность.

Процедура. Испытуемым предлагалось двигаться по помещению: (1) в свободном режиме, (2) в пространстве, ограниченном узким коридором, (3) в пространстве площадью 1 м². Испытуемые проявляли активность в трех различных ситуациях в соответствии с двумя инструкциями. По инструкции № 1, испытуемые сами прерывали активность по истечении минуты, основываясь на собственном переживании длительности (текст инструкции приведен в Приложении 1.1). В соответствии с инструкцией № 2, активность испытуемого прерывалась экспериментатором по истечении одной минуты без предварительного предупреждения (текст инструкции приведен в Приложении 1.1). Испытуемым предлагалось оценить длительность временного интервала своей активности в соответствующей ситуации. Оцениваемый временной интервал равнялся одной минуте. После каждой серии испытуемые писали самоотчёт, отвечая на два поставленных вопроса:

- 1) О чем Вы думали, что чувствовали, переживали?
- 2) С чем ассоциируется у Вас данная ситуация?

По окончании самоотчета, испытуемых просили оценить свое состояние по самостоятельно выбираемому критерию по семибалльной шкале.

Инструкции были построены таким образом, чтобы испытуемые смогли сами оценить либо окончание временного интервала в 1 минуту (при первой инструкции), либо интервал, который был не известен испытуемому, а отмерялся экспериментатором (при второй инструкции) (по аналогии с оценкой длительности в экспериментах П. Фресса, Д.Г. Элькина, Б.И. Цуканова).

Для контроля возможного влияния факторов пространства, усталости испытуемых и т.д. экспериментальная процедура проводилась в дневное время в одном и том же помещении. Поскольку испытуемым не сообщалась истинная цель исследования (в ней конструировались разные условия для расслабления и отдыха, то есть пустого времяпровождения без заданий, целей, намерений), мы предположили, что человек сам формулировал себе задачу, исходя из смысла ситуации. Фальсифицирующим заданием было написание самоотчетов испытуемым после того, как он прогуливался и отдыхал, заполняя паузу.

Конструирование переменных. Что касается переменной числовой длительности, то она оценивается в минутах по хронометрической шкале и не требует дополнительной операционализации. Операционализации требует переменная «смысловая интенциональность», конструктивную валидность которой мы в общих чертах рассмотрели. Теперь нам надо показать, что посредством двух инструкций и трёх ситуаций выражается разная смысловая интенциональность. Речь идёт о конституировании эмпирического объекта в плане конкретизации переменной «смысловая интенциональность». Для решения этой задачи мы проведём

предварительное исследование, направленное на то, чтобы показать характер смыслового наполнения ситуаций, создаваемых инструкциями и тремя эмпирическими условиями.

Для смыслового определения характера инструкций мы рассматриваем два важных аспекта, вводящих смысловую интенциональность. Во-первых, смысловая интенциональность вводится через переживание связи между тем, что делает человек и конечным результатом его работы в ситуации. В одном случае эта связь задаётся динамическим отношением между актом работы по оценке длительности и констатированием длительности в 1 минуту; а в другом случае – отсутствием стабильного темпорального отношения между актуальным действием и конечным результатом. Смысловая интенциональность получает определение с точки зрения дискретной и континуальной перспектив соответственно. Во-вторых, смысловая интенциональность определяется через нечто, что выражается в данной ситуации в ходе жизнедеятельности. Мы рассматриваем то, что осуществляется в ситуации, в наиболее широком плане – как потенция, возможность выполнения жизнедеятельности. В этом плане реализация жизнедеятельности в определённой ситуации может конкретизироваться в каких-то задачах, определяемых в более широких рамках – в темпоральной форме, ограничивающей возможности, и форме, не задающей специальное ограничение возможности. Таким образом, для конституирования переменной «смысловая интенциональность» мы проверяем наличие различия между двумя инструкциями по характеру смыслонаполненности задач или ситуаций. Таким образом, смысловая интенциональность операционализируется конкретными эмпирическими признаками. Смысловая интенциональность, определяемая через свои проявления, не может быть зарегистрирована, минуя переживания человека и работу личности.

Обработка данных проводилась с помощью количественно-качественных методов. В ходе исследования применялся контент-анализ (Магомед-Эминов, 2009) и метод экспертной оценки (Митина, 2000), с помощью которых был осуществлен содержательный анализ письменных самоотчетов испытуемых, направленный на оценку смысловой интенциональности личности и характера переживаний (в том числе, ограниченности либо неограниченности возможностей, экстатичности либо статичности состояния, вовлеченности либо выхода из ситуации, позитивности либо негативности, пассивной либо активной работы, а также критичности, экстремальности, образной сферы, актуализации прошлого опыта в каждой ситуации и др.). Основные результаты статистической обработки представлены в таблицах 1.2-1.4 Приложения 1.2.

Для оценки значимости различий в оценках временного интервала использовались критерии Манна-Уитни и хи-квадрат.

Результаты предварительного исследования:

Смысловая интенциональность определялась на основе качественного анализа по самоотчетам испытуемых. С помощью экспертной оценки было выделено пять категорий (более подробно эмпирические референты категорий представлены в таблице 1.1 Приложения 1.2), в которых проявляется смысловая интенциональность:

- 1) ограничение / отсутствие ограничений;
- 2) позитивное / негативное;
- 3) стазис / экстазис;
- 4) вовлечение в ситуацию / выход из ситуации;
- 5) созерцание / действие.

1. Ограничение / отсутствие ограничений. В качестве эмпирических критериев выступают наличие или отсутствие границ, пределов для осуществления деятельности, переживания зажимов, зажатости, несвободы, дискретность как отношение того, что человек делает, к результату или континуальность как отсутствие конечности. Эмпирическими референтами неограниченности выступали, например, следующие: «Ощущение легкости в теле. Обратила внимание, что потолок высокий и много воздуха. В окно смотрела. Там машины проезжали. Вечер. Было уютно, спокойно. Хотелось ходить прямо; потянуть спину и выпрямить плечи (что и сделала). Действительно расслабленное состояние». Эмпирическими референтами ограничений выступали, например, следующие: «Почему-то в первый момент подумала о лабиринте, но эта ассоциация быстро прошла. После этого старалась ни о чем не думать и просто отмечала особенности расстановки мебели в пространстве. На короткое время мелькнула шутливая мысль: «Это заговор!». Вообще, т.к. была инструкция расслабляться, я старалась себя успокоить с помощью счета до 100».

2. Позитивное / негативное. В качестве эмпирических критериев позитивности выступают: конструктивность, созидание, сотворение, удержание явления, положительные чувства; критериями негативности являются: негация, отказ от чего-либо, деструкция, дезорганизация деятельности, отрицательные переживания, утрата, нарушение, исчезновение. Оба плана относятся к темпоральности, поскольку, с одной стороны, темпоральность лишает продолжительности, с другой – создает ее (согласно древним, существуют Хронос и Кайрос – создающий время и «съедающий»). Одним из вариантов высказываний испытуемых являлись амбивалентные высказывания, в которых содержался переход от негативного к позитивному. Эмпирическими референтами позитивности выступали, например, следующие «сейчас я себя чувствовала более спокойно, более настроенной. Я больше понимала, что от меня требовалось, и то, что я могу использовать слуховой анализатор себе в помощь, мои шаги отсчитывали секунды, и я слышала, что в этот раз мои «внутренние» часы идут более точно. Эмпирическими референтами

негативности выступали, например, следующие: «Чувство замкнутости на чем-то заикленность. Сразу же вспоминаются определенные жизненные сложности, которые временно заморозились».

3. Стазис / экстазис. В качестве критериев экстазичности рассматриваются ощущения полета, свободы, движения, перемещения, динамики; в свою очередь, стазис – то, что создает неподвижность, скованность, прочие внешние и внутренние факторы, сдерживающие активность. Эмпирическими референтами экстазиса выступали, например: «Намерение расслабиться, чувство расслабления, легкости, раскинутости рук». Эмпирическими референтами стазиса выступали, например: «ощущал зажатость и скованность».

4. Вовлечение в ситуацию / выход из ситуации. Пример вовлеченности в ситуацию: «был интерес, что будет происходить», «мое внимание привлекла пыль на дальней парте, захотелось ее смахнуть», выхода из ситуации: «мне кажется, что я в маленьком домике в деревне, тепло, солнечно», «я очень хотел выйти и вышел из коридора».

5. Созерцание / действие. Под созерцанием понималась пассивная работа-наблюдение, под действием – активная работа, включающая как физические действия в ситуации (хождение, упражнения, манипуляции), так и внутренняя работа над собой (преодоление состояний, изменение образов, побуждения себя к чему-либо, поиск смысла, целеполагание), которую мы выделили в подкатегорию активной работы. Например, «Я думал о цели совершаемых мной действий, пытался понять смысл выполняемого мною задания», «это испытание и я хочу его выдержать».

Сравнение частотных проявлений характеристик смысловой интенциональности у испытуемых с первой и второй инструкцией показало, что существуют значимые различия по следующим категориям: ограничения возможностей более выражены у испытуемых, которые сами контролировали время (инструкция № 1) в ситуации свободного перемещения по сравнению с испытуемыми без заданий контроля времени (инструкция № 2). В таблице 1 представлены ряд характеристик, по которым обнаружены значимые различия между инструкцией 1 и 2 в ситуации свободного перемещения и «квадрата» (в таблицах 1.2 и 1.3 Приложения 1.2 зафиксированы различия по всем выделенным характеристикам смысловой интенциональности между группами испытуемых с разными инструкциями).

Таблица 1. Различия частотных проявлений (в %) характеристик смысловой интенциональности у испытуемых с первой и второй инструкцией

	Ограничения возможностей / Неограниченные возможности	Позитивное / Негативное
Испытуемые с инструкцией №1, n=18	75 /25	50/50
Испытуемые с инструкцией №2, n=18	50/50	90/10
Значимость различий по критерию χ^2	,004**	,000**

Две инструкции различаются по следующим параметрам: актуализации представлений об ограничениях или неограниченности возможностей в ситуации, проявлениям экстатичности, позитивности / негативности; вовлеченности в ситуацию / выходе из ситуации; созерцательности / действенности в ситуациях свободного перемещения (ситуация 1) и пребывания в «квадрате» (ситуация 3). Данные признаки соответствуют пониманию смысловой интенциональности, поэтому кроме эмпирической, они обладают конструктивной валидностью.

Далее, если мы специально не определим психологическое значение трёх ситуаций (свободное пространство, коридор, квадрат), то, по сути, мы можем устанавливать только связь между оценкой длительности и тремя разными топосами – пространствами. Ключевым для поиска психологического значения трёх условий, согласно логике теоретического анализа, является положение о композиции пространства и времени, определяющееся фактором возможностей, которые они представляют для осуществления жизнедеятельности. Мы уже прояснили конструктивную валидность данного положения.

Теперь мы проводим специальную эмпирическую проверку для определения тех признаков смысловой интенциональности, которые задействованы в трёх ситуациях. Речь идёт, по сути, об обосновании валидности эмпирической модели и определении эмпирической переменной. Если мы покажем наличие различия по

базисным характеристикам ситуации, то мы можем принять их для эмпирической операционализации переменной «смысловая интенциональность».

Для решения данной задачи проводился качественный анализ письменных самоотчетов испытуемых и метод экспертной оценки.

При сравнении трех пространственных ситуаций – «свободного перемещения» (ситуация 1), перемещения в коридоре (ситуация 2) и пребывания в квадрате (ситуация 3) были получены следующие результаты.

В ситуации свободного перемещения с помощью критерия χ^2 выявлены значимые различия среди характеристик смысловой интенциональности испытуемых с разными типами инструкций: ограничение и отсутствие ограничения возможностей (позитивные, негативные и амбивалентные); выход из ситуации; действие и работа личности.

В ситуации ограниченного помещения («Квадрат») выявлены значимые различия среди характеристик смысловой интенциональности испытуемых с разными типами инструкций: экстазис; позитивные и негативные; вовлеченность в ситуацию и выход из ситуации; действие.

Для испытуемых, которым давался первый тип инструкции обнаружены значимые различия среди характеристик смысловой интенциональности между ситуациями «свободное перемещение» и «квадрат»: ($p < ,059$) и неограниченные возможности ($p < ,000$); экстазис ($p < ,000$); позитивные ($p < ,000$), негативные ($p < ,025$); вовлеченность в ситуацию ($p < ,000$) и выход из нее ($p < ,000$); созерцание ($p < ,000$) и работа личности ($p < ,000$) созерцание, действие и работа личности.

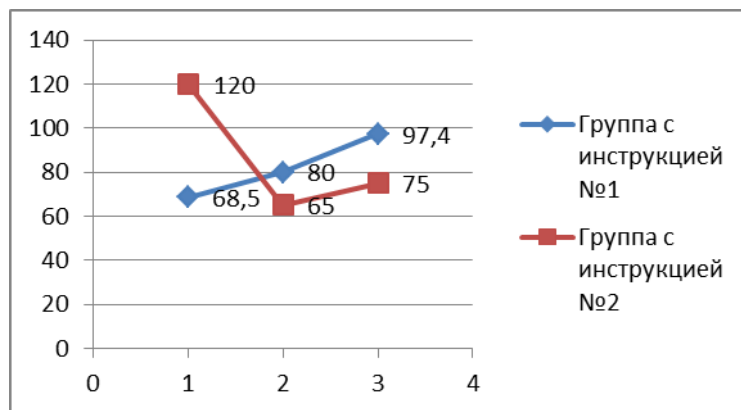
Для испытуемых, которым давался второй тип инструкции обнаружены значимые различия среди характеристик смысловой интенциональности между ситуациями «свободное перемещение» и «квадрат»: ограничение возможностей ($p < ,000$) и неограниченные возможности ($p < ,000$); позитивные ($p < ,000$) и негативные ($p < ,025$); созерцание ($p < ,025$) и работа личности ($p < ,000$).

На основе полученных результатов предварительного исследования, мы делаем вывод о валидности конструирования переменной «смысловая интенциональность» посредством 2-х инструкций и 3-х экспериментальных ситуаций.

Результаты основного исследования. Приведём результаты основной части исследования – связи между проявлением смысловой интенциональности и переживанием длительности. Оценка временного интервала при условии первой инструкции характеризовалась следующими тенденциями: в ситуации свободного перемещения по помещению испытуемые в целом оценивали временной интервал достаточно адекватно (субъективная оценка сопоставима с реальной длительностью

минуты – $Me_1 = 68,5$ с); в ситуации перемещений по коридору длительность временного интервала увеличивалась по сравнению со свободным перемещением; также особенность наблюдалась и в ситуации нахождения в «квадрате», то есть во 2 и 3 ситуациях характерным было искажение оценки длительности временного интервала в сторону его увеличения ($Me_2 = 80$ с ; $Me_3 = 97$ с) (Рисунок 1).

Рисунок 1. «Оценка длительности временного интервала в группах с разным типом инструкции».

Итак, для группы с первым типом инструкции переживание длительности минуты увеличивается в зависимости от степени свободы: при ограничении места длительность увеличивается. Существуют значимые различия по критерию Манна-Уитни между первой и второй ситуациями ($p=0,045$), первой и третьей ситуациями ($p=0,059$).

При втором типе инструкции испытуемые оценивали временной интервал при свободном перемещении (ситуация 1) как более длительный, причем субъективная оценка длительности превышала реальную зачастую в 2 раза ($Me_1 = 2$ минуты). Во второй («коридор») и третьей («квадрат») ситуациях - при ограничении места - они оценивали временной интервал как более короткий. Обнаружены также значимые различия между первой и второй ситуациями ($p=0,037$), первой и третьей ситуациями ($p=0,037$).

Обнаружены значимые различия между группами, выполняющими первую и вторую инструкцию по первой ситуации – свободного перемещения ($p=0,022$). Различия между двумя группами с разными инструкциями по второй и третьей ситуации присутствуют, однако, не достигают значимого уровня (таблица 1.4 Приложения 1.2).

На гистограммах 1.1-1.3 Приложения 1.2 представлены частоты соотношений оценок длительности временного интервала у испытуемых с разным типом

инструкций при сравнении трех ситуаций – при свободном перемещении, в ограниченном пространстве коридора и квадрате.

Обсуждение результатов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что происходят изменения в оценке времени как при первой, так и при второй инструкции в ситуациях, различающихся мерой свободы. Для группы с первым типом инструкции переживание длительности минуты увеличивается при ограничении степени свободы пространства (сужении места для активности). Для группы со вторым типом инструкции, напротив, более длительной кажется ситуация свободного перемещения, при ограничении степени пространственной свободы оценка временного интервала уменьшается.

Результаты подтверждают влияние фактора ограничения возможностей, вносимых типом инструкции, на оценку длительности временного интервала. Это проявляется, скорее, в ситуации 1 (свободное перемещение), когда активность испытуемого не ограничена местом, но ограничена временем, задаваемым инструкцией, оказывающей влияние на направленность ситуации (опосредствованной Другим человеком – экспериментатором, наблюдателем). Смысловая интенциональность выражается в потенции – возможностях, заключённых в ситуации, экстатической или статической, и других, описанных в первой части.

Анализ самоотчётов испытуемых позволил выявить особые переживания, связанные с ограничением места, наблюдающиеся у испытуемых в ходе эксперимента: с одной стороны – паника, тревога, ощущение замкнутости, «коридор в тюрьме; осталось руки за спину заложить не комфортно было»; «даже потолок казался ниже», «как в клетке», «как в загоне», вторжение прошлого травматического опыта («как в детстве – брат запер меня в ванной комнате»), а с другой стороны – фантазирование, расслабленность, прилив сил («настроение было прекрасным, восторженным. Хотелось спеть или станцевать»). В наиболее «замкнутой» ситуации состояние испытуемого носит характер критического состояния, являясь аналогом экстремальной ситуации. Полученные данные подтверждают модель смыслового опосредствования оценки переживания длительности, в отличие от пространственного опосредствования, и свидетельствуют в пользу того, что смысловая интенциональность является важной образующей временной перспективы. Специально подчеркнем, что, во-первых, во всех трёх ситуациях не меняются пространственные характеристики помещения, то есть восприятие помещения; во-вторых, направленность не носит характера решения конкретной задачи.

Различие в оценке длительности в двух ситуациях, показали, что задание расслабиться в группе с инструкцией № 1 сопровождалось задачей параллельно, хоть

и невольно, контролировать время. По сравнению с полным расслаблением при второй инструкции, при первой инструкции испытуемые указывали на побочные факторы, которые отвлекали их от отдыха – например «хоть и удалось расслабиться, но несколько раз отвлекало наличие двух преподавателей, которые вносили напряжение», или «непонимание что здесь происходит и что от меня хотят». Разница в результатах оценки длительности временного интервала в одинаковых по пространству ситуациях помещения, где можно без ограничений передвигаться, ничего не делая, но при двух инструкциях показывает существующие смысловые различия: наличием задачи контроля времени у испытуемых с инструкцией № 1 и ее отсутствием у испытуемых с инструкцией № 2. Контроль времени вместе с расслаблением вводит ограничения в возможности ситуации. Наличие ограничений в перемещениях по коридору (ситуация 2) и квадрату (ситуация 3) в сравнении с первой (расслабленной со свободой перемещения), создавало значимое увеличение в оценке длительности временного интервала. Переоценка интервала, то есть кажимость его более длительным, показала, что ограничение возможностей вводит параметр экстремальности, конечности, переживание края, и создает эффекты, сходные с переживанием интервалов, заполненных негативным содержанием (они переоцениваются, то есть кажутся длиннее реальной минуты и субъективно длиннее, чем положительные).

Эти данные также показывают, что не само по себе пространство влияет на переживание и оценку длительности, а смысл ситуации. В смоделированной нами ситуации пространство сужалось, при этом субъективная оценка длительности временного интервала увеличивалась, то есть переживаемое время удлинялось. Проведенные исследования показали, что одним из компонентов оценки времени в ситуации, аналогичной экстремальной, является изменение переживаемой (оцениваемой) длительности интервала.

Наши данные дают иную картину, нежели у Д. Бобко, который показал, что чем меньше размер видимого пространства, тем медленнее течёт время. Напомним, что А.Дж. ДеЛонг выдвинул гипотезу об эмпирической относительности пространства и времени, предположив существование связи между пространством и временем, согласно которому восприятие времени зависит от размеров пространства, в котором организована деятельность испытуемого. Однако Бобко экспериментально проверил эту гипотезу, заменив размер видимого пространства размером видимого экрана монитора.

В нашем исследовании речь идёт о размере видимого пространства, в котором происходит деятельность испытуемого. В исследовании не менялся размер видимого

пространства, но ограничивалось место, в котором проявлял активность испытуемый. Пространство здесь выступает в аспекте возможностей, предоставляемых человеку для осуществления жизнедеятельности. И в пространстве, и во времени проявляется один и тот же феномен – горизонт возможности для осуществления активности. Таким образом, в изменении переживания длительности проявляется скорее изменение возможностей, потенции существования, нежели пространственный размер объектов и мест. ДеЛонг предположил, хотя и не выявил, что и пространство, и время являются проявлениями одного и того же феномена. Наши данные показывают, что проявление пространства во времени в психологическом плане идёт через смысловую интенциональность.

Эмпирические выводы. Смысловая интенциональность открывает личности определённые возможности осуществления жизнедеятельности. Время требуется рассматривать структурировано. Поскольку испытуемые не получали никакого конкретного предметного задания, в экспериментальной модели активность испытуемых была связана с экзистенциальной предметностью. Характер смысловой направленности связан с мерой возможностей, заложенной в ситуации. Наличие ограничений изменяет смысловую интенциональность преимущественно в сторону негативности, сужения представлений о возможностях личности. В свою очередь подобный характер смысловой интенциональности определяет переживание временного интервала, сопоставимого с неблагоприятным событием.

В некоторых психологических исследованиях (Вовко 1986) было показано, что изменение пространства меняет восприятие и переживание времени, в частности его длительности. В данном исследовании, по сути, косвенно было продемонстрировано, что концепции хронотопа имеет свои ограничения. В исследовании было показано, что имеет значение не столько типологические различия, сколько смысловая направленность ситуации для человека. Смысловая интенциональность детерминирует оценку длительности, то есть изменяет восприятие временной длительности в зависимости от смысла ситуации, задаваемой эмпирически в виде разной инструкции по оценке времени (ретроспективно или заданной как параметр контроля) и разной смысловой ситуации передвижения в пространстве. Полученные нами на другом материале и в иной экспериментальной ситуации данные согласуются с данными, полученными М.Ш. Магомед-Эминовым в сферическом эксперименте (Магомед-Эминов, 2009), которые показали, что события, относящиеся к прошлому, настоящему и будущему, в пространстве индивида располагаются не линейно. Это расположение определяется следующими признаками: интенциональностью – смысловым содержанием, а также функциональным планом, переходным феноменом,

направлением, близостью-дальностью конечных смысловых структур, дискретностью, феноменом разрыва и конструктивной работой.

Проведённое исследование вносит вклад в смысловое понимание временной перспективы, в котором предполагается, что структура временной перспективы связывается смысловыми связями, которые определяют также направленность самой перспективы. Кроме того, выделяются важные характеристики смысловой интенциональности, обладающие различительной способностью при оценке временной длительности. Полученные результаты работают скорее в поддержку гипотезы о смысловом опосредствовании времени, нежели о пространственном опосредствовании. Они также вносят вклад в уточнение понимания тау- и каппа-эффектов.

2.2 Раздвоение временной перспективы и план её конституирования

В параграфе 2.1 мы исследовали связь временной перспективы со смысловой интенциональностью, чтобы найти тот механизм, посредством которого осуществляется трансформация временной перспективы. Уже в нем, несмотря на то, что жизнедеятельность испытуемых не была собственно экстремальной, имеются признаки критического состояния, главным образом, в ситуации ограничения возможностей. Та трансформация временной перспективы, которая отмечается в этой ситуации, намечает линию прямого изучения влияния экстремального существования на трансформацию временной перспективы.

Экстремальная ситуация в литературе понимается по-разному. Она трактуется как стрессор (Селье, 1976), травматический стресс (Wilson & Krauss, 1985), критическая ситуация (Василюк, 1984), необычные условия (Лебедев, 1989), трудные жизненные ситуации (Анцыферова, 1994), чрезвычайная ситуация (Федеральный закон РФ) и др. Мы будем исходить из трактовки её как ситуации переживания человеком опыта, выходящего за пределы обычного существования, в котором кардинально меняется смысловая структура мира в связи с вторжением смерти в жизнь (Магомед-Эминов, 2008).

Рассматривая трансформацию временной перспективы личности в экстремальной ситуации, обратимся к определению самой экстремальной ситуации. Для этого приведём критерии экстремальной ситуации, выделенные в работах М.Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2008):

1. Экстремальная ситуация – это новая, неповседневная, изменившаяся реальность, в которую человек переходит из повседневности и из которой он направлен на дальнейший переход.

2. В неповседневной реальности существование человека происходит в горизонте экзистенциальной дилеммы жизни-смерти, а смысловая структура личности носит биполярный характер «L - D» смысловой структуры, трансформирующей смысловую картину жизненного мира личности.

3. Экстремальная ситуация, с одной стороны, несет в себе опасность, угрозу, деструкцию или требует порой ответной деструкции в адрес других; с другой – взывает к стойкости, мужеству, человечности, духовности, заботе, помощи, к высшим трансгрессивным переживаниям и духовным устремлениям.

4. Экстремальная ситуация разрывает целостность жизненного опыта, темпоральную связанность картины жизненного мира человека, в результате чего возникает фрагментация жизненного мира.

5. Личность человека, самоидентичность в экстремальности трансформируется, организуется экстремальная констелляция бытия личности в экстремальном жизненном мире.

6. В экстремальной ситуации отмечается непредсказуемость событий, неопределенность исхода и развития последствий, сложность понимания и интерпретации происходящего человеком.

7. Экстремальная ситуация ограничивает возможности существования, самореализации, реализации потребностей и т.д.

8. Экстремальная ситуация, с одной стороны, ограничивает возможности выбора целей, действия, контроля ситуации, действий и т.д. С другой стороны, она открывает также возможности, которые недоступны для человека в повседневной реальности.

9. В экстремальной ситуации происходит трансформация смысловой структуры личности.

10. В данной ситуации, вопреки вторжению небытия, человек испытывает стремление к возможности существования, волю к длительности.

11. Экстремальная ситуация предельно высвечивает существо феномена заботы о бытии личности – поиска заботы и ее оказания.

12. В экстремальной ситуации отмечается трансформация темпоральной структуры личности и её жизненного мира.

13. В экстремальной ситуации возникает (является условием возникновения) триадическая структура «расстройство–адаптация–рост», или, «страдание–стойкость–трансгрессия».

14. В экстремальной ситуации человеческое существование открывается в этико-эстетическом измерении: в этой сфере смыслы личности творятся не только в инстанции истины, но и открываются в сфере добра и зла, красоты и безобразия, ответственности и безответственности, долга, долженствования и т.д.

Трансформация смысловой структуры жизненного мира является главным системообразующим фактором экстремальной ситуации. Именно этот фундаментальный аспект мы примем за основание конституирования смысловой интенциональности. Смысловая интенциональность в экстремальной ситуации конституируется не в линейной перспективе, а как сложная композиция двух планов. С одной стороны, смысловая интенциональность задаётся L-смысловой структурой, формирующей определённую динамическую смысловую структуру личности и её жизненного мира. С другой стороны, смысловая структура личности образуется на основании D-смысловой структуры. Отношения между ними могут трактоваться с ассимиляционной точки зрения, то есть положения о том, что смысловые структуры, независимо от смысловых противоречий, ассимилируются в единую динамическую структуру (Hogowitz, 1986). Главное здесь – завершение когнитивного гештальта. С альтернативной точки зрения, две смысловые структуры, конституированные L- и D-смыслами, создают неассимилируемые, раздвоенные структуры, которые соответствуют существованию человека в экзистенциальной дихотомии неповседневного жизненного мира.

Следуя последнему подходу в изучении трансформации временной перспективы, мы придерживаемся следующей научной логики. Признаём, что переход человека из повседневного мира в неповседневный трансформирует его смысловую структуру, формируя у него биполярную L-D-смысловую систему. Эта разделённая структура находится на службе у адаптации, роста личности в трансординарной жизненной ситуации. С фундаментальными смысловыми структурами связаны фундаментальные смысловые интенциональности, которые предоставляют личности определённые возможности для ориентации в неповседневном мире и конституирования смысловой ткани её жизнедеятельности. Перспектива её жизнедеятельности конституируется теперь в двух перспективах – континуальной перспективе и дискретной перспективе. Именно их взаимопереход, а не ассимиляция или деформация, по-разному определяет переживание временной длительности в экстремальной ситуации.

Традиционное объяснение трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации изложено в параграфе 1.5. Выделим лишь некоторые аспекты. В этих подходах игнорируется позитивная трансформация временной

перспективы в экстремальной ситуации, соответствующая адаптации и росту личности, что не позволяют раскрыть целостный спектр различий в трансформации временной перспективы. В них трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации трактуется как нечто искаженное и ущербное, по сравнению с повседневным миром. Между тем, в нашей модели предполагается, что трансформация временной перспективы в экстремальной ситуации характеризуется конституированием более полной структурой временной перспективы за счёт преодоления, подавления D-смыслового конституирования. Люди в экстремальной ситуации не могут так легко, как они это делают в повседневности, «вытеснить» образ смерти. Более того, в экстремальной ситуации индивиду приходится сталкиваться с негативной стороной жизни как естественной, в которой он должен выживать, развиваться и «расти».

В данном параграфе выдвигается предположение о раздвоении временной перспективы и о двух планах её конституирования. При этом, трансформация временной перспективы объясняется не с точки зрения традиционного понимания временной перспективы как деформации (негативное определение), а с точки зрения специфических форм конституирования временной перспективы в связи с формами смысловой интенциональности (позитивное определение).

Общая гипотеза. В экстремальной ситуации конструирование временной перспективы осуществляется не линейно, а на основе двух планов; один план временной перспективы конституируется на основе смысловой интенциональности, заданной L-смысловыми (жизнецентрированными) структурами жизненного мира, а второй план – D-смысловыми (смертоцентрированными) структурами жизненного мира (Магомед-Эминов, 1997, 1998, 2007, 2009).

Методы исследования. 1) Модифицированный вариант методики неоконченных предложений Ж. Нюттена (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) (Приложение 2.1), 2) опросник посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Колхауна (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) (Приложение 2.2), 3) тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) (Приложение 2.3), 4) контент-анализ, 5) экспертная оценка.

Метод контент-анализа широко используется в психологической практике, он позволяет выявлять и оценивать специфические характеристики текстов и других носителей информации. Контент-анализ включает в себя как качественный анализ (анализ содержания текстов), так и количественный. Контент-анализ применяется при изучении источников, инвариантных по структуре или существу содержания, но внешне бытующих, как не систематизированный, беспорядочно организованный

текстовой материал. С целями исследования мы выделили определенные смысловые единицы содержания и формы информации. Затем производился систематический замер частоты и объема упоминаний этих единиц в определенной совокупности ответов испытуемых или другой информации.

Метод экспертных оценок используется для того, чтобы придать полученным данным объективность, в связи с тем, что контент-анализ является качественным методом. Главное преимущество данного метода заключается в том, что возможно широко выработать критерии анализа, критично подойти к процессу анализа данных, оценить полученные результаты с экспертами (Митина, 2000). К экспертам относятся люди: имеющие специальное высшее образование, имеющие признание в профессиональной среде, со стажем работы, имеющие определенный уровень креативности, практически знакомые с исследуемой проблемой. Недостатком метода экспертных оценок является трудоемкость получения результатов, а также сложность принятия группового решения по индивидуальному анализу каждого эксперта. Мы использовали в нашем исследовании коллективный тип экспертной оценки, «подтипом» выступил метод «круглого стола».

Серия 1. Исследование раздвоения временной перспективы в экстремальной ситуации и связи трансформации временной перспективы с фундаментальными смысловыми интенциональностями.

Первая серия комплексного исследования направлена на изучение раздвоения временной перспективы в экстремальной ситуации и связи трансформации временной перспективы с фундаментальными смысловыми интенциональностями.

Цель исследования. Изучить раздвоение временной перспективы в экстремальной ситуации и выявить связь трансформации временной перспективы с фундаментальными смысловыми интенциональностями.

Частные гипотезы. 1) L-смысловая ориентация связана с направленностью на будущее, при D-смысловой ориентации преобладает направленность на прошлое; 2) L-смысловая направленность связана с ориентацией на позитивное прошлое, D-смысловая направленность – с негативным прошлым; 3) при L-смысловой направленности, структура времени (прошлое, настоящее, будущее) характеризуется полнотой, а при D-смысловой – неполнотой и редуцированностью временной структуры.

Испытуемые. 91 человек. Мужчины, служившие в Афганистане (1983 – 1989 гг.). Возраст: 20 – 39 лет. Группы инвалидности: I, II, III. Образование: среднее,

среднее специальное, неполное высшее, полное высшее. Национальность: русские, беларусы, татары, киргизы, украинцы.

Процедура. Исследование проводилось на анализе архивных данных, полученных в 1989 г. при нашем участии. Модифицированная методика неоконченных предложений (М.Ш. Магомед-Эминов) состоит из 13 незаконченных фраз (Текст методики находится в Приложении 2.1). Данная методика преимущественно применяется с целью исследования мотивации человека, его мотивов, субъективных переживаний, ожиданий и др. Стимульные предложения – «индукторы» - являются достаточно общими и неопределенным. Это сделано с такой целью, чтобы выявить базисные смысловые интенции у обследуемых, или же наоборот, задать определенное смысловое поле, которое для экспериментатора представляет интерес, а также минимизировать фактор социальной желательности. Необходимо учитывать, что при выполнении задания испытуемый может пропускать некоторые вопросы или отвечать индифферентно: «не знаю», «не думал». Однако, даже такой формат ответов позволяет выявить так называемые «проблемные зоны» у испытуемого.

Результаты и их обсуждение. Исследование проводилось в несколько этапов: сначала тремя экспертами был проведен контент-анализ методики неоконченных предложений по категориям: 1) смысловые направленности (L- и D-); 2) смысловые интенции (предметные смыслы и экзистенциальные смыслы); 3) временная направленность (прошлое, настоящее, будущее); далее эксперты провели контент-анализ методики неоконченных предложений по категориям Ж. Нюттена; на следующем этапе были соотнесены категории и представлены в сравнительной таблице 3.6 Приложения 3. Далее полученные результаты проверялись в программе SPSS. Основные результаты второй серии эмпирического исследования приведены в Приложении 3.

В результате контент-анализа выборка была разделена на две группы (рисунок 3.1 Приложения 3):

1. испытуемые с L-смысловой ориентацией (64,9%)
2. испытуемые с D-смысловой ориентацией (35,1%).

Для группы D-смысловой интенциональной направленности соответствуют такие ответы респондентов, как: «Я хочу... ничего»; «Я мечтаю... чтобы красных повесили»; «Иногда мне кажется... ничего осуществить нельзя и никто тебе не поможет»; «Временами я думаю ... "Пошли вы все к чёрту! Буду жить, как раньше и не о чём не думать."»; «Когда я думаю о прошлом... то я плохо сплю»; «Когда я

думаю о будущем... становится страшно за своих детей»; «Когда я думаю о смысле жизни... его нет в жизни».

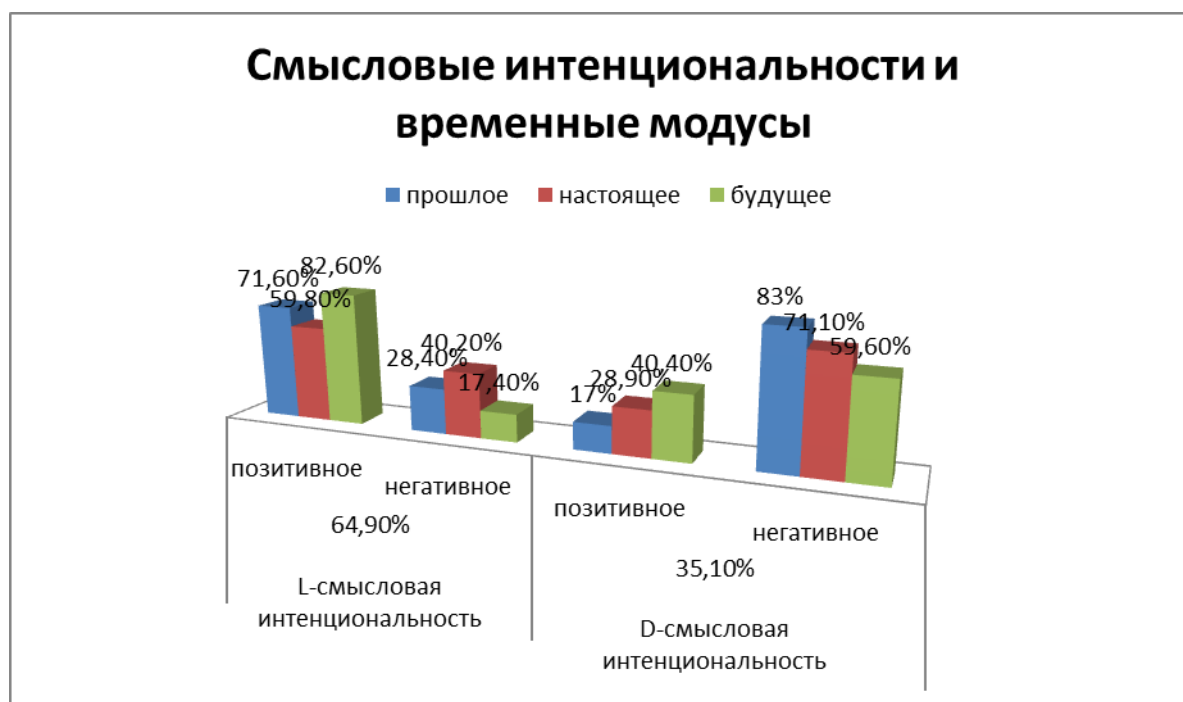
Ко второй группе (L-смысловой интенциональной направленности) были отнесены следующие ответы: «Я хочу... прожить подольше и поинтересней, побывать в Южном полушарии Земли и увидеть созвездие Южного Креста»; «Я мечтаю... прожить долго»; «Иногда мне кажется... что я самый счастливый человек»; «Временами я думаю... что смогу что-то изменить»; Афганистан, как лучшее время, где произошло становление характера»; «Главное для меня сейчас это... стать профессионалом в своём деле и построить жизнь в соответствии с этим и с правдой»; «Я всё-таки смогу... добиться своей цели и стать полноценным членом нашего общества».

Сама методика направлена уже на то, чтобы актуализировать разные смысловые интенции и направленность на прошлое, настоящее или будущее. Однако как показал качественный анализ, даже такие вопросы как «Когда я думаю о будущем...» или «Когда я думаю о прошлом...» не у всех респондентов способствовал проявлению направленности на будущее, построению перспектив или, наоборот, ретроспективному анализу «линейной» временной перспективы», а напротив, выявил феномены, характерные людям, пережившим экстремальный опыт. Приведем примеры таких ответов: «Когда я думаю о будущем... не знаю, будет ли оно. Может быть я не доживу до него»; «Когда я думаю о прошлом... Прошлое для меня это то, что было до Афганистана, настоящее после. Так вот когда я думаю о прошлом, мне жаль потерянного времени, я думаю, что если бы можно было вернуть всё назад, жил бы по-другому».

Последний пример выявляет особенности трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации. Афганистан как экстремальный опыт у данного респондента вообще не представлен ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, это нечто иное, которое не включено ни в одну категорию. Разрыв времени, вызванный экстремальной ситуацией, очень четко виден. Также тут видна D-смысловая интенциональная направленность, респондент сожалеет о прошлом, определяя его как «потерянное время». Жизнь этого человека как бы распалась на две части, смысловой разрыв между тем, что было до и тем, что было после, расщепил его жизнь. Это расщепление создает ощущение, что все, что было в прошлом, вызывает осуждение, отрицание, негативизм, желание перечеркнуть, исправить, переписать прошлое, то есть создает общее разрушительное для этого человека состояние деструкции собственного опыта, по сравнению с возможностью его ассимилировать, пережить, встроить в настоящее с перспективами будущего.

При сравнении двух групп смысловой ориентации с временными образами (прошлого, настоящего, будущего) были обнаружены: значимая связь L-смысловой ориентации и образов будущего ($\chi^2= 10,563$, $p<0,001$); и значимая связь D-смысловой ориентации и образов прошлого ($\chi^2= 8,229$, $p<0,004$) (основные результаты статистической обработки представлены в таблицах 3.1-3.5 Приложения 3).

Далее мы проанализировали временную направленность личности в выявленных в противоположных группах испытуемых. Было установлено, что существуют различия между характером временной ориентации при L- и D-смысловой направленности: при L-смысловой направленности, частота позитивных оценок прошлого ($\chi^2=19,36$; $p<0,001$) и будущего ($\chi^2= 43,56$; $p<0,001$) значимо выше, чем негативных, а при D-смысловой направленности наблюдается обратная зависимость: частота негативных оценок прошлого ($\chi^2= 43,56$; $p<0,001$) и настоящего ($\chi^2=17,64$; $p<0,001$), в соответствии с рисунком 2. В отношении негативного будущего в группе с D-смысловой направленностью имеется аналогичная тенденция, однако, значимых различий мы не обнаружили.

Рисунок 2. Смысловые интенциональности и временные модусы

Временная перспектива при L-смысловой направленности открывается в более полной структуре временных модусов (прошлое, настоящее, будущее), чем при D-смысловой направленности, характеризующейся редукцией ее полной формы к отдельным модусам времени. Приведем примеры таких ответов: «Иногда мне кажется..., что я там»; «Временами я думаю... о прошлом»; «Временами я думаю... о

тех, кто погиб в РКА»; «Я не хочу... больше думать об Афганистане»; «Когда я думаю о будущем... не знаю, будет ли оно. Может быть, я не доживу до него».

Соотнесение выделенных базисных смысловых интенций: L- и D- с категориями мотивационных индукторов Ж. Нюттена позволило «наполнить» общие базисные категории более конкретными подкатегориями, детализирующими и проясняющими данные смысловые интенции (таблица 3.6 Приложения 3).

Таким образом, в экстремальной ситуации временная перспектива уже не является линейной перспективой, прагматически определяемой объектами достижения или избегания, а кардинально расщепляется, приобретает бинарную расщепленность, так как конституируется исходя из L- и D-смыслов: расщепление происходит на смертоцентрированную и жизнецентрированную перспективу.

Серия 2. Изучение влияния выраженности смысловой интенциональности на структуру временной перспективы

Постановка проблемы. Традиционно в психологии при изучении последствий травматического события рассматриваются только негативные явления. К таковым относятся острое стрессовое расстройство, стрессовое расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство (DSM-IV, 1994), травматический невроз и др. Подобные реакции на травму изучались рядом специалистов, и именно на них долгое время делался акцент научным сообществом. Однако изучение только негативных аспектов травмы и ее последствий кажется нам несколько ограниченным и не раскрывающим всей полноты жизненного мира личности. Более того мы видим, что рост личности рассматривается в рамках понятий самоактуализации А. Маслоу (Маслоу, 1999), «проприума» Г. Олпорта (Олпорт, 1955), «внутренней мотивации» Э. Деси и Р. Райна (Deci, 1975; Deci & Ryan, 1985). Феномен посттравматического роста раскрывается в теориях Тадеси и Колхауна (Tedeschi & Calhoun, 1996), логотерапии В. Франкла (Франкл, 1990), современной позитивной психологии М. Селигмана и М. Чиксенмихай (Seligman & Csikszentmihalyi, 2000), а также в трансформационной модели М.Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 1998).

Степень выраженности фундаментальной жизнецентрированной смысловой направленности операционализована пятью ценностно-смысловыми сферами: 1) отношение к другим; 2) новые возможности; 3) сила личности; 4) духовные изменения; 5) повышение ценности жизни (Магомед-Эминов, 2007).

Цель исследования. Исследование особенностей трансформации временной перспективы у людей, проявляющих интенцию посттравматического роста.

Гипотезы. 1) изменение выраженности смысловой интенциональности меняет структуру временной перспективы; 2) ориентация на настоящее является адаптивным механизмом в экстремальной ситуации, в связи с чем временная перспектива может быть частично редуцирована; 3) у людей с выраженным посттравматическим ростом в экстремальной ситуации создается полнота временной структуры, по сравнению с теми, у кого рост не выражен.

Испытуемые. 113 мужчин в возрасте 18 – 29 лет – военнослужащие (срочники и контрактники), в том числе, с опытом участия в боевых операциях в Чеченской Республике.

Методики и процедура исследования. Для оценки интенсивности выраженности смысловой направленности использовался опросник посттравматического роста Р. Тадеша, Л. Колхауна (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) (Приложение 2.2), Была использована методика неоконченных предложений Ж. Нюттена (модификация М.Ш. Магомед-Эминова).

Для выявления различий смысловых интенциональностей и временной перспективы применялся статистический критерий хи-квадрат Пирсона.

Результаты и их обсуждение.

В исследовании сравнивались две группы: испытуемые с низким индексом посттравматического роста (N=31), испытуемые с высоким индексом посттравматического роста (N=36) (таблица 4.1 Приложения 4).

Общий показатель позитивных высказываний о настоящем и будущем значимо выше при высоком уровне посттравматического роста ($\chi^2=134,333$; $p<0,001$).

При этом были обнаружены значимые различия между ориентацией на прошлое и ориентацией на настоящее и будущее в обеих группах ($\chi^2=134,333$; $p<0,001$) ($\chi^2=205,707$; $p<0,001$) в соответствии с таблицей 2. Обнаружены значимые различия двух групп по параметрам: ориентация на настоящее ($\chi^2=8,425$; $p<0,05$), ориентация на себя ($\chi^2=11,266$; $p<0,001$), экзистенциальные смыслы ($\chi^2= 3,857$, $p<0,05$) в соответствии с таблицей 3, положительные эмоции ($\chi^2=5,444$; $p<0,05$).

Таблица 2. Сравнение групп с высоким и низким значениями посттравматического роста по временным модусам

Факторы	Группа с высоким значением по посттравматическому росту (%)	Группа с низким значением по посттравматического росту (%)
---------	---	--

Ориентация на прошлое	на	50	50
Ориентация на настоящее	на	58,6	41,4
Ориентация на будущее	на	51,4	48,6

Таблица 3. Сравнение групп с высоким и низким значениями посттравматического роста по смысловым интенциям

Факторы		Группа с высоким значением по посттравматическому росту (%)	Группа с низким значением по посттравматическому росту (%)
Вопросы экзистенциального характера (размышления о смысле жизни)	о	60,7	39,3
Стремление к материальным ценностям	к	47,6	52,4

При проверке гипотезы о полноте или редуцированности временной перспективы в экстремальной ситуации не было обнаружено значимых различий между двумя группами испытуемых с разной выраженностью интенсивности L-смысловой интенциональности в соответствии с таблицей 4.

Таблица 4. Представленность временных модусов в группах с низким и высоким значением по посттравматическому росту

	Ориентация на прошлое (%)	Ориентация на настоящее (%)	Ориентация на будущее (%)
Группа с высоким показателем по посттравматическому	3,8	48,8	47,4

росту			
Группа с низким показателем по посттравматическому росту	4,6	41,5	53,9

В группе с высоким уровнем посттравматического роста, как и в группе с низким уровнем посттравматического роста у людей в экстремальной ситуации ориентация на прошлое не имеет значимых различий. По сравнению с результатами первой серии (выборка – ветераны Афганистана), в данной серии не выявлено значимых различий между группами в ориентации на прошлое.

Данный факт может быть объяснен тем, что в условиях экстремальности, выживания, человек максимально задействует свои ресурсы для выживания. Экстремальная ситуация качественно отличается от повседневной и разрывает жизненный мир человека на мир «до» и «после» экстремальной ситуации: то, что было ценным в «том мире» перестает иметь смысл и ценность в новой ситуации, остро ставящей вопрос жизни и смерти, актуализируя мотивацию выживания в данный момент, адаптивным становится существование в данный момент времени, тем самым происходит разрыв с прошлым опытом.

В результате анализа данных были выявлены значимые различия между ориентацией на прошлое и ориентацией на настоящее как в группе с низким уровнем посттравматического роста, так и в группе с высоким уровнем посттравматического роста, что также подтверждает выводы о том, что экстремальная ситуация представляет собой особую жизненную ситуацию, и чтобы успешно адаптироваться к ней, человек должен максимально широко ориентироваться на настоящее. Эти факты могут говорить о том, что те люди, которые максимально широко и полно направлены на настоящее, более успешно адаптируются к экстремальной ситуации, более того, у них наблюдается рост личности, посттравматический рост.

В обеих группах частота вопросов экзистенциального характера значимо выше частоты ответов, направленных на предметные ценности (рис.4.2 Приложения 4.), что подтверждает нашу гипотезу о том, что в экстремальной ситуации изменяется смысловая интенциональность личности с конкретной предметной на экзистенциальную, при этом у людей с посттравматическим ростом она выше по всей совокупности выборки.

В группе с высоким уровнем посттравматического роста частота ответов экзистенциального характера выше, нежели в группе с низким уровнем

посттравматического роста, при этом стремление к материальным ценностям, озабоченность социальными проблемами выражены меньше. Этот факт также подтверждает гипотезу о том, что в экстремальной ситуации смысловая интенциональность носит в большей мере экзистенциальный, нежели предметный характер, что влияет на адаптивную функцию временной перспективы.

Выводы. В зависимости от выраженности смысловой интенциональности временная перспектива изменяется. В экстремальной ситуации временная перспектива может редуцироваться. Наименее представленным в экстремальной ситуации является временной модус прошлого. Для более успешной адаптации к экстремальной ситуации необходима более широкая ориентация на настоящее. Не обнаружено значимых различий в полноте временной структуры у людей с выраженным посттравматическим ростом по сравнению с теми, у кого рост не выражен.

Серия 3. Исследование связи смысловой интенциональности с особенностями временной перспективы у людей с повседневным и неповседневным опытом.

Цель исследования. Сравнить смысловые интенции, темпоральную структуру и удалённость временной перспективы у людей в экстремальной и повседневной ситуации.

Частные гипотезы. 1) существуют различия смысловых интенций у людей в экстремальной и повседневной ситуации; 2) существуют различия в соотношении временных компонентов темпоральной структуры (представленность прошлого, настоящего, будущего) у людей в экстремальной и повседневной ситуации; 3) существуют различия в удаленности временной перспективы будущего у людей в экстремальной и повседневной ситуации.

Испытуемые. Сравнительное исследование проводилось на трех независимых выборках: 1) участники военных действий в Афганистане (N=91). Более подробно данная выборка описана в серии 1 настоящего исследования; 2) военнослужащие – солдаты-срочники и контрактники перед увольнением в запас (N=113), с различным опытом участия в боевых операциях в Чеченской Республике (2004-2006 гг.). Описание выборки приводится в серии 2; 3) жители мегаполиса – люди в повседневной ситуации (N=118) в возрасте от 19 до 30 лет.

Методика и процедура исследования. Для выявления смысловых интенций использовалась методика неоконченных предложений (модификация М.Ш. Магомед-Эминова). Для контроля стрессовых и травматических переживаний у испытуемых 2

и 3 выборки (военнослужащие и люди в повседневной ситуации) использовался тест оценки стрессового события М. Хоровитца (Приложение 2.3). Для контроля состояния испытуемых и выявления степени воздействия прошлого травматического опыта были проанализированы результаты методики Опросник IOES (Impact of event scale) М. Хоровитца, а именно проявления двух травматических тенденций – вторжения и избегания. Результаты выборки в целом по общей выраженности травматических проявлений соотносимы с нижней границей силы воздействия стрессового события (полученной на выборке людей с высокой степенью выраженности травматического опыта) по данным Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2001). Поэтому можно отнести испытуемых к категории людей, находящихся в повседневной ситуации.

В качестве ключевых категорий контент-анализа рассматривались: L-смысловая направленность и D-смысловая направленность, смысловые интенции: предметные (материальные, вещные) и экзистенциальные (духовные) смыслы. В качестве временной направленности изучались представленность образов прошлого, будущего, настоящего. Для выявления различий смысловых интенциональностей и временной перспективы применялся статистический критерий хи-квадрат Пирсона.

Результаты и их обсуждение. Для выявления особенностей смысловой интенциональности в повседневной и экстремальной ситуации было проанализировано соотношение высказываний респондентов, относящихся к жизнецентрированным и смертоцентрированным направленностям. Соответственно, для каждого испытуемого была определена ведущая смысловая интенциональность. Полученные результаты свидетельствуют о том, что расщепление смысловой интенциональности характерно только для первой группы, которую составляют испытуемые с экстремальным опытом – ветераны войны в Афганистане. Для военнослужащих-срочников и контрактников, а также для испытуемых в повседневной ситуации подобное расщепление не характерно.

Основные результаты представлены на **рисунках 5.1-5.9 Приложения 5**. Анализ результатов подтверждает обоснованность предлагаемой нами смысловой модели временной перспективы. Выявлены значимые различия смысловой интенциональности между первой группой (ветераны Афганистана), с одной стороны, и военнослужащими в «горячих точках» и людьми в повседневной ситуации, с другой (таблица 5).

Таблица 5. Сравнение смысловых интенциональностей в 3 группах: 1) ветеранов-афганцев, 2) военнослужащих, заканчивающих службу в Чечне; 3) людей в повседневной ситуации

Группы	Л- смыслы	Д- смыслы
ветераны-афганцы	57%	43%
военнослужащие, заканчивающие службу в армии	76%	24%
люди в повседневной ситуации	74%	26%

Так, значительно различается соотношение L- и D-смысловой направленности ($p < 0,05$); экзистенциальных и предметных смыслов (соответственно, между ветеранами и военнослужащими ($\chi^2 = 13,7$, $p < 0,001$) и ($\chi^2 = 17,09$, $p < 0,001$); между ветеранами и людьми в повседневной ситуации ($\chi^2 = 23,7$, $p < 0,001$) и ($\chi^2 = 24,2$, $p < 0,001$) (таблицы 6, 7).

Таблица 6. Соотношение предметных и экзистенциальных смыслов в повседневной и экстремальной ситуации

Группы	Предметные смыслы	Экзистенциальные смыслы
ветераны-афганцы	25%	75%
военнослужащие, заканчивающие службу в армии	64%	36%
люди в повседневной ситуации	74%	26%

Таблица 7. Сравнение предметных и экзистенциальных смыслов в повседневной и экстремальной ситуации по критерию Пирсона

Группы	Предметные смыслы χ^2	Экзистенциальные смыслы χ^2
ветераны-афганцы и люди в повседневной ситуации	24,25 **	23,77 **
ветераны-афганцы и военнослужащие, заканчивающие службу в армии	17,09**	13,70**
военнослужащие, заканчивающие службу в армии и люди в повседневной ситуации	0,725	1,613

** при $p < 0.000$

Таким образом, у людей, переживших экстремальную ситуацию (ветеранов-«афганцев»), высокая частота смысловых интенций экзистенциального характера, а у людей с повседневным опытом преобладают предметные смыслы.

Значимых различий по частоте проявлений смысловой интенциональности при сравнении выборок военнослужащих и людей в повседневной ситуации не обнаружено. Соотношение темпоральных составляющих (прошлое, будущее) у испытуемых, переживших экстремальную ситуацию (ветеранов), значительно различается с темпоральной структурой людей с повседневным опытом и военнослужащих соответственно ($p < 0,05$): в отличие от более целостной картины темпоральности у людей, имеющих экстремальный опыт (в высказываниях представлено и прошлое, и настоящее, и будущее), в группе людей из повседневной реальности более характерна ориентация на будущее, в меньшей мере – на настоящее, а прошлое практически не представлено. В то же время в первой группе прошлое, настоящее и будущее представлено более полно, чем во второй и третьей группе, где прошлое редуцировано (таблицы 8, 9).

Таблица 8. Соотношение временных модусов в повседневной и экстремальной ситуации

Группы	прошлое	настоящее	будущее
ветераны-афганцы	42%	37%	21%
военнослужащие, заканчивающие службу в Чечне	4%	49%	37%
люди в повседневной ситуации	3%	52%	45%

Таблица 9. Сравнение временных модусов в повседневной и экстремальной ситуации по критерию Пирсона

Группы	Прошлое χ^2	настоящее χ^2	будущее χ^2
ветераны-афганцы и люди в повседневной ситуации	33,80 **	2,52 P= .112	8,727 *
ветераны-афганцы и военнослужащие, заканчивающие службу в Чечне	31,39**	1,67 P= .196	9,941*
военнослужащие,	0,143	0,089	0,43

заканчивающие службу в Чечне и люди в повседневной ситуации	P= .705	P= .765	P= .835
---	---------	---------	---------

** при $p < 0.000$

* при $p < 0.05$

Качественный анализ показывает, что смысловая структура у военнослужащих, ожидавших в момент исследования увольнения в запас, сдвинута в сторону повседневной смысловой структуры. Характерное переживание, обнаруживаемое в высказываниях «домой, домой...», свидетельствует о том, что на них действует мотивационный градиент выхода из ситуации. Таким образом, переживание экстремальности для этих людей определяется не только фактом присутствия в подобной ситуации.

Частота упоминания «конечности» (в том числе, высказываний о смерти) значимо выше у людей, в экстремальной ситуации ($p < 0,05$).

Таблица 10. Сравнение частоты проявлений темы смерти, «конечности» у людей в повседневной и экстремальной ситуациях

Частота упоминания	Люди в повседневных ситуациях, % (n=118)	Люди в экстремальной ситуации, % (n=202)
конечность	1,5	27

Таким образом, временная перспектива в экстремальной ситуации характеризуется с одной стороны континуальностью, которая связана с L-смысловыми структурами жизненного мира, с другой стороны – дискретностью, связанной с D-смысловыми структурами жизненного мира. Данные результаты позволяют утверждать, что за воспроизведением, переживанием опыта находится конструирование временной структуры и конструирование темпорального опыта в работе личности: личность конструирует и реконструирует свой жизненный опыт, а не просто вспоминает его как застывший отпечаток в памяти.

В экстремальной ситуации мы также видим преобладание экзистенциальных смыслов, в то время как в повседневной ситуации больше представлены предметные смыслы. Отметим, что полученные данные показывают также высокий уровень экзистенциальных смыслов и в повседневном модусе, что может быть связано с

высоким уровнем повседневной экстремальности, а также с тем, что испытуемые находятся на данный момент в кризисной, переходной ситуации.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование показало, что временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется из двух темпоральных областей (источников) жизненного мира личности. Смысловая интенциональность в экстремальной ситуации трансформирует временную перспективу. Временная перспектива конституируется бимодально как L-смысловая направленность и D-смысловая направленность. При L-смысловой ориентации человек больше направлен на будущее; напротив, при D-смысловой ориентации минимизирована направленность на будущее, преобладает направленность на прошлое. Люди, которые максимально широко и полно направлены на настоящее, более успешно адаптируются к экстремальной ситуации, более того, у них наблюдается рост личности, посттравматический рост.

2.3 Интенсивность смысловой направленности и характер временной перспективы

Традиционные представления о психической травме рассматривают лишь негативные последствия, выражающиеся в симптомах посттравматического стрессового расстройства, других травматических синдромов, одним из центральных симптомов которых являются темпоральные феномены: «темпоральная отсроченность» травмы, «транзитный феномен» работы личности – связывающей и разделяющей опыт, «темпоральная транзитность» травмы – существования между травматическим событием и его последствиями в опыте, «рекурсивность травмы» – ее воспроизводство из прошлого и направленность в будущее (Магомед-Эминов, 2007). В последние годы также убедительно показывается, что последствия пережитого травматического события имеют не только негативную, но и нейтральную, а также позитивную психологическую природу. К позитивным последствиям травматического события относится рост, развитие и трансценденция личности (Магомед-Эминов, 2008). Посттравматическая конструктивная трансформация личности есть трансценденция человека в новые человеческие измерения. Смысловые сферы посттравматического роста задаются изменением основных пяти направленности человека: 1) ценность отношения к другим

людям; 2) открытие новых возможностей; 3) сила личности; 4) духовные изменения; 5) повышение ценности жизни в целом.

Характер влияния травматического опыта и его переработки у людей с высоким и низким уровнем посттравматического роста, как проявлением интенсивности смысловой интенциональности, на тип направленности и структуру временной перспективы проверялся нами не только на выборке солдат, участвовавших в военных действиях в Чечне, но и на подростках, имеющих опыт пребывания в экстремальных жизненных ситуациях. Мы ставили задачу проверить, каким образом наличие экстремального опыта, выявленного тестом воздействия стрессовых событий (согласованного с данными интервью для выявления силы травматического влияния события на человека), и степень выраженности посттравматического роста (операционализированного конструктуной валидностью шкал: отношение к другим; открытие новых возможностей; сила личности; духовные изменения; повышение ценности жизни) связаны с типом временной перспективы, выявленным опросником Зимбардо. Мы предположили, что существуют различия в соотношении временных компонентов темпоральной структуры (представленность прошлого, настоящего, будущего) у людей с выраженным посттравматическим ростом и с не выраженным посттравматическим ростом, и что полнота структуры временной перспективы будет положительно связана с выраженностью посттравматического роста, в отличие от людей с низкой выраженностью посттравматического роста, у которых предполагается выраженность неполной структуры временной перспективы.

Гипотеза 1. В группе с высоким посттравматическим ростом, в отличие от группы с низким посттравматическим ростом, будет наблюдаться сбалансированная временная перспектива, то есть та, где сочетаются все три направления временной перспективы: прошлое (позитивное), настоящее (гедонистическое) и будущее.

Гипотеза 2: Посттравматический рост будет проявляться в особенностях временной перспективы. Это будет выражаться в следующем:

2.1 Показатели по шкале «негативное прошлое» будут выше в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом.

2.2 Показатели по шкале «будущее» будут ниже в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом.

2.3 Ориентация на будущее будет положительно связана с общим уровнем посттравматического роста.

Гипотеза 3: Существует зависимость между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой первоначального травматического влияния.

Испытуемые. Учащиеся 7-9 классов школы в г. Москва (N=46, мал.=18, дев.=27).

Метод. Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена, опросник для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо (ZPTI) (в адаптации А. Сырцовой), опросник ОПТР Tadashi & Colhoun 1996 года (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова), тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) и интервью для выявления силы травматического влияния события.

Для исследования временной перспективы применяется обычно довольно большое количество разнообразных методик: от проективных (например, «Рисунок времени») до валидизированных и стандартизированных (например, ZPTI – опросник временной перспективы Зимбардо). Данный инструмент оценивает личностные вариации в профилях временной перспективы и специфические темпоральные склонности (предубеждения). Пять факторов шкалы были выявлены посредством объяснительного и подтверждающего факторного анализа и показали хорошую внутреннюю надежность и воспроизводимость. Конвергентная, дивергентная, дискриминантная и предсказывающая валидности были показаны корреляционным и экспериментальным исследованием индивидуальных случаев. Мы применяли методику Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой².

Данная методика включает в себя следующие 5 шкал:

1) Негативное прошлое. Отношение к прошлому характеризуется отрицательными эмоциями, пессимистическими установками, болезненными переживаниями, связанными с прошлым травматическим опытом, причем как реальным, так и его репрезентациями.

2) Гедонистическое настоящее. Фактор связан со стремлением к получению удовольствия в настоящем, беззаботной установкой к жизни в целом, поиск возбуждающих впечатлений.

3) Будущее. Выражает общую направленность на будущие цели, планы, достижения и на действия по их реализации.

4) Позитивное прошлое. Отношение к прошлому характеризуется положительными эмоциями, ностальгией, теплыми воспоминаниями, характеризуется установкой на легкость обращения к своему прошлому, и использования его позитивных аспектов.

5) Фаталистическое настоящее. Отношение к настоящему связано с отсутствием направленности на будущее, на которое человек не может повлиять.

---

² «Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе» А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина, в журнале «Психологическая диагностика», 2007, № 1, стр. 85-106.

Человек ощущает себя беспомощным. Ослаблено целеполагание. Человек не стремится к получению волнующих эмоций.

б) Опросник состоит из 56 высказываний, ответы имеют пять градаций, с количественными оценками – 1, 2, 3, 4, 5 соответственно.

«Незаконченные предложения». Тест разработан Ж. Нюттеном и включает 40 индукторов (начал предложений) ММИ. Каждый индуктор печатается в левом верхнем углу отдельной страницы. Все страницы пронумерованы. ММИ ограничивается исследованием лишь осознаваемых мотивов, но он приглашает испытуемых указать и те мотивационные объекты, которые относятся к интимно-личностному уровню, вне зависимости от их социальной приемлемости. Поэтому в инструкциях специально подчеркивается анонимность заполнения и просьба быть искренними.

Результаты. В группе с высоким посттравматическим ростом, в отличие от группы с низким посттравматическим ростом, наблюдается сбалансированная временная перспектива, сочетающая все три направления временной перспективы: прошлое (позитивное), настоящее (гедонистическое) и будущее. В соответствии с таблицами 6.1-6.6 Приложения 6, обнаружено, что L-смысловая направленность в форме посттравматического роста проявляется в следующих особенностях временной перспективы личности: 1) показатели по шкале «негативное прошлое» выше в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом ($U=83$, $p<0,005$); 2) по шкале «будущее» ниже в группе с низким посттравматическим ростом, чем в группе с высоким посттравматическим ростом ($U=169$, $p<0,05$); 3) ориентация на будущее положительно связана с общим уровнем посттравматического роста ($p<0,05$). Существует зависимость между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой первоначального травматического влияния. Не выявлено значимых различий в ориентации на гедонистическое настоящее у подростков с различной выраженностью посттравматического роста. Выявлены тенденции: при низком посттравматическом росте показатели по шкале «будущее» ниже нормы; существует положительная связь между высоким уровнем по шкале «фаталистическое настоящее» и низким посттравматическим ростом.

Был проведен статистический анализ достоверности различий между показателями шкал временной перспективы (опросник Ф. Зимбардо) и уровнем травматического влияния (тест М. Хоровитца).

Таким образом, для всех респондентов, независимо от уровня их посттравматического роста, характерна средняя, ближе к высокой, ориентация на

«гедонистическое настоящее» (то есть стремление получать удовольствия от жизни). Статистические различия не значимы ($U=243$, $p=0,761$).

Для обеих групп характерна средняя, ближе к низкой, ориентация на «позитивное прошлое» (теплое, сентиментальное отношение к прошлому). Статистический анализ достоверности различий показал, что в группе со средним уровнем травматического влияния (СУТВ) значения по шкале «позитивное прошлое» значимо выше ($p<0,005$) чем в группе с высоким уровнем травматического влияния (ВУТВ).

Статистический анализ достоверности различий показал, что в группе среднего посттравматического роста показатели по шкале «будущее» значимо выше по сравнению с группой низкого посттравматического роста ($p<0,05$).

Корреляционный анализ не дает информации о направленности зависимости, но постулирует, что при положительном изменении одного параметра (например, при посттравматическом росте) растут показатели по шкале «будущее». Корреляционный анализ, проведенный в группах со средним и низким посттравматическим ростом, достоверных различий не дал. Другие шкалы не показали значимых различий.

Обсуждение результатов. В соответствии с гипотезой о связи посттравматического роста с характером временной перспективы, предполагалось, что в группе с высоким посттравматическим ростом, измеренном опросником посттравматического роста, в отличие от группы с низким посттравматическим ростом, будет наблюдаться сбалансированная временная перспектива (по опроснику Ф. Зимбардо), то есть такая временная перспектива, где сочетаются все три ее направленности: на прошлое (позитивное), настоящее (гедонистическое) и будущее. На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что наша гипотеза подтверждается. Действительно, в группе с высоким посттравматическим ростом показатели по всем шкалам не выходят за рамки норм, несмотря на то, что показатели по шкале «позитивного прошлого» невысокие, а по шкале «гедонистическое настоящее» высокие, они находятся в пределах норм (Сырцова и др., 2007), что позволяет констатировать наличие «баланса» временной перспективы. Интересно, что ориентация на гедонистическое настоящее доминирует в обеих группах. Вероятно, это может быть интерпретировано с учетом специфики выборки подростков, которым в большей степени свойственна фиксация на получении удовольствия «здесь и сейчас», нежели ориентация на планировании и структурировании будущего и его последствий (Эриксон, 1996).

В группе с низким посттравматическим ростом показатели трех шкал выходят за границы норм: «Негативное прошлое» выше нормы, то есть, это значит, что людям

этой группы присуще общее пессимистическое, негативное или с примесью отвращения отношение к прошлому, с болью и сожалением. Это согласуется с имеющимися в литературе данными (Василюк, 1984; Магомед-Эминов, 1990, 1998; Horowitz, 1986; Janoff-Bulman, 1989 и др.) и нашими предположениями. Низкая представленность посттравматического роста связывается нами с отсутствием достаточной смысловой работы личности, связывающей разрушенную травмой темпоральную структуру ее жизненного мира, отсутствие полноценного смысла настоящего, редуцированность будущего и негативную окрашенность прошлого. Это приводит к тому, что травма прошлого до сих пор имеет свое разрушающее и негативное влияние на личность человека, деформируя его временную перспективу. Группа с высоким ростом значительно отличается по этому показателю.

Показатели по шкале «будущее» ниже нормы, то есть для респондентов этой группы нехарактерно планировать, стремиться и ориентироваться на позитивное будущее. Временная перспектива у людей с низким посттравматическим ростом является несбалансированной в терминах Ф. Зимбардо. Прошлое играет доминирующую роль для людей, имеющих травматический опыт, но у которых не выражена тенденция к посттравматическому росту. Группа с высоким ростом значительно отличается по этому показателю.

Показатели по шкале «фаталистическое настоящее» выше нормы, что согласуется с предыдущим показателем. Другими словами респондентам с низким уровнем посттравматического роста не просто не свойственно позитивный взгляд и планирование будущего. Они так же считают, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять индивидуальными действиями. Группа с высоким ростом значительно отличается по этому показателю.

Итак, посттравматический рост как показатель степени выраженности смысловой интенциональности действительно отражается на особенностях временной перспективы личности, на полноте временной структуры, выраженности направленности на будущее и позитивное прошлое.

Для двух групп, как уже было отмечено, свойственно стремление к гедонистическому настоящему. Так же для них характерна средняя, ближе к низкой, ориентация на «позитивное прошлое», что объяснимо, так как в данном исследовании принимали участие люди с травматическим опытом, пусть и разной степени, но вряд ли вспоминающие об инциденте с «теплотой и сентиментальностью». По трем другим направлениям временной перспективы наблюдаются значимые отличия. Группу с высоким посттравматическим ростом характеризуют средний уровень пессимистического взгляда на прошлое («негативное прошлое»), средний уровень стремления спланировать и достигнуть цели в будущем

(«будущее») и средний уровень восприятия себя как источника изменений своего будущего, творца своего времени («фаталистическое настоящее»). Отсутствие высоких значений по шкалам активности и позитивного принятия свидетельствует, что травматическое событие продолжает нести некий негативный заряд, что хорошо согласуется с данными опросника посттравматического роста – высокого уровня роста нет ни у кого. Интересно, что значения по шкале будущее статистически связаны с уровнем посттравматического роста только на общей выборке. Причина отсутствия связи между уровнем посттравматического роста и показателями шкалы «будущее» может стать темой дальнейших исследований.

В соответствии с гипотезой о связи, между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой воздействия травматического события, было показано, что уровень посттравматического роста значимо различается в зависимости от интенсивности травматического опыта (силы воздействия травматического события). Связь интенсивности травматического опыта и ОПТР была показана в исследованиях Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2009). Было эмпирически продемонстрировано, что высокий уровень травматического воздействия катализирует работу личности, приводящую к посттравматическому росту. Что касается взаимосвязи между силой травматического воздействия и временной перспективой, то их практически нет. Дальнейшее восприятие своего будущего и прошлого, позитивное или негативное к нему отношение, планирование будущего, стремление к получению удовольствий в настоящем не различаются в зависимости от степени травматического воздействия. Единственный аспект временной перспективы, на который влияет уровень травматического воздействия – это интеграция травматического опыта в некую позитивную картину прошлого («позитивное прошлое»), другими словами, нахождение положительных сторон даже в травматическом инциденте, то есть смысловая направленность на трансценденцию, выход за пределы, заданные травматическим инцидентом, экстремальным опытом, за границы своих возможностей при столкновении с угрозой и при актуализации вопросов жизни и смерти. Именно средний уровень травматического воздействия связан, по нашим данным, с более позитивным восприятием будущего и прошлого. Таким образом, средний уровень интенсивности травматическое воздействие скорее связан с последующим ростом личности после травмы и переосмыслением прошлого. Исследование на выборке людей, имеющих более интенсивных характер экстремального опыта (параграф 2.1) и на выборке с высоким уровнем посттравматического роста показало, что ориентация на настоящее (гедонистическое настоящее, по Зимбардо) выше у людей с выраженным ростом личности после травмы (по ОПТР).

Данные об отсутствии связи между силой травматического воздействия и характером временной перспективы (по Ф. Зимбардо) согласуются с основной гипотезой исследования о конституирующей роли базисной смысловой направленности личности в организации временной перспективы, а не собственно интенсивностью травматического опыта. Существует зависимость между уровнем посттравматического роста, временной перспективой и силой первоначального травматического влияния. Сбалансированная временная перспектива связана с базисными смысловыми ориентациями, выражающимися в посттравматическом росте, и может быть интерпретирована с точки зрения работы личности по темпоральному связыванию жизненного опыта (Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2009).

2.4. Конструктивная темпоральная работа личности с опытом и временная перспектива

Формирование и трансформация модели собственного будущего человека происходит во временной перспективе личности, с чем связано, очевидно, столь пристальное внимание к этой проблематике исследователей на протяжении веков. Временная перспектива представляет собой важный личностный конструкт, который показывает временной аспект жизни человека, имеет многомерную структуру, включающую определенное содержание и ряд динамических параметров, а именно: протяженность, направленность, когерентность, эмоциональный фон и др.

В предыдущем исследовании мы рассмотрели специфику связи временной перспективы с базисными смысловыми ориентациями, выражающимися в посттравматическом росте личности и работе личности по темпоральному связыванию жизненного опыта. В данном исследовании мы ставим задачу выявить функциональное значение темпорального опыта в отношении к временной перспективе. Психологическое время рассматривается через призму событий в работах А. Аскина (Аскин, 1966), Е.И. Головахи, А.А. Кроника, как переживание связи жизненных событий (Головаха, Кроник, 1988) и других авторов. События могут служить точками отсчета, поворотными пунктами, источниками кристаллизации опыта (Магомед-Эминов, 2009). Выделяются повседневные переходные события и поворотные, базисные жизненные события, а также «позитивные» и «негативные» «транзитные» события. Человек измеряет проживаемое им время через смысловую работу. Одна из форм подобной работы – это конструирование жизненной истории,

которая разделяется на основе членения жизни «до», «в», «после» экстремального события. Разрывы опыта или связанность опыта зависят от темпоральной работы личности, то есть работы связывания прошлого, настоящего, будущего, разорванного самой катастрофой, травмой. Смысловая темпоральная работа личности позволяет человеку наделить смыслом настоящее, переосмыслить будущее, отнести к будущему по-новому, одновременно утрачивая смыслы, потерявшие свою конвенциональность, те смыслы, которые позволяли выжить во время бедствия, спастись любой ценой и которые надо утратить, чтобы сконструировать новые (Magomed-Eminov, 1997).

Цель исследования. Выявление связи опыта личности и временной перспективы прошлого и будущего у людей в экстремальной ситуации.

Общая гипотеза. Прошлый травматический опыт связан с временной перспективой личности в актуальной ситуации.

Частные гипотезы:

1. Существует связь между стрессовыми переживаниями личности в экстремальной ситуации и временной перспективой.

2. Прошлый травматический опыт оказывает влияние на транзитный переход в последующих экстремальных ситуациях.

3. Восприятие времени до экстремальной ситуации отличается от переживания времени непосредственно после экстремального события.

4. Существуют различия в переживании времени в экстремальной ситуации между людьми с негативной транзитной ситуацией и позитивной.

Испытуемые. В качестве испытуемых выступили 107 человек – студенты ВУЗа, из них 68 женщин, 39 мужчин. Средний возраст – 21 год.

Методы исследования 1) Тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова) (Приложение 2.3). 2) Влияние устойчивых временных предпочтений оценивалось опросником (ZTP1) для изучения временной перспективы Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой) (Приложение 7.1, подробное описание приводилось в параграфе 2.3 настоящей работы). 3) Ситуативное изменение оценки переживания времени оценивалось по шкале переживания времени А.А. Кроника (Приложение 7.2). Методика «Семантический дифференциал времени» представляет собой 10 полярных шкал, направленных на определение чувства времени. Выявляет отношение человека ко времени. 4) Полуструктурированное интервью: испытуемому предлагалось перечислить несколько значимых переходных периодов, проранжировать их от более повлиявшего на жизнь к менее. Выбрать один

из них, который испытуемый считает положительным. Описать мысли, чувства, действия во время периода, ответить на вопрос: «повлияла ли данная ситуация на дальнейшую жизнь?», затем оценить свое отношение к этому периоду в настоящее время. Аналогично предлагается описать негативный переходный период.

Процедура. В групповой ситуации испытуемым предлагалось заполнить методику «семантический дифференциал времени». Смоделирована стрессовая ситуация. В качестве модели такой ситуации служила экспозиция в групповой ситуации (просмотр видеоролика и чтение сообщения из периодического издания) стрессовой истории о негативном и аморальном событии, характер оценки которой был фиксирован в самоотчетах испытуемых (сама ситуация приводится в Приложении 7.3). Далее вновь дана методика «Семантический дифференциал времени». Это было сделано для понимания переживания времени до травматического события и непосредственно после. В заключение, испытуемым предлагалось заполнить Опросник IOES (Impact of event scale) М. Хоровитца: назвать пережитое стрессовое жизненное событие, указать дату, когда оно произошло, оценить, насколько оно отражает состояние на протяжении последних 7 дней по критериям: «никогда», «редко», «временами», «часто» - для контроля наличия травматического опыта и его влияния на переживание созданной стрессовой ситуации. На следующей встрече была дана методика «Полуструктурированное интервью» и затем опросник для изучения временной перспективы ZPTI.

Результаты и их обсуждение.

Для контроля состояния испытуемых и выявления степени воздействия прошлого травматического опыта были проанализированы результаты методики Опросник IOES (Impact of event scale) М. Хоровитца, а именно проявления двух травматических тенденций – вторжения и избегания. Результаты выборки в целом по общей выраженности травматических проявлений ($x_{cp}=19$, $\sigma=8,5$) соотносимы с нижней границей силы воздействия стрессового события (полученной на выборке людей с высокой степенью выраженности травматического опыта), по данным Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2001). Поэтому можно отнести испытуемых к категории людей, находящихся в повседневной ситуации. Однако среди данной выборки были выделены 22 человека со сравнительно повышенным уровнем проявлений прошлого травматического опыта.

В методике ZPTI выделяются пять факторов временной перспективы: 1. Фактор «негативное прошлое». 2. Фактор «гедонистическое настоящее». 3. Фактор «будущее». 4. Фактор «позитивное прошлое». 5. Фактор «фаталистическое настоящее». После выполнения методики испытуемыми и обработки результатов,

нами был подсчитан средний балл и крайнее значение в выборке по каждому фактору. В целом по выборке можно сказать, что у испытуемых преобладают факторы, которые можно отнести к гармоничной временной перспективе (гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое).

Была исследована связь между показателями воздействия стрессовых событий и параметрами временной перспективы, определяемой по методике ZTP1 Ф. Зимбардо в соответствии с таблицей 7.1 Приложения 7. Обнаружены значимые корреляции между тенденцией вторжения и негативным прошлым ($R_p=0,305$, $p<0,001$), общим показателем влияния стрессового события и негативным прошлым ($R_p=0,404$, $p<0,001$), а также между вторжением и фаталистическим настоящим ($R_p=0,216$, $p<0,05$), общим показателем влияния стрессового события и фаталистическим настоящим ($R_p=0,192$, $p<0,05$). Значимых корреляций между тенденциями травматического опыта и другими показателями временной перспективы по Ф. Зимбардо не было обнаружено (таблица 7.2 Приложения 7).

Аналізу подверглись возможные связи между представлениями о временных характеристиках по методике «семантического дифференциала времени» (Кроник, 1984) и параметрами временной перспективы. Выявлены положительные значимые связи между характеристиками временной перспективы «негативное прошлое» и оценкой времени как «раздробленного» ($R_p=0,22$, $p<0,05$) и отрицательная корреляция с «ограниченностью» ($R_p=-0,23$, $p<0,05$); между гедонистическим настоящим и оценкой времени как «скачкообразное» ($R_p=0,27$, $p<0,01$) и «раздробленное» ($R_p=0,23$, $p<0,05$). Будущее отрицательно коррелирует с «раздробленностью» ($R_p=-0,25$, $p<0,05$) и «прерывистостью» ($R_p=-0,27$, $p<0,01$). Фаталистическое настоящее положительно коррелирует с «неприятностью» ($R_p=0,28$, $p<0,01$) и отрицательно – с ограниченностью ($R_p=-0,23$, $p<0,05$) в соответствии с таблицами 7.3-7.7 Приложения 7.

Специальное уточнение корреляционного анализа было проведено на подвыборке испытуемых со сравнительно более выраженными показателями травматического воздействия стрессового опыта. Примечательно, что у данных испытуемых выявлены отрицательные значимые связи между такими параметрами временной перспективы, как негативное прошлое с оценкой времени как «сжатое» ($R_p=-0,501$, $p<0,01$) и «ограниченное» ($R_p=-0,38$, $p<0,05$), позитивное прошлое и «ограниченностью» времени ($R_p=-0,34$, $p<0,05$), будущее и «прерывностью» времени ($R_p=-0,38$, $p<0,05$). Будущее положительно связано с «насыщенностью» времени ($R_p=0,39$, $p<0,05$). У фактора «гедонистическое настоящее» обнаружены разнонаправленные связи с характеристиками времени: отрицательная корреляция с

«неприятностью» ($R_p = -0,37$, $p < 0,05$), положительные – с «организованностью» ($R_p = 0,39$, $p < 0,05$), «раздробленностью» ($R_p = 0,44$, $p < 0,05$). В данном случае можно говорить о таких особенностях оценки времени у испытуемых с более выраженным травматическим опытом, как тягучести и неприятности времени как в негативно, так и в позитивно окрашенном прошлом, организованности и структурированности в приносящем удовольствие настоящем, представлении о событийно насыщенном будущем, которое кажется непрерывным.

Далее был проведен факторный анализ результатов методики «Семантический дифференциал времени» (который использовался до и после смоделированной экстремальной ситуации). До обсуждения смоделированной экстремальной ситуации выявлено три фактора. Результаты факторного анализа представлены в таблице 7.8 Приложения 7.

Первый фактор образован такими характеристиками времени, как насыщенное (.907), разнообразное (.838), неприятное (-.739), сжатое (.651), быстрое (.587). Вторым фактором – прерывное (.781), раздробленное (.754), скачкообразное (.586); третий фактор – ограниченное (.908).

После обсуждения экстремальной ситуации также выявились три фактора, но несовпадающие с ситуацией до обсуждения: первый фактор включал такие характеристики, как раздробленное (.928), прерывное (.874); второй фактор – сжатое (.821), насыщенное (.764), скачкообразное (.692); третий фактор – быстрое (.816), неприятное (-.711), разнообразное (.653) (таблица 7.9 Приложения 7). Под воздействием экстремального события изменяются представления и качественная оценка времени. Если до экстремальной ситуации испытуемые готовы представлять время как насыщенное, приятное, разнообразное, быстро проходящее, то после неприятного события на первый план выходят разрывы и скачки времени. То есть временная перспектива изменяется. Обнаружены различия ($p < 0,05$) в оценке по шкалам переживания времени по параметрам: неприятное, разнообразное, организованное, прерывистое, насыщенное, скачкообразное.

Предъявление ситуации, задающей переживания неповседневности, у людей с наличием негативного транзитного периода после экстремального события в жизненном опыте, было связано с оценкой времени как более прерывистого, организованного, раздробленного. У людей с наличием позитивного переходного периода после выхода из экстремальной ситуации, которую испытуемые описывают как переломную, радикально поменявшую их жизнь к лучшему, время оценивается как более насыщенное, сжатое, разнообразное, плавное.

По параметрам сжатия и расширения временной перспективы значимых различий не обнаружено. При этом показано, что у людей с негативной фиксацией на транзитном периоде значимо выше баллы по фактору негативного прошлого, ниже баллы по фактору фаталистического настоящего, и довольно низкая представленность фактора будущего ($p < 0,01$). У испытуемых с позитивным транзитным периодом, то есть с преодолением травматического опыта, самый высокий по выборке балл представленности будущего и самый высокий балл позитивного прошлого. Данные показывают, что временная перспектива расщепляется на два полюса ориентации: позитивное прошлое создает ощущение ценности событий прошлого, прошлых успехов и расширенную перспективу будущего. Негативный период преодоления экстремального опыта задает суженную временную перспективу будущего, ориентацию на негативное прошлое и фаталистическое настоящее.

Эмпирические выводы. В данном исследовании было показано, что существует связь между стрессовыми переживаниями личности в экстремальной ситуации и временной перспективой. Травматический опыт, в частности такие его проявления как тенденция вторжения, связаны с негативным восприятием своего прошлого и отношением к настоящему, как фаталистически определенному.

Существуют различия переживания времени в экстремальной ситуации между людьми с негативной транзитной ситуацией и позитивной. Предъявление ситуации, задающей переживания неповседневности, у людей с наличием негативного транзитного периода после экстремального события в жизненном опыте, связано с оценкой времени как более прерывистого, организованного, раздробленного.

У людей с наличием позитивного переходного периода после выхода из экстремальной ситуации, которую испытуемые описывают как «переломную», «радикально поменявшую их жизнь к лучшему», время оценивается как более насыщенное, сжатое, разнообразное, плавное.

Представления о времени до экстремальной ситуации у большинства испытуемых, находящихся в ситуации близкой к повседневной, характеризуются в большей степени такими характеристиками, как «насыщенность», «разнообразие», «приятность», что частично совпадает с факторами переживания времени у людей с позитивным переходным периодом после экстремальной ситуации. После погружения в экстремальную ситуацию у большинства проявляются такие его свойства, как «разрывность», «скачкообразность», «неприятность».

Прошлый травматический опыт оказывает влияние на транзитный период в последующих экстремальных ситуациях, которые актуализируют предшествующий

экстремальный опыт, тем самым характер работы личности: связующей и разделяющей – отражается на временной перспективе и переживании времени в экстремальной ситуации.

Полученные данные не подтверждают распространённую гипотезу сжатия времени, а согласуются с гипотезой зависимости сжатия-расширения от смысловой направленности, складывающейся в ходе смысловой работы личности с собственным жизненным опытом.

2.5 Формы трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации

Интерес представляют также исследования переживания времени в самой экстремальной ситуации. Большинство исследований, посвящённых данной проблеме, показывают, что в экстремальной ситуации люди переживают время экстремальности как «растянутое». Чем более травматично событие, тем эффект «растянутости» времени приближается к его практически полной остановке: «время тянулось целую вечность», «время остановилось», ощущалась «заторможенность времени», «происходило все, как в тумане», «не знаю, сколько времени прошло» (Березина, 2003; Тарабрина, 2001; Фоменко, 2008, Юрьева, 1998 и др). При этой тенденции наблюдается также и отдаление перспективы будущего, когда будущее кажется чем-то далеким и нереальным, в других случаях она чрезмерно приближается: «будущее выросло в настоящем», «будущее было таким близким», или же: «Будущего вообще не существовало», «будущего не было вообще». Подобные эффекты согласуются в данном случае с распространёнными представлениями о «жизненном обзоре», «панорамных воспоминаниях» (Lommel P., 2006, Noyes R., Kletti R., 1977), свидетельствующими о том, что мгновенный процесс переживается как чрезвычайно растянутый, когда человек воспроизводит практически симультанно целостный процесс прожитой жизни, или в виде стремительной ретроспективы, либо, наоборот – в хронологической последовательности. Интересны феномены «разрыва» и «вневременности», «наблюдение за происходящим как бы со стороны», которые описываются как диссоциативные феномены дереализации и оцепенения, то есть как защитные процессы в контексте психической травмы (Herman, 1997 и др).

В исследованиях травматического стресса на ветеранах Вьетнама (van der Kolk, 1993; Herman, 1997), а также ветеранов Афганистана (Магомед-Эминов, 2007, 2008)

было показано, что имеются различия в конструировании времени в экстремальной и неэкстремальной ситуациях. В нормативной ситуации время лабильно, текуче, конструирование времени является как проспективным, так и ретроспективным. Оценка скорости, как это происходило во многих исследованиях, не имеет достаточных объяснений и вызывает сомнение в точности получаемых данных. В данном исследовании проверялась гипотеза о том, что конструирование времени в экстремальной ситуации ригидно, и может характеризоваться травматическим оцепенением (то, что называют чрезмерным замедлением, «остановкой») или быстрым лабильным динамическим конструированием, создающим сверхнормативный, эффективный стиль выживания и эффективного выхода из экстремальной ситуации (Магомед-Эминов, 2008). Анализ практической работы, проводимой в Психологической службе Союза ветеранов Афганистана, лаборатории по изучению личности в экстремальной стрессовой ситуации, Комитете солдатских матерей с людьми, пережившими экстремальные жизненные ситуации, жизненные кризисы, утрату близких, потерю здоровья – было обнаружено, что закономерности носят нелинейный и парадоксальный характер. Они выстраиваются в зависимости не от силы или интенсивности травматического воздействия событий, как полагают теоретики травматического стресса (Horowitz, 1986; Van der Kolk, Brown & van der Hart, 1989; Wilson, Krauss, 1985), и не от характерологических особенностей человека, а от того, какой смысл имеют для него те или иные события («смысловая концепция психической травмы» (Магомед-Эминов, 1998, 2007)), и какую работу со своим травматическим опытом совершает человек. Для проверки данных предположений было проведено следующее исследование переживания времени в экстремальной ситуации.

Целью исследования стали такие характеристики временной перспективы, как: ригидность и лабильность, замедление и ускорение, сжатие и расширение, по поводу которых в литературе нет ни однозначного понимания, ни аргументированного объяснения. Задачей данного исследования было найти такие опосредствующие восприятие времени в экстремальной ситуации переменные, которые могли бы прояснить различный характер переживания времени людьми при ретроспективном описании своего травматического опыта, особенно таких его характеристик как «ускорение» и «замедление». Рассматривается их связь с негативными и позитивными временными модусами (ориентацией на позитивное или негативное будущее, позитивное или негативное прошлое), пассивной или активной позицией в совладании с травматическим опытом. В исследовании приняли участие 186 испытуемых; из них было выделено 52 человека, каждый из которых пережил три травматические

ситуации: смерть близких, потерю здоровья, разводы и расставания с близкими, утрату работы, социального положения в обществе, физическое насилие, сопровождавшееся унижением.

Гипотеза 1. В экстремальной ситуации можно выделить четыре формы временной перспективы: хаотическая временная перспектива, сжатая временная перспектива, расширенная временная перспектива и сбалансированная временная перспектива в экстремальной ситуации.

Гипотеза 2. Существует связь между формой временной перспективы, проявляющемся в характере переживания времени в экстремальной ситуации, и позицией в совладании с травматическим опытом.

Гипотеза 3. Пассивная и активная позиция в совладании с травматическим опытом опосредствует переживание времени в экстремальной ситуации.

Методы. Использовались методы качественного анализа – структурированное интервью, метод неоконченных предложений; применялся тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова).

Процедура исследования. Все испытуемые описывали по десять травматических ситуаций в своей жизни. В структуру интервью входили вопросы о каком-либо травматическом событии: о том, что происходило, какие мысли возникали в ситуации, чем было охвачено сознание, что происходило после выхода из этой ситуации, как воспринималось течение времени в самой ситуации, менялось ли оно по ходу ситуации, что происходило с ощущением времени после описываемой ситуации, как воспринималось настоящее, прошлое и будущее в самой ситуации и после выхода из нее, какие мысли и чувства имелись в самой ситуации, сразу после выхода из нее и позднее. Интервью с каждым испытуемым протоколировалось. Испытуемых просили ранжировать первые три наиболее «травматические» для них ситуации номерами 1, 2, 3 по порядку убывания силы травматического воздействия. Объективным критерием интенсивности воздействия травматического жизненного события были данные по опроснику М. Хоровитца. Отбирались те испытуемые, которые имели высокие баллы по опроснику (Магомед-Эминов, 1991).

Результаты и их обсуждение. Тексты интервью с испытуемыми подвергались качественному анализу тремя независимыми экспертами – психологами, специалистами в области экстремальной психологии по следующим категориям: переживание времени в самой экстремальной ситуации (подкатегории: ускорение, замедление, остановка времени); мысли во время события (о прошлом, настоящем или будущем); близость или дальность будущего в самом событии; изменение

ощущений времени после выхода из ситуации; переживания, чувства сразу после выхода из ситуации; переживания, чувства в настоящий момент по поводу события; мысли и охваченность сознания во время события.

В результате подсчета подкатегорий были выделены четыре группы, различающиеся по динамике переживания времени в экстремальной ситуации: 1) ускоренное течение времени; 2) замедленное, остановившееся течение времени; 3) хаотичное течение времени; 4) отсутствие изменений в течение времени. В пятой группе испытуемые не могли рефлексировать течение времени или не дали никаких ответов. К первой группе было отнесено 94 ситуации (эмпирические референты данной подкатегории: «время растянулось в действиях», «увеличилось в голове», время длилось как в «по-кадровом просмотре», в «замедленной съемке», «секунда растянулась в минуту», «время было растянуто в ожидании»); ко второй – 34 («события происходили с бешеной скоростью», «жизнь продолжалась с удвоенной скоростью», «события происходили с удвоенной скоростью – день за два», «течение времени ускорило», «жизнь прошла в одно мгновение», «чувство быстро утекающего времени»); хаотично время текло в 6 случаях (то ускорялось, то замедлялось: «все продолжалось в одно мгновение, а потом время остановилось», «время то ускорялось, то замедлялось», «двойственное ощущение: время, может, замедлилось, может ускорилось», «ощущение времени менялось мгновенно») и в 12 случаях время не меняло субъективной скорости своего течения («смерть мамы... события развивались, как обычно ...сердце разрывалось на части», «все шло своим чередом»); в 9 случаях испытуемый затруднился ответить («мысли о времени отсутствовали»). Случаи, относившиеся к 3-5 группам, наблюдались у разных испытуемых и только в одной из трех анализируемых ситуаций, которые описывал испытуемый, то есть не являлись позицией или особенностями испытуемого, а скорее характеристикой типа переживания данной ситуации. При анализе категории «чувств после выхода из экстремальной ситуации» и «переживаний в настоящий момент» испытуемые преимущественно указывали на переживания: боли, тоски, отчаяния, страха, обиды, горя и т.д., то есть эмпирическими референтами в преимущественном количестве случаев служили скорее негативные высказывания о чувствах. Вместе с тем, на вопрос о том, какие мысли возникали в экстремальной ситуации и после выхода из нее, и чем было охвачено сознание – обнаружилось, что некоторые люди говорят часто о действиях, которые они совершали или хотели бы совершить, а не только о тяжелых переживаниях или об анализе своего сознания. И в указании на действия содержались такие референты, как: «хотелось вернуться домой», «хотелось напиться», «надо было расслабиться», «принять решение», «организовать похороны

как полагается», «попытка сделать свою жизнь выносимой», «найти справедливость», «построить планы», «где достать денег», «бороться с болезнью», «поиск лекарств», «поиск работы», «все правильно организовать», «помочь отцу», «желание помочь», «стремление помочь другим», «проявить заботу о ближнем».

Обнаружены значимые различия между группами 1 и 2 по параметрам «позитивное будущее» ($p < 0,027$), «негативное прошлое» ($p < 0,05$), «позиция в совладании с травматическим опытом» ($p < 0,05$) в соответствии с таблицами 8.1-8.3 Приложения 8.

Группа с переживанием ускоренного течения времени характеризовалась большей выраженностью позитивного будущего, более низкой ориентацией на негативное прошлое и более высокой направленностью на активные действия по преодолению экстремальной ситуации, по сравнению с группой, которая время в экстремальной ситуации переживала как замедленное (таблицы 8.4-8.5 Приложения 8). Помимо прочего, можно отметить, что в группе с «ускоренным» течением времени наблюдалось не только преобладание направленности на активное совладание с травматической ситуацией, но и преобладание высказываний, отнесенных экспертами к категории действий в целом, а не к мыслям, или чувствам, или представленности модусов времени при ответе на вопрос о том, чем было охвачено сознание в момент (в ситуации) травмы и после выхода из нее – по сравнению с группой «замедленного» течения времени, где значимо ниже уровень выраженности высказываний о позитивном будущем, выше о негативном прошлом и выше ниже выраженность позиции совладания с травматическим опытом. Для группы с переживанием хаотичного течения времени и группы, не регистрировавшей изменений в переживании характера течения времени, значимых различий не обнаружено.

Результаты показывают, что наличие активных действий по совладанию с травматическим опытом влияет на динамику переживания времени (вызывая ускорение течения времени) в экстремальной ситуации и на тип временной перспективы (ориентация на позитивное прошлое и позитивное будущее), несмотря на наличие во всех группах негативных чувств и переживаний (страха, боли, ненависти, обиды, депрессии, тоски). Это свидетельствует о том, что независимо от интенсивности травматического опыта (проявляющегося в высказывании о тяжелых переживаниях горя, потери, страха, обиды и т.д.), человек может совладать с ними в смысловой работе по овладению своим опытом, восстановлению утраченной связи между частями опыта, конструированию своего опыта, нарратий, историй своей жизни, а также не только своего будущего, но и своего прошлого – в темпоральной

деятельности, как деятельности по конструированию временной формы, связывающей прошлое, настоящее и будущее в континуальную целостность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для преодоления существующего в современной психологии противопоставления, с одной стороны, количественно-дискретного и качественно-континуального понимания временной перспективы, а, с другой стороны – временной формы и временного содержания, мы принимаем за основу временной перспективы смысловую интенциональность жизненного мира личности. Предлагается один из возможных способов решения проблемы связи временной формы и содержания жизненного опыта на основе смыслового опосредствования культурно обусловленной временной формы и индивидуально-специфического жизненного опыта.

Сформулированная смысловая модель временной перспективы не только предлагает один из подходов к решению отмеченной проблемы, но и создаёт основу систематизации различных представлений о временной перспективе и вносит вклад в темпоральную трактовку структуры личности. Традиционное понимание трансформации временной перспективы в экстремальной ситуации как деформации пересматривается с альтернативной точки зрения – конструирования временной перспективы через призму адаптации, развития, роста личности, что вносит вклад в развитие позитивной психологии человека. Разработана неклассическая модель временной перспективы, в которой за основополагающее понятие принимается смысловая интенциональность личности, позволяющая рассматривать временную перспективу как единство реконструирования прошлого, актуализации настоящего и конструирования будущего.

Предложенная модель проверяется в семи эмпирических исследованиях, Результаты исследований в частности подтверждают обоснованность позитивной трактовки конструирования временной перспективы в экстремальной ситуации, оспаривая традиционные представления о деформации, искажении временной перспективы.

Смысловая модель временной перспективы и ее позитивная трактовка открывают новые перспективные возможности для конструирования эффективных стратегий и тактик психологической помощи людям в экстремальных, кризисных жизненных ситуациях, преодолевая традиционный взгляд на человеческую драму только лишь как на страдание и расстройство, открывая пути для духовного роста, трансформации личности, выхода в новые человеческие измерения после столкновения с бедствием, травмой, трагедией.

На основании предложенной модели могут быть выдвинуты новые гипотезы относительно сравнения переживания длительности в реальных и смоделированных экстремальных ситуациях в зависимости от кратких, средних и длительных интервалов временной перспективы. Нуждается в дальнейшей проверке изучение роли транзитных событий в структуре и динамике временной перспективы, показывающих смысловую работу личности человека со своим экстремальным, травматическим опытом.

Данные исследований автора были включены и будут использованы при подготовке образовательных стандартов специализации «Экстремальная психология и психологическая помощь» и новых программ профессиональной подготовки по специальностям «Педагогика и психология девиантного поведения», «Психология служебной деятельности».

Результаты эмпирических исследований данной работы можно обобщить в следующих выводах.

1. Временная перспектива конституируется, во-первых, временными направленностями (на прошлое, настоящее и будущее); во-вторых, временной структурой как синтетическим единством временных направленностей; в-третьих, конструктивной темпоральной работой личности по конструированию структуры (формы) временной перспективы; в-четвёртых, континуальной длительностью и успешностью временной структуры; в-пятых, смысловой природой интенциональности.

2. На переживание длительности временной перспективы оказывает специфическое влияние динамика смысловой интенциональности. Зависимость сдвига оценки временной длительности может быть пересмотрена с точки зрения трансформации смысловой интенциональности, выражающейся в мере возможностей, открывающихся субъекту в жизненной ситуации. Смысловая интенциональность эмпирически конкретизирована и операционализирована в пяти индикаторах: 1) ограничение / отсутствие ограничений; 2) позитивное / негативное; 3) стазис / экстазис; 4) вовлечение в ситуацию / выход из ситуации; 5) созерцание / действие.

3. Временная перспектива в экстремальной ситуации раздваивается, она становится двунаправленной, конституируется на основе двух фундаментальных форм смысловой интенциональности. Временная перспектива в экстремальной ситуации конституируется со стороны континуальной перспективы (связана с L-смысловыми структурами жизненного мира), и со стороны дискретной перспективы (связана с D-смысловыми структурами жизненного мира).

4. Переживание ускоренного течения времени по сравнению с замедленным течением времени в экстремальной ситуации связано с большей выраженностью позитивного будущего, более низкой ориентацией на негативное прошлое и более высокой направленностью на активные действия по совладанию с травматическим опытом.

5. Соотношение темпоральных составляющих временной перспективы у людей, переживших экстремальный опыт, и темпоральной структуры людей с повседневным опытом парадоксальным образом различается – оно характеризуется большей полнотой, в то время как в повседневности наблюдается редуцированность отдельных модусов.

6. Полученные данные скорее свидетельствуют в пользу смыслового опосредствования временной длительности, нежели в пользу гипотезы об эмпирической относительности пространства и времени, то есть пространственного опосредствования (DeLong, Bobko) и уточняют понимание тау- и каппа-эффектов.

7. Высокий уровень посттравматического роста связан со сбалансированностью временной перспективы, ориентацией на позитивное будущее, что говорит о наличии более сложных опосредствованных связей между экстремальным опытом и трансформацией временной перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абасов, А.С. Пространство и время, пространственно-временная организация / А.С. Абасов // Вопросы философии. – 1985. - № 11. – С. 71–81.
2. Абакумова, И.В. Смысл как научная категория и влияние его концептуальных интерпретаций на теорию образования и обучения / И.В. Абакумова. - Научная мысль Кавказа, 2002. - №11.- С. 111-117.
3. Абульханова К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб: Алетейя, 2001. – 304 с.
4. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1991. – 229 с.
5. Августин А. Исповедь / А. Августин // Об истинной религии. Теологический трактат. – М.: Харвест, 1999. – С. 517-805.
6. Адлер, А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер – М.: Когито-Центр, 2002. – 220 с.
7. Аллахвердов, В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком / В.М. Аллахвердов. – СПб.: Формат, 2009. – 264 с.
8. Ананьев, Б.Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения // Вопр. психологии / Б.Г. Ананьев – 1963. - № 5. – С. 81–98.
9. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – Л., 1968. – 338 с.
10. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин – М.: Медицина, 1975. – 447 с.
11. Антонова, Н.В. Идентичность педагога и особенности его общения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Антонова Наталья Викторовна – М., 1996. – 215 с.
12. Анцыферова, Л.И. Личность в тяжелых жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. - Т.15. - №1. - С. 3-19.
13. Арестова, О.Н. Операциональные аспекты временной перспективы личности / О.Н. Арестова // Вопросы психологии. – 2000. - №4. – С. 61-73.
14. Аристотель, Метафизика: Переводы. Комментарии. Толкования/ Аристотель; Сост. и подгот. текста С.И.Еремеев. – СПб.; Киев: Алетейя; Эльга, 2002. - 830 с.
15. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М., Изд-во Моск. ун-та., 1980. – 128 с.
16. Артыхов, Т.А. О всеобщем и универсальном характере времени / Т.А. Артыхов, Ю.Б. Молчанов // Вопросы философии. – 1988. - №7. – С. 134-140.

17. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова, ТО ЕСТЬ Янко // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51-61.
18. Архангельский, Г.А. Организация времени: от личной эффективности к развитию фирмы / Г.А. Архангельский. – СПб: Питер, 2007. – 207 с.
19. Асеев, В.Г. Значимость и временная стратегия поведения / В.Г. Асеев // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. - № 6. – С. 28-36.
20. Аскин, Я.Ф. Проблема времени: её философское истолкование / Я.Ф. Аскин. – М.: Мысль, 1966. – 200 с.
21. Асмолов, А.Г. Психология личности: Учебник / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.
22. Асмолов, А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
23. Ахундов, М.Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / М.Д. Ахундов. – М.: Наука, 1982. – 220 с.
24. Багрова, Н.Д. Фактор времени в восприятии человеком / Н.Д. Багрова. – Л.: Наука, 1980. – 96 с.
25. Баканова, А.А. Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.11 / Баканова Анастасия Александровна. – СПб, 2000. – 18 с.
26. Балашова, Е.Ю. Исследование оптико-пространственных функций в норме / Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина // Журнал прикладной психологии. – 2006. - № 6–1. – С. 36–44.
27. Балашова Е.Ю., Часовой механизм в контексте проблемы культурной патологии / Балашова Е.Ю, Ковязина М.С., Сурнов К.Г.- Психологические исследования. – 2010.- № 2(10).
28. Балтес, П. Всевозрастной подход в психологии развития исследования динамики подъемов и спадов на протяжении жизни / П. Балтес // Психологический журнал. – 1994. - №1. – С. 60–80.
29. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит, 1975. – С. 234-407.
30. Беленькая, Л.Я. К вопросу о восприятии временной длительности и его нарушениях / Л.Я. Беленькая // Исследования по психологии восприятия / Под ред. С.Л. Рубинштейна. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. — С. 324-358.
31. Белинская, Е.П. Человек в изменяющемся мире социально-психологическая перспектива / Е.П. Белинская. – М.: Прометей, 2005. – 319 с.

32. Белинская, Е.П. Представления подростков о своем социальном будущем / Е.П. Белинская, И.В. Куликова // Мир психологии. – 2000. - № 4. – С. 135 – 147.
33. Бергсон, А. Длительность и одновременность / А. Бергсон. – М.: Добросвет, 2006. – 160 с.
34. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания: материя и память. М.: Московский клуб, 1992. - Т.1. – 328 с.
35. Березина, Т.Н. Пространственно-временные особенности мысленных образов и их связь с особенностями личности / Т.Н. Березина // Психол. журнал. – 1998. – Т. 19. - № 4. – С. 13-26.
36. Березина, Т.Н. Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности: автореф. дис. ... д-р психол. наук: 19.00.01 / Березина Татьяна Николаевна. – М., 2003. – 48 с.
37. Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
38. Беспалов, Б.И. Деятельностная концепция «психических и личностных ресурсов» субъекта труда / Б.И. Беспалов // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы Международной научно-практической конференции. Ставрополь-Москва: СевКафГТУ, 2006. – С. 51-54.
39. Бехтерев, В.М. Коллективная рефлексология / В.М. Бехтерев. – Петроград: Колос, 1921. С. 81-99.
40. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
41. Божович, Л.И. Развитие воли в онтогенезе // Л.И. Божович // Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – С. 302 – 332.
42. Бойко, Е.И. Время реакции человека / Е.И. Бойко. – М.: Медицина, 1964. – 440 с.
43. Болотова, А.К. Психология организации времени / А.К. Болотова. – М.: Аспект-пресс, 2006. – 254 с.
44. Болотова, А.К. Временная динамика Я-концепции в подростковом возрасте / А.К. Болотова, В.А. Штроо // Мир психологии. – 2002. - № 2. - С. 106 – 110.
45. Болотова, А.К. Время и личность. Временные измерения феноменов личности / А.К. Болотова, В.Д. Бекренев // Психология. – 2007. - №3. – С. 61-78.
46. Бороздина, Л.В. Возрастные изменения временной транспективы субъекта / Л.В. Бороздина, И.А. Спиридонова // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. - № 3. – С. 34-47.

47. Брагина, Н.Н. Функциональная асимметрия человека / Н.Н. Брагина, Т.А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1981. – 287 с.
48. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.
49. Братусь, Б.С. Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания / Б.С. Братусь // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – С. 284-298.
50. Brentano, F. Избранные работы. / Ф.Бrentано - М.:Русское феноменологическое общество, 1996. – 172 с.
51. Бусыгина, Н.П. Методологические основания качественных исследований в психологии: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Бусыгина Наталья Петровна. – 2010. – 235 с.
52. Бутусов, К.П. Время – физическая субстанция / К.П. Бутусов // Проблемы пространства и времени в современном естествознании. – Л., 1990. – С. 301-310.
53. Бюдженталь, Д. Наука быть живым / Д. Бюдженталь. – М.: Класс, 1998. – 336 с.
54. Бюлер, Ш. Что такое пубертатный период / Ш. Бюлер // Психология подростка. Хрестоматия / сост. Ю.И. Фролов. – М., 1997. – С. 9-19.
55. Васильев, И.А. Мотивация и контроль за действием / И.А. Васильев, М.ш. Магомед-Эминов. – М., 1991. – 144 с.
56. Василюк, Ф.Е. Типология переживаний различных критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. - №5. – С. 104-114.
57. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
58. Веккер, Л.М. О чувственном образе как изображении / Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов // Вопросы философии. – 1961. - № 4. – С. 47-59.
59. Вернадский, В.И. Проблема времени в современной науке / В.И. Вернадский // Известия АН СССР. – 1932. - № 4. – С. 511–541.
60. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. - М.: Наука, 1988. – 522 с.
61. Вилюнас, В.К. Психология развития мотивации / В.К. Вилюнас. – СПб.: Речь, 2006. – 458 с.
62. Владимиров, Ю.С. Пространство-время: явные и скрытые размерности / Ю.С. Владимиров. – М., 1989. – 191 с.
63. Вудроу, Г. Восприятие времени / Г. Вудроу // Экспериментальная психология. – М.: Изд-во «Иностранная литература». – 1963. – Т.2. – С. 859-875.

64. Вундт, В. Основы физиологической психологии. М., 1880. 589 с.
65. Выготский, Л.С. История развития высших психических функций / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 тт. Т. 3. – М: Педагогика, 1984. – С. 133-163.
66. Выготский, Л.С. Конкретная психология человека / Л.С. Выготский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1986. - № 1. – С. 53-59.
67. Гайденок, П.П. Проблема времени в хейдеггеровской онтологии / П.П. Гайденок // Вопросы философии. – 1915. - № 2. – С. 109-120.
68. Гальперин, П.Я. Введение в психологию / П.Я. Гальперин. – М.: Высшая школа, 2002. – 330 с.
69. Ганзен, В.А. Системное описание функционирования психики человека в актуальном времени / В.А. Ганзен // Вестник ЛГУ. Серия 6. Психологические науки. – 1986. – Вып. 1. – С. 62-69.
70. Гансвид, И.Н. Необратимость / И.Н. Гансвид. – М: Институт исследований природы времени, 2001. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.chronos.msu.ru/relectropublications.html>, доступ свободный.
71. Геллерштейн, С.Г. Чувство времени и скорость двигательной реакции / С.Г. Геллерштейн. – М.: Медгиз, 1958. – 148 с.
72. Гинзбург, М.Р. Психология личностного самоопределения: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Гинзбург Михаил Романович. – М., 1996. – 60 с.
73. Головаха, Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев, 1984. – 208 с.
74. Головаха, Е.И. Понятие психологического времени / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии. – М.: Наука, 1988. – С. 199-213.
75. Горбатов, С.В. Концепция собственного будущего как фактор регуляции своего социального поведения / С.В. Горбатов, Б.Д. Лыськов // Вестн. С.-Петербургского. ун-та. Сер.6. – 1992. - №1. – С. 70-72.
76. Григоровская, Н.Ю. Особенности осознаваемого и неосознаваемого компонентов личностной организации времени: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Григоровская Наталья Юрьевна. – М., 1999. – 167 с.
77. Григоровская, Н.Ю. Типологические особенности времени личности / Н.Ю. Григоровская // Психология личности. Новые исследования. – М., 1998. – С. 222-239.
78. Гусев, А.Н. Общая психология: в 7 т.: учебник для студентов высших учебных заведений. Т.2: Ощущение и восприятие / А.Н. Гусев / Под ред. Б.С. Братуся. – М.: Издательский центр "Академия", 2007. – 416 с.

79. Гусев, А.Н. Психологические измерения: Теория. Методы / А.Н. Гусев, И.С. Уточкин. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 319 с.
80. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль // Собр. сочинений. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. – 162 с.
81. Гуссерль, Э. Картезианские размышления. / Э. Гуссерль // – СПб.:Наука.ю Ювента, 1998. – 259 с.
82. Гюйо, М. Происхождение идеи времени. мораль Эпикура и её связь с современными учениями / М. Гюйо / Пер. И.К. Брусиловского, Н. Южина. – СПб.: Знание, 1899. – 376 с.
83. Джемс, У. Психология / У. Джемс. – М.: Педагогика, 1991. – 367 с.
84. Джерджен, К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / К.Дж. Джерджен. – Минск: БГУ, 2003. – 232 с.
85. Донцов, А.И. Проблема конфликта в западной социальной психологии / А.И. Донцов, Т.А. Полозова // Психологический журнал. – 1980. – Т.1. – № 1. – С. 4-7.
86. Душков, Б.А. Оценка времени в условиях камерных экспериментов / Б.А. Душков, Ф.П. Космолинский // Вопросы психологии. – 1968. - № 6. – С. 107–111.
87. Жане, П. Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека В. 2-х тт. / П. Жане. – М.: Начало, 1913. – 453 с.
88. Жог, В.И. Проблема реальности и статуса форм времени и пространства / В.И. Жог, В.А. Капке // Философские науки. – 1981. - № 2. – С. 34–42.
89. Забродин, Ю.М. Оценка временных интервалов при разном уровне тревожности / Ю.М. Забродин, Л.В. Бороздина // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1983. - № 4. – С. 46-53.
90. Завельский, Ф.С. Время и его измерение / Ф.С. Завельский. – М.: Наука, 1987. – 256 с.
91. Зейгарник, Б.В. Зарубежные теории личности / Б.В. Зейгарник. – М: Изд-во Московского ун-та, 1981. – 118 с.
92. Зинченко, В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили / В.П. Зинченко. – М., 1997. – 336 с.
93. Зинченко, В.П. Проблема объективного метода в психологии / В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили // Вопросы философии, 1977. - № 7. – С. 109-125.
94. Зинченко, В.П. Время действующее лицо / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2001. - № 6. – С. 36-54.
95. Зинченко, В.П. Человек в пространстве времен / В.П. Зинченко // Развитие личности. – 2002. - № 3. – С. 23-50.

96. Зинченко, В.П. Хронотоп // / В.П. Зинченко // Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 591-592.
97. Знаков, В.В. Субъект, личность психология человеческого бытия / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2005.
98. Иванников, В.А. Психологические механизмы волевой регуляции / В.А. Иванников. – СПб: Питер, 2006. – 208 с.
99. Иванников, В.А. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движению / В.А. Иванников. – М., 1978. – 112 с.
100. Иванников, В.А. Понятие личности в психологии / В.А. Иванников // Вопросы психологии. – 2012. - № 5. – С. 125-132.
101. Идентичность и организация в меняющемся мире: сб. науч. ст. / Под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. – М. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 328 с.
102. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Собр. соч. в 6 тт. Т. 6. – М: Мысль, 1966. – С. 349-587.
103. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Собр. соч. в 6 тт. Т.3. – М: Мысль, 1964. – 487 с.
104. Категория переживания в психологии и философии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.: Прометей, 2005. – 456 с.
105. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2009. – 301 с.
106. Квасова, О.Г. Трансформация временной перспективы личности в экстремальной ситуации / О.Г. Квасова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. - № 4. – С. 109-117.
107. Квасова, О.Г. К современному состоянию проблемы временной перспективы личности / О.Г. Квасова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. - № 5. – С. 137-141.
108. Квасова, О.Г. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации / О.Г. Квасова, Г.И. Кадук, М.Ш. Магомед-Эминов, А.Т. Филатов // Украинский Институт усовершенствования врачей. – Харьков, 1990. – 31 с.
109. Ковалёв, В.И. Особенности личностной организации времени жизни / В.И. Ковалёв // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 179-185.
110. Ковалёв, В.И. Категория времени в психологии (личностный аспект) / В.И. Ковалёв // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1988. – С. 216-230.

111. Ковалёв, В.И. Об индивидуальном жизненном хронотопе человека / В.И. Ковалёв // Психология личности и время жизни человека. – Черновцы, 1991. – С. 8-14.
112. Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. – М: Политиздат, 1967. – 383 с.
113. Корнилова, Т.В. Психология риска и принятия решений / Т.В. Корнилова. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 286 с.
114. Корнилова, Т.В. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. – СПб: Питер. – 2007.- 320 с
115. Костандов, Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие / Э.А. Констадов. – М.: Наука, 1983. – 171 с.
116. Кроник А.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути / А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров. – М: Смысл, 2003. – 284 с.
117. Кроник, А.А. Сколько вам лет: линии жизни глазами психолога / А.А.Кроник, Е.И.Головаха, А.Л.Пажитнов, М.А.Членов // Под ред. А.А.Кроника – М.: Школа-Пресс, 1993. – 109 с.
118. Крылов, Н.И. О намерениях старших школьников в отношении будущей профессии / Н.И. Крылов // Вопросы психологии нравственного развития школьников. – М: АПН СССР, 1962. – С. 14-46.
119. Кублицкене, Л.Ю. Организация времени личностью как показатель её активности / Л.Ю. Кублицкене // Гуманистические проблемы психологической теории. – М: Наука, 1995. – С. 185-191.
120. Кузьмина, О.В. Личностные особенности организации времени деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Кузьмина Ольга Викторовна. – М., 1993. – 19 с.
121. Кузнецова, О.В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков / О.В. Кузнецова // Психологическая наука и образование. – 2007. - № 3. – С. 5-15.
122. Лебедев, В. И. Личность в экстремальных условиях. / В.И.Лебедев – М.,1989. – 304 с.
123. Лебедев, В.М. Гносеологический аспект понятия времени / В.М. Лебедев, В.С. Степин // Вопросы философии. – 1970. - № 10. – С. 49-59.
124. Левин, К. Определение понятия «поле в данный момент» / К.Левин // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х годов XX века). – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
125. Лейбниц, Г.В. Монадология. Опыт рассмотрения динамики. / Лейбниц Г.В. // Сочинения в 4-х тт. – М.:Мысль, 1982.

126. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. - М: Политиздат, 1977. – 304 с.
127. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 4-е изд. - М: Мысль, 1981. – 584 с.
128. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. / Д.А. Леонтьев. – М: Смысл, 2003. – 487с.
129. Леонтьев, Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А. Леонтьев, Е.В. Щелобанова // Вопросы психологии. – 2001. - № 1. – С. 57-66.
130. Леонтьев, Д.А. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия / Д.А. Леонтьев. – 2004. - № 1(4). – С. 113-118.
131. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Перевод с фр. Н.А. Шматко / Ж.-Ф. Лиотар. – М: Алетейя, СПб, 1998. – 160 с.
132. Лисенкова, В.П. Об особенностях отражения пространства и времени человеком / В.П. Лисенкова // Психологический журнал. – 1981. – Т. 2. - № 1. – С. 113-119.
133. Лисица, И.А. Формирование и структурные характеристики актуальной временной зоны личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Лисица Ирина Анатольевна. – М., 2000. – 22 с.
134. Логинова, Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь / Н.А. Логинова // Принцип развития в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой – М., 1978. – С. 156-166.
135. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М., 1984. – 444 с.
136. Ломов, Б.Ф. Антиципация в структуре деятельности / Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков. – М: Наука, 1980. – 279 с.
137. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф. Лосев. – М: Искусство, 1963. – 600 с.
138. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1996. - № 4. - С. 26-35.
139. Магомед-Эминов, М.Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.01. / М.Ш. Магомед-Эминов – М., 2009. – 53 с.
140. Магомед-Эминов, М.Ш. и др. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. – Харьков, 1990а. – 32 с.

141. Магомед-Эминов, М.Ш. и др. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации. – М., 2004. – 143 с.
142. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивационная регуляция поведения // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности: тез. докл. II Всесоюзн. семинара молодых учен. Симферополь. – М., 1986. - С. 58-59.
143. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивация достижения: структура и механизмы: автореф. дисс. ... канд.психол.наук. - М., 1987а. – 24 с.
144. Магомед-Эминов, М.Ш. Позитивная психология человека. В 2-х тт. – М.: ПАРФ, 2007.
145. Магомед-Эминов, М.Ш. Психология уцелевшего. // Вестник МГУ. Сер. Психология. – 2005. - № 3. – С 3-19.
146. Магомед-Эминов, М.Ш. Психопатология смысла. // Психологи о мигрантах и миграции в России. Информационно-аналитический бюллетень №2. - М.: Российское общество Красного креста, 2001. - С.44-63
147. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоаналитическая ассоциация РФ, 1998. – 496 с.
148. Магомед-Эминов, М.Ш. Феномен экстремальности. – М., 2008. – 218 с.
149. Магомед-Эминов, М.Ш. Экстремальная психология. – М., 2006. - Т.2. – 576 с.
150. Мадди, С.Р. Теории личности – сравнительный анализ. Пер. с англ. / С.Р. Мадди. – СПб: Речь, 2002. – 486 с.
151. МакАдамс, Д. П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. - Т.3. Вып.3. - С.135-166.
152. Мамардашвили, М.К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1989. - № 7. – С. 112-118.
153. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию: 2-е изд. изм. и доп. / Под ред. Ю.П. Сенокосова / М.К. Мамардашвили. – М: Прогресс, Культура, 1992. – 416 с.
154. Мандрикова, Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е.Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. - № 4. – С. 54-65.
155. Марцинковская, Т.Д. Психология в современном мире / Т.Д. Марцинковская // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М: Издательство Института психологии РАН, 2007. – С. 33-44.
156. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу / Перевод с англ. А.М. Татлыбаевой. Вст. ст. Н.Н. Акулиной. – СПб: Евразия, 1999. – 478 с.

157. Международная классификация болезней (10-й пересмотр): Классификация психических и поведенческих расстройств: Клинические описания и указания по диагностике: Пер. на рус. яз. / Под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. – СПб.: Оверлайд, 1994. – 300 с.
158. Межжерин, В.А. Биологическое время и его метрика / В.А. Межжерин // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / Под ред. Н.И. Моисеевой. – Л., 1980. – С. 20–24.
159. Меринг, Т.А. Влияние разрушения гиппокампа на условные рефлексы на время / Т.А. Меринг, Е.И. Мухин // Журнал высшей нервной деятельности. – 1971. – Т. XXI. – Вып. 6. – С. 11-47.
160. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб., Ювента-Наука, 1999. – 608 с.
161. Мэй, Р. Открытие Бытия / Р. Мэй. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. – 224 с.
162. Миско, Е.А. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии ЧАЭС / Е.А. Миско, Н.В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2004. - № 3. – С. 44-52.
163. Митина О.В., Петровский В.А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов. //Мир психологии. - 2000. - № 4 (243).
164. Молчанов, В.И. Феноменологическое учение о времени и его современные интерпретации / В.И. Молчанов // Вопросы философии. – 1982. - № 12. – С. 136–144.
165. Молчанов, В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии / В.И. Молчанов. – М., 1998. – 144 с.
166. Молчанов, Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю.Б. Молчанов. – М., 1977. – 192 с.
167. Муздыбаев, К. Переживание времени в период кризисов / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2000. - № 4. – С. 5-21.
168. Муравьев, В.Н. Овладение временем / В.Н. Муравьев. – М.: РОССПЭН, 1998. – 320 с.
169. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов / В.С. Мухина. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 456 с.
170. Мухина, В.С. Проблемы генезиса личности. Учебное пособие по спецкурсу / В.С. Мухина. – М.: МП РСФСР МГПИ им. В.И. Ленина. – 1985. – 96 с.

171. Мясищев, В.Н. Сознание как отражение действительности и отношения к ней / В.Н. Мясищев // Проблемы сознания. – М., 1966. – С. 18-47.
172. Нестик, Т.А. Отношение к времени в малых группах и организациях./ Т.А. Нестик - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 296 с.
173. Нуркова, В.В. Свершенное продолжается. Психология автобиографической памяти личности / В.В. Нуркова. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
174. Нуркова В.В. Автобиографическая память: "сгущения" в субъективной картине прошлого / В.В. Нуркова, О.В. Митина, Е.В. Янченко // Психологический журнал. – 2005. - № 2. – С. 22-32.
175. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М., Наука, 1989. – 688 с.
176. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
177. Олпорт, Г. Личность в психологии / Г. Олпорт. – М.: «КСП+», СПб: «ЮВЕНТА», 1998. – 352 с.
178. Павлов, И.П. Полн. собр. соч. / И.П. Павлов. – М.: Академия наук СССР, 1951. – 4000 с.
179. Пантилеев, С.Р. Самоотношение // Психология самосознания. Хрестоматия по социальной психологии личности / Под ред. Д.Я.Райгородского / С.Р. Пантилеев. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2000. – С. 208-229.
180. Парменид, О природе / Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1 – М.: Наука, 1989. С.289-298
181. Партыко, Т.Б. Исследование критических интервалов как особенности отражения времени (психологические аспекты): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Партыко Татьяна Борисовна. – М., 1982. – 24 с.
182. Пергаменщик, Л.А. Прозрения раннего Выготского: выразительное и говорящее бытие /Л.А. Пергаменщик // Психология. – 2007. - № 2. – С. 32-42.
183. Петренко, В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке / В.Ф. Петренко // Психологический журнал. – 2002. - № 13. – С. 113-121.
184. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики. Изд. 2-е, доп / В.Ф. Петренко. – СПб: Питер, 2005. – 480 с.
185. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону, 1996. – 512 с.
186. Петровский, В.А. Активность субъекта в условиях риска: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Петровский Вадим Артурович. – М., 1977. – 18 с.

187. Петровский, В. А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.
188. Платон. Собрание сочинений: в 4-х тт. / Платон. – М.: Мысль, 1994.
189. Платонов, К.К. О системе психологии / К.К. Платонов. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
190. Плотин, Эннеады / Плотин. – К.: УИЦИММ-ПРЕСС, 1995-1996. – 865 с.
191. Подольный, Р.Г. Освоение времени / Р.Г. Подольный. – М.: Политиздат, 1989. – 143 с.
192. Пономарев, М.Ф. Об оценке, отмеривании и воспроизведении временных интервалов / М.Ф. Пономарев, Л.М. Голубева, В.П. Лисенкова // Проблемы восприятия пространства и времени. – Л., 1961. – С. 16-63.
193. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход / Под ред. А.Г. Лидерса, Ф.И. Барского, Д.А. Кутузовой. – М., 2004. - № 1. – 127 с.
194. Пригожин, И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. Изд. 3. / пер. с англ. Ю.А. Данилова / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 240 с.
195. Прихожан, А.М. Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых // Психологическая наука и образование. – 2009. - № 3. – С. 5-12.
196. Пузырей, А.А. Психология, психотехника, психагогика / А.А. Пузырей. – М.: Смысл, 2005. – 488 с.
197. Решетников, М.М. Уфимская катастрофа: особенности состояния, поведения и деятельности людей / М.М. Решетников, Ю.А. Баранов, А.П. Мухин, С.В. Чермянин // Психологический журнал АН СССР. – 1990. - № 1. – С. 95-101.
198. Решетников, М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. – СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. – 336 с.
199. Решикова, Т.Н. О межполушарных отношениях у больных хроническим алкоголизмом / Т.Н. Решикова // Журнал невропатологии и психиатрии. – М., 1981. - № 9. – С. 1371–1374.
200. Рикёр, П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. – М., СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
201. Роджерс, К. Клиент-центрированная психотерапия / К. Роджерс / Пер с англ. Т. Рожковой, Ю. Овчинниковой, Г. Пимочкиной. – М.: Апрель-пресс, Эксмо-пресс, 2002. – 512 с.

202. Розенова, М.И. Психосемантические аспекты отношения ко времени: дис.... канд. психол. наук: 19.00.01 / Розенова Марина Ивановна. – М., 1998. – 234 с.
203. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн // Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – С. 282-426.
204. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.
205. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр / Пер. с фр. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2004. – 639 с.
206. Селье, Г. Стресс без дистресса. / Г.Селье – М., Прогресс, 1979. – 124 с.
207. Сергиенко, Е.А. Развитие идей психологии субъекта А.В.Брушлинского. Системно-субъектный подход / Е.А. Сергиенко // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А.В.Брушлинского. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С.54-58.
208. Серенкова, В.Ф. Исследование проблем психологии времени / В.Ф. Серенкова // Методологические и теоретические проблемы современной психологии. – М., 1988. С. 89-99.
209. Серенкова, В.Ф. Типологические особенности планирования личностного времени / В.Ф. Серенкова // Гуманистические проблемы психологической теории. – М.: Наука, 1995. – С. 192-204.
210. Сеченов, И.М., Избранные произведения: 2-ое изд., Т. 1 / И.М. Сеченов. – М., 1958. – 774 с.
211. Сеченов, И.М. Избранные произведения: 2-ое изд. Т. 2. Физиология нервной системы / И.М. Сеченов. – М., 1958. – 994 с.
212. Скворцов, К.А. Соматопсихические расстройства / К.А. Скворцов // Сб. трудов института психиатрии АМН / Под ред. В.А. Гиляровского. – М.: изд-во АМН СССР, 1946. – С. 11-15.
213. Славская, А.Н. Гуманистические проблемы понимания и интерпретации / А.Н. Славская // Гуманистические проблемы психологической теории. – М., 1995. – С. 83-95.
214. Смирнов, С.Д. Образ мира как исходный пункт и результат любого познавательного процесса / С.Д. Смирнов // Психология образа: проблема активности психического отражения. – М.: МГУ, 1985. – 231 с.
215. Соколова, Е.Т. Проективные методы исследования личности / Е.Т. Соколова. – М.: МГУ, 1980. – 150 с.
216. Стрелков, Ю.К. Принципы и критерии оценивания временных интервалов / Ю.К. Стрелков // Материалы Всероссийской научно-практической конференции.

- «Современные проблемы прикладной психологии». Т. 1. – Ярославль, 2006. – С. 408-412.
217. Стрелков, Ю.К. Инженерная и профессиональная психология / Ю.К. Стрелков. – М.: Академия, 2001. – 360 с.
218. Стрелков, Ю.К. Экзистенциально-психологическая реконструкция переживания события: значение временной координаты / Ю.К. Стрелков // Материалы конференции к 125-летию Московского психологического общества. – М.: 2005. – С. 74-77.
219. Стрелков, Ю.К. Темпоральность трудовой деятельности / Ю.К. Стрелков // Национальный психологический журнал. – 2010. - № 2(4). – С. 87-91.
220. Сырцова, А. Методика Зимбардо по временной перспективе / А. Сырцова, Е.Т. Соколова, О.В. Митина // Психологическая диагностика. – 2007. - № 1. – С. 85-106.
221. Сырцова, А. Возрастная динамика временной перспективы личности: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.13 / Сырцова Анна. – 2008. – 317 с.
222. Тайсон, Ф. Психоаналитические теории развития /Ф.Тайсон, Р.Л. Тайсон - М.: Изд-во Деловая книга, 1998. – 528 с.
223. Тарабрина, Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
224. Тарабрина, Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2003. - № 4. – С. 5-18.
225. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 536 с.
226. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих // Символ. – 1992. – № 28. – С. 7-119.
227. Толстых, Н.Н. Некоторые особенности мотивации и временной перспективы детей-сирот из учреждений / Н.Н. Толстых // Психологическая наука и образование. – 2009. - № 3. – С. 33-43.
228. Толстых, Н.Н. Развитие индивидуального хронотопа в детстве и юности / Н.Н. Толстых // Вопросы психологии. – 2010. - № 2. - С. 30-45.
229. Толстых, Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез / Н.Н.Толстых. – Смоленск-Москва, 2009. – 312 с.
230. Торчинская, Е.Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу / Е.Е. Торчинская // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. - № 2. – С. 27-40.
231. Трубников, Н.Н. Время человеческого бытия / Н.Н. Трубников. – М.: Наука, 1987. – 255 с.

232. Тхостов, А.Ш. Культура и патология: побочные эффекты социализации / А.Ш. Тхостов, К.Г. Сурнов // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2006. – С. 187-204.
233. Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – М.: Наука, 1966. – 451 с.
234. Улитова, Е.С. Мотивационный анализ поведения личности во временном аспекте: автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01 / Улитова Елена Сергеевна. – М., 1988. – 21 с.
235. Ухтомский, А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
236. Фейгенберг, И.М. Взаимоотношения условной и ориентировочной реакции / И.М. Фейгенберг, В.А. Иванников // Вопросы психологии. – 1969. - № 5. – С. 37-47.
237. Фельдштейн, Д.И. Психология развития человека как личности. Избр труды: в 2-х тт. / Д.И.Фельдштейн. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – Т.1. – 568 с.; Т.2 – 456 с.
238. Фоменко, Г.Ю. Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия / Г.Ю. Фоменко // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы конференции 15-16 октября 2008 г. – М., Институт психологии РАН, 2008. – С. 216-220.
239. Франк, С.Л. Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк. – Минск: "Харвест" – М.: "АСТ", 2000. – 992 с.
240. Фрейд, З. Печаль и меланхолия // З. Фрейд / Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 211-231.
241. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд / Пер. с нем., сост., послесл. и коммент. А.А. Гугнина. – М.: Прогресс, 1992. – 569 с.
242. Фресс, П. Приспособление человека к времени / П. Фресс // Вопросы психологии. – 1961. - № 1. – С. 43-57.
243. Фресс, П. Восприятие и оценка времени / П. Фресс, Ж. Пиаже // Экспериментальная психология. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 6. – С. 88-130.
244. Фуко, М. Герменевтика субъекта / М. Фуко // Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
245. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 432 с.
246. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
247. Хомик, В.С. Отношение к времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения / В.С. Хомик, А.А. Кроник // Вопросы психологии. – 1988. – № 1. – С. 98-106.

248. Цискаридзе, М.А. Субъективная вероятность и время реакции / М.А. Цискаридзе, В.А. Иванников // Вопросы психологии. – 1973. - № 2. – С. 127-131.
249. Цуканов, Б.И. Фактор времени и природа темперамента / Б.И. Цуканов // Вопросы психологии. – 1999. - № 4. – С. 128-136.
250. Цуканов, Б.И. Время в психике человека / Б.И. Цуканов. – Одесса: АстроПринт, 2000. – 217 с.
251. Цуканов, Б.И. Анализ ошибки восприятия длительности / Б.И. Цуканов // Вопросы психологии. – 1985. - № 3. – С. 149-153.
252. Чудновский, В.Э. Смысл жизни и судьба / В.Э. Чудновский. – М: Изд-во «Ось», 1989. – 207 с.
253. Шиффман, Х.Р. Ощущение и восприятие / Х.Р. Шиффман. – СПб: Питер, 2003. – 928 с.
254. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
255. Эйнштейн, А. Сущность теории относительности / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов в 4-х тт. Т. 2. / Под ред. И.Е. Тамма, Я.А. Смородинского, Б.Г. Кузнецова. – М.: Наука, 1966. – С. 5-82.
256. Элькин Д.Г. Отсчёт времени в состоянии сна и гипноза / Д.Г. Элькин, Т.М. Козина // Бессознательное. – Тбилиси: Мецниерба, 1978. – Т.2. – С. 136-140.
257. Элькин, Д. Г. Восприятие времени / Д.Г. Элькин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 311 с.
258. Элькин, Д.Г. Восприятие длительности и временные особенности сенсомоторики / Д.Г. Элькин // Вопросы психологии. – 1968. - № 3. – С. 56-61.
259. Элькин, Д.Г. Восприятие времени как моделирование / Д.Г. Элькин // Восприятие пространства и времени. – Л.: Наука, 1969. – С. 76-79.
260. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 554 с.
261. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
262. Юрьева, Л.Н. Клиническая суицидология / Л.Н. Юрьева. – СПб: Питер, 2004. – 336 с.
263. Юрьева, Л.Н. Кризисные состояния / Л.Н. Юрьева // Днепропетровск, Арт-пресс, 1998. – 156 с.
264. Ярошевский, М.Г. История психологии от античности до середины XX в. Учебное пособие / М.Г. Ярошевский. – М., 1996. – 416 с.

265. Ярская, Б.Н. Развитие понятия времени / Б.Н. Ярская // Вопросы философии. – 1981. - № 3. – С. 157–160.
266. Atkinson, J.W. & Raynor, J.O. (1974). *Motivation and Achievement*. Washington: D.C. Vol. II. Winston. – 479 p.
267. Abbe, M. (1937). The temporal effect upon the perception of space // *Japanese Journal of Mental Psychology*. – V. 4. – P. 83-93.
268. Affleck, G., Tennen, H., & Gershman, K. (1985). Cognitive adaptation to high-risk infants: The search for mastery, meaning, and protection from future harm // *American Journal of Mental Deficiency*. – V. 89. – P. 653-656.
269. Allakhverdov, V., Ivanov, M. (2008). In Search a Rational Answer to a Postmodernist Question // *Culture & Psychology*. – V. 14 (1). – P. 71-79.
270. Ames, A. (1946). Binocular vision as affected by relations between unocular stimulus-patterns in commonplace environment // *American Journal of Psychology*. - № 59. – P. 333-357.
271. Arlin, M. (1989). The effects of physical work, mental work, and quantity on children's time perception // *Perception Psychophysics*. – V. 45. – P. 209-214.
272. Atkinson, J.W. (1981). Personality and motivation // *American Psychologist*. – Vol. 36. - № 2. – P. 117-128.
273. Baddeley, A.D. (1966). Time-estimation at reduced body temperature // *American Journal of Psychology*. – V. 79. – P. 475-479.
274. Atkinson, J.W. (1964). *An introduction to motivation*. – New Jersey. – 360 p.
275. Baider, L., Sarell, M. Coping with cancer among Holocaust survivors in Israil. An exploratory study // *Journal of Human Stress*. – 1984. – V. 10. - № 3. – P. 121-127.
276. Baumeister, R.F. (1991). *Meaning of life*. – NY: Guilford. – 426 p.
277. Bettelheim, B. (1960). *The Informed Heart: Autonomy in a Mass Age*, The Free Press, Glencoe, Ill. – The Free Press. – 309 p.
278. Block, R.A. (1990). Models of psychological time // In R.A. Block (Ed.). *Cognitive models of psychological time*. – Hillsdale N.J.: Lawrence Erlbaum. – P. 1-35.
279. Bobko, D.J., Bobko, P., & Davis, M.A. (1986). Effect of visual display scale on duration estimates // *Human Factors*. – V. 28. – P. 153-158.
280. Bonanno, G.A. et al. (2003). Predicting the willingness to disclose childhood sexual abuse from measures of repressive coping and dissociative experiences // *Child Maltreatment*. - № 8. – P. 1-17.
281. Bonanno, G.A. et al. (2005). Resilience to Loss in Bereaved Spouses, Bereaved Parents, and Bereaved Gay Men // *Journal of Personality and Social Psychology*. – V. 88. - № 5. – P. 827-843.

282. Bonanno, G.A. et al. (2002). Resilience to loss and chronic grief: A prospective study from pre-loss to 18 months post-loss // *Journal of Personality and Social Psychology*. – V. 83. – P. 1150 – 1164.
283. Bower, J.E., Kemeny, M.E., Taylor, S.E., & Fahey, J.L. (1998). Cognitive processing, discovery of meaning, CD 4 decline, and AIDS-related mortality among bereaved HIV-seropositive men // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – V. 66. – P. 979-986.
284. Brewin, C.R., Dalglais, T., & Joseph, S. (1996). A dual representation theory of posttraumatic stress disorder // *Psychological Review*. – V. 103. – P. 670-686.
285. Brewin, C.R. & Holmes, E.A. (2003). Psychological theories of posttraumatic stress disorder // *Clinical Psychological Review*. - № 23. – P. 1041-1065.
286. Brown R., Kulik, J. (1977). Flashbulb memories // *Cognition*. - № 5. – P. 73-99.
287. Buehler, R., McFarland, C. (2001). Intensity bias in affective forecasting the role of temporal focus // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – V. 27. – P. 1480-1493.
288. Buffardi, L. (1971). Factors affecting the filled-duration illusion in the auditory, tactual, and visual modalities // *Perception Psychophysics*. – V. 10. – P. 292-294.
289. Buhler, Ch. (1933). *Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem*. – Leipzig. – 336 p.
290. Carstensen, L.L. & Lang, F.R. (1996). *Future Time Perspective Scale*. Unpublished manuscript. – Stanford University.
291. Carstensen, L.L., Isaacowitz, D.M. & Charles, S.T. (1999). Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity // *American Psychologist*. – V. 54. – P. 165-181.
292. Carstensen L.L., Fung, H.H., & Charles, S.T. (2003). Socioemotional Selectivity Theory and the Regulation of Emotion in the Second Half of Life // *Motivation and Emotion*. – V. 27. – P. 103-123.
293. Christensen, J.P., & Huang, Y.L. (1979). The auditory tau effect and memory for pitch // *Perception & Psychophysics*. – V. 26. – P. 489-494.
294. Cohen J., Hansel, C.E.M., & Sylvester, J.D. A new phenomenon in time future. – *Nature*. - № 172. – P. 901-903.
295. Cohen J., Hansel, C.E.M., & Sylvester, J.D. (1955). Interdependence in judgments of the movement. – *Acta Psychologica*. - № 11. – P. 360-372.
296. Cottle, T.J. (1976). *Perceiving time: a psychological study with men and women*. – New York: Willey. – 267 p.
297. Gjesme, T. The concept of future time orientation: consideration of some functions and implications // *International Journal of psychology*. – 1983. – V. 5. – P. 443-662.

298. Dalglaiash, T. (2004). Cognitive Approaches to Posttraumatic Stress Disorder. The Evolution of Multirepresentational Theoretizing // *Psychological Bull.* – Vol. 130. – № 2. – P. 228-260.
299. Dalglaiash, T. (1999). Cognitive Theories of PTSD // In W.Yule (Ed.) *Post-traumatic Stress Disorder: Concept and therapy.* – Chichester, England: Wiley. – P. 193-220.
300. Danieli, Y. (1991). Treating Survivors and Children of the Nazi Holocaust // *Post-Traumatic Therapy* Ed. F.Ochberg. – P. 278-294.
301. DeLong, A.J. (1981). Phenomenological space-time: Toward an experimental relativity. *Science.* - № 213. – P. 681-683.
302. Denzin, N.K., Lincoln, Y.S. (2005). *The sage handbook of qualitative research: 3-d edition.* – 1210 p.
303. Deci, E., Ryan R. A motivational approach to self: Integration in personality // *Perspectives on motivation /* Ed. R. Dienstbier. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1991. – V. 38. – P. 237-288.
304. *Diagnostic and statistical manual of mental disorders (2000).* Fourth edition. Text revision. DSM-IV-TR // American Psychiatric Association Washington, D.C. – 943 p.
305. Doob, L.W. (2000). *Patterning of time.* – Yale University Press. – 472 p.
306. Foa, E.B., & Meadows, E.A. (1997). Psychosocial treatments for posttraumatic stress disorder: A critical review // *Annual Review of Psychology.* – V. 48. – P. 449-480.
307. Foa, E.B., Rothbaum, B.O., Riggs, D., & Murdock, T. (1991). Treatment of posttraumatic stress disorder in rape victims: A comparison between cognitive-behavioral procedures and counseling // *Journal of Consulting and Clinical Psychology.* – V. 59. – P. 715-723.
308. Foa, E.B., Rothbaum, B.O. (1989). Behavioral psychotherapy for post-traumatic stress disorder // *International Rev.of Psychiatry.* – V. 1. – P. 219-226.
309. Fraisse, P. (1957). *Psychologie du temps.* – Paris: Presses universitaires de France. – 328 p.
310. Fraisse, P. (1963). *The psychology of time.* – Westport: Greenwood. – 264 p.
311. Frank, L.K. (1939). Time perspectives // *Journal of Social Philosophy.* - № 4. – P. 293-312.
312. Freud, S. (1958). Remembering, Repeating and working through // In *Standard Edition.* Vol. 12 / J. Strachey. – London: Hogarth Press. – P. 147-156.
313. Gomez, L.M., & Robertson, L.C. (1979). The Filled-duration-illusion: The function of temporal and nontemporal set // *Perception Psychophysics.* – V. 25. – P. 432-438.
314. Gergen, K.J. (1992). The decline and fall of personality // *Psychology Today.* – V. 25(6). – P. 59-63.

315. Gergen, K.J. (1991). *The Saturated Self*. – New York: Basic Books. – 298 p.
316. Gjesme, T. (1983). On the concept of future-time orientation. Consideration of some functions' and measurements' implications // *International Journal of Psychology*. – V. 5. – P. 443-462.
317. Gjesme, T. (1996). *Future-time Orientation and Motivation* // T. Gjesme, R. Nygerd (Eds.) *Advances in Motivation*. – Oslo – Stockholm – Copenhagen – Oxford – Boston: Scandinavian University Press. – P. 210-222.
318. Helson, H., & King, S.M. (1931). The tow-effect. An example of psychological relativity // *Journal of Experimental Psychology*. – V. 14. – P. 202-218.
319. Herman, J.L. (1997). *Trauma and recovery*. – N.Y.: Basic books. – 290 p.
320. Hogan, H.W. (1978). A theoretical reconciliation of competing views of time perception // *American Journal of Psychology*. – V. 91. – P. 417-428.
321. Horowitz, M.J. (1986). *Stress response syndromes (2-d ed.)*. – New York: Jason Aronson. – 358 p.
322. Janoff-Bulman, R. (1989). Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // *Social Cognition*. – V. 7. – P. 113-136.
323. Janet, P.M.-F. (1889). *L'Automatisme psychologique, essai de psychologie expérimentale*. – Paris: Alcan. – 464 p.
324. Janet, P.M.-F. (1898). *Névroses et idées fixes. Tome I. Études expérimentales sur les troubles de la volonté, de l'attention, mémoire, sur les emotions, les idée obsédantes et leur traitement*. – Paris: Felix Alcan. – 532 p.
325. Kastenbaum, R. (1986). *Death, society and human experience*. – St Luis: Mosby Co – 113 p.
326. Kelly, G.A. (2001). *The psychology of personal constructs* // *Clinical diagnosis and psychotherapy*. – Routledge. – P. 46-95.
327. Kvassova, O. *Time Perspective in Psychic Trauma* // *International Congress of Psychology (Capetown, South Africa, 22–27 July 2012)*. Abstracts, published under the auspices of the International Union of Psychological Science (IUPsyS), Psychology Press. – P. 773.
328. Kobasa, S., Maddi, S., Kahn, S. (1982). Hardiness and health: A prospective study // *Journal of Personality and Social Psychology*. – V. 42. – P. 164-170.
329. Kristofferson, A.B. (1967). Attention and psychophysical time // *ActaPsychologica*. – Vol. 27. – P. 92-100.
330. Lagrange, J.L. (1796). *Theorie des fonctions analytiques*. – Paris: Imprimeriesde la Republique. – 223 p.

331. Lazarus, R.S. (1999). *Stress and emotion: A new synthesis*. – Free Associated books. – 320 p.
332. Lehman, H.C. (1954). Man's creative production rate at different ages and different countries // *Scientific monthly*. – Vol. 78. – P. 34-38.
333. Lens, W. A multi-dimensional questionnaire measure of time perspective // XXVI International congress of psychology (Montreal, Canada, 16-21 August 1996).
334. Lens, W., Moreas, M.A. (1994). Future-time perspective: an individual and a societal approach // *Psychology of future orientation* / Ed. Zaleski Z. – Lublin. – P. 23-38.
335. Lewin, K. (1935). A dynamic theory of the feeble-minded // In: K. Lewin (Ed.) *Dynamic theory of personality*. – New York & London: McGraw-Hill Book Company. – P. 194-238.
336. Lewin, K. (1942). Time perspective and morale // In: G. Watson (Ed.) *Civilian morale*. – Boston: Houghton Mifflin. – P. 48-70.
337. Lewin, K. (1943). Defining the field at a given time // *Psychological Review*. – V. 50. P. 292-310.
338. Lommel, P. van (2006). Near-death experience, consciousness, and the brain: a new concept about the continuity of our consciousness based on recent scientific research on near-death experience in survivors of cardiac arrest // *World Futures*. - № 62. – P. 134-151.
339. Maddi, S.R. (2002). The story of hardiness: twenty years of theorizing, research and practice // *Consulting psychology journal*. - № 54. – P. 173-185.
340. Maddi, S.R., Khoshaba, D.M. (1994). Hardiness and Mental Health // *Journal of Personality Assessment*. – 63, 2. – P. 265-274.
341. Magomed-Eminov, M.S. (1997). Post-traumatic stress disorders as a loss of meaning of life // *States of mind* / D. Halpern & A. Voiskunsky. – Oxford University Press. – P. 238-250.
342. Marcia, J.E. (1980). Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / Ed. by J. Adelson. – N.Y.: John Wiley. – P. 213-231.
343. Markus, H., Nurius, P. (1987). Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept // In Yardley, K., Honess, T. (Eds) *Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. – Wiley. – P. 157-172.
344. Mazzoni, G., Vannucci, M. (2007). Hindsight bias the misinformation effect, and false autobiographical memories // *Social Cognition*. – Vol. 25. – P. 203-220.
345. McAdams, D.P. (1980). A thematic coding system for the intimacy motive // *Journal of Research in Personality*. – Vol. 14. – P. 412-432.
346. Minkowsky, E. (1933). *Le temps vecu* // *Coll. De l'Evolution Psychiatrique*. Paris – Vol. 1. – P. 398.

347. Noyes, R., Kletti, R. (1977). Panoramic memory: a response to the threat of death // *Omega*. - № 8. – P. 181-194.
348. Newby-Clark, I.R., Ross, M. (2003). Conceiving the past and future // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – Vol. 29. – P. 807-818.
349. Nuttin, J. (1985). Le fonctionnement de la motivation humaine // *L'Orientation Scolaire et Professionnelle*. - № 14 (2). – P. 91-103.
350. Nuttin, J. (1977). Time perspectives in human motivation and learning // *Acta psychologica*. - № 23. – P. 60-84.
351. Nuttin, J., & Lens, W. (1985). Future time perspective and motivation: Theory and research method. – Leuven & Hillsdale, NJ: Leuven University Press & Erlbaum.
352. Power, M. & Dalgleish, T. (2007) *Cognition and emotion: from order to disorder*. – Hove. UK: Psychology press. – 456 p.
353. Raynor, J.O. (1976). Future orientation, self-evaluation, and motivation for achievement. Unpublished manuscript. – State University of New York, Buffalo.
354. Rubin, D.C., Berntsen, D. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory & Cognition*. – V. 32. - № 3. – P. 427-442.
355. Sanitioso, R.B. (2008). Motivated self and recall: visual perspectives in remembering past behaviors // *European Journal of Social Psychology*. – Vol. 38. – P. 566-575.
356. Shiffman, H.R. & Bobko, D.J. (1974). Effects of stimulus complexity on perception of brief temporal intervals // *Journal of Experimental Psychology*. – V. 103. – P. 156-168.
357. Seligman, M., Csikszentmihalyi, M. (2000) *Positive Psychology: An Introduction* // *American Psychologist*. – V.1 (55). – P. 5-14.
358. Selye, H.A. (1956) *The stress of life*. – N.Y., – 516 p.
359. Stroebe, R.O., Hansson, W., Stroebe, H., Schut (Eds.). (2001). *Handbook of bereavement research: Consequences, coping and care*. – Washington, DC: American Psychological Association. – P. 405-429.
360. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior // In: S.Worchel & W.G. Austin (Eds.). *The psychology intergroup relations*. – Chicago: Nelson Hall. – P. 7-24.
361. Tedeschi, R.G., Calhoun, L.G. (1996). The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma // *Journal of Traumatic Stress*. – V. 9. – P. 455-471.
362. Van der Kolk, B.A., Brown P., & van der Hart, O. (1989). Pierre Janet on post-traumatic stress // *Journal of Traumatic Stress*. – V. 2. – P. 365-378.

363. Wilson, J.P., Krauss, G. (1985). Predicting PTSD among Vietnam veterans // Post-traumatic stress disorder and the war veteran patient / Ed. by W.E. Kelly. – N.Y. – P. 102-147.
364. Woodrow, H. (1928). Behavior with respect to short temporal stimulus forms // Journal of Experimental Psychology. – V. II. – P. 167-193; 259-280.
365. Woodworth, R.S. (1918). Dynamic psychology. – N.Y.: Columbia Univ.Press. – 210 p.
366. Zielke, B., Straub, J. (2008). Culture, psychotherapy, and the diasporic self as transitoric Identity: A reply to social constructionist and postmodern concepts of narrative psychotherapy // T. Sugiman, K.J. Gergen, W. Wagner and Y. Yamada // Meaning in action: constructions, narratives and representations. – Springer. – P. 49-73.
367. Zimbardo, P.G., Boyd, J. (1999). The time paradox. The new psychology of time that will change your life. – N.Y., London, Toronto, Sydney: Free Press. – 378 p.
368. Zimbardo, P.G., Sword, R. (2012). Overcome PTSD with new psychology of time perspective therapy. – N.Y.: Willey. –310 p.
369. Zimbardo, P.G., Boyd, J.N. (1999). Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric // Journal of personality and social psychology. – Vol. 77. – P. 1271-1288.
370. Zisook, S., Shuchter, S. (1993). Uncomplicated Bereavement // Journal of Clinical Psychiatry. - № 54. – P. 365-372.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Таблица 1. Различия частотных проявлений (в %) характеристик смысловой интенциональности у испытуемых с первой и второй инструкцией. Стр. 102.
2. Рисунок 1. «Оценка длительности временного интервала в группах с разным типом инструкции». Стр. 104.
3. Рисунок 2. Смысловые интенциональности и временные модусы. Стр. 115.
4. Таблица 2. Сравнение групп с высоким и низким значениями посттравматического роста по временным модусам. Стр. 117.
5. Таблица 3. Сравнение групп с высоким и низким значениями посттравматического роста по смысловым интенциям. Стр. 118.
6. Таблица 4. Представленность временных модусов в группах с низким и высоким значением по посттравматическому росту. Стр. 118.
7. Таблица 5. Сравнение смысловых интенциональностей в 3 группах: 1) ветеранов-афганцев, 2) военнослужащих, заканчивающих службу в Чечне; 3) людей в повседневной ситуации. Стр. 121.
8. Таблица 6. Сравнение предметных и экзистенциальных смыслов в повседневной и экстремальной ситуации. Стр. 122.
9. Таблица 7. Сравнение предметных и экзистенциальных смыслов в повседневной и экстремальной ситуации по критерию Пирсона. Стр. 122.
10. Таблица 8. Соотношение временных модусов в повседневной и экстремальной ситуации. Стр. 123.
11. Таблица 9. Сравнение временных модусов в повседневной и экстремальной ситуации по критерию Пирсона. Стр. 123.
12. Таблица 10. Сравнение частоты проявлений темы смерти, «конечности» у людей в повседневной и экстремальной ситуациях. Стр. 124.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ИНТЕНЦИЙ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Приложение 1.1 Инструкция к экспериментальной процедуре

Инструкция 1. «Я прошу Вас принять участие в выполнении одного задания. Пока я сообщу Вам, что нужно сделать, Вы можете походить здесь в свободном режиме, расслабиться, почувствовать, что Вы как будто парите. Когда, по-Вашему мнению пройдет одна минута, сообщите, пожалуйста, что минута окончилась. После этого испытуемого приглашают сесть за стол и дают задание:

Напишите, пожалуйста, что Вы при этом переживали.

После этого, на что похожа эта ситуация. Какие мысли и ассоциации у Вас возникли

Затем та же процедура повторяется, но испытуемого просят перемещаться по коридору, а потом в огороженном квадрате (площадь – 1 кв.м.).

Инструкция 2. Я прошу Вас принять участие в выполнении одного задания.

Пока я сообщу вам, что нужно сделать, Вы можете походить здесь по комнате в свободном режиме, расслабиться, почувствовать, что Вы как будто парите.

Экспериментатор засекает время и прерывает испытуемого через 1 мин., затем спрашивает о том, сколько времени прошло.

Далее испытуемого просят описать свои переживания, мысли, чувства:

Напишите, пожалуйста, что Вы при этом переживали

После этого, на что похожа эта ситуация. Какие мысли и ассоциации у Вас возникли

Затем та же процедура повторяется, но испытуемого просят перемещаться по коридору, а потом в огороженном квадрате (площадь – 1 кв.м.).

Приложение 1.2. Основные результаты статистической обработки

Таблица 1.1 Примеры эмпирических референтов категорий смысловой интенциональности.

Характеристики смысловой интенциональности	Эмпирические референты
Ограничение возможностей	как будто лифт застрял с кучей народа, и перемещаться почти невозможно. Клетка. Или как будто, как в детстве – брат запер меня в ванной комнате, боязнь, тревога, ожидание, скованность, зажатость, сужение пространства, зверь в клетке
Неограниченные возможности	«отбросила» все мысли и представила себе, что я в приятном месте, отдыхаю, свобода
Стазис	Чувство замкнутости на чем-то, заикленность, покой, скука, смотрел на стену, ждал
Экстазис	Настроение было прекрасным, восторженным. Хотелось спеть или станцевать, но я испытала смущение, морские приключения, прыжок в воду со скалы, парение
Позитивные	Попыталась расслабиться и мне это удалось, думала о том, что счастлива сегодня; радость, защищенность, интерес, спокойствие, наслаждение хождением, выход на свободу заключенных
Негативные	Почему-то в голове всплыла фраза: «шаг влево, шаг вправо – расстрел». стремление к разрушению препятствий, суд, запрет
Амбивалентные	Странная ситуация – с одной стороны, речь экспериментатора о том, что я могу расслабиться и отдохнуть, а с другой, - это пространство размером, наверное, 1 кв.м. совершенно не способствовало ни отдыху, ни расслаблению.
Вовлеченности в ситуацию	Мое внимание привлекла пыль на дальней парте, захотелось ее смахнуть
Выход за пределы ситуации	Думала о том, что нужно сделать после окончания эксперимента
Созерцание	чувство защищенности, большее расслабление, чем в предыдущих ситуациях.
Действие	В какой-то момент у меня возникла ассоциация с вертикальным солярием, потому что я там тоже марширую, чтобы не затекали ноги и отсчитываю секунды до конца.
Работа личности	Мысли, что это испытание, и я хочу его выдержать, не избегая, то есть не смотреть в окно. От этого чувства возбуждения и сердцебиения. Как будто это приключение. ситуация испытания, поиск смысла, анализ ситуации, развитие

Таблица 1.2 Частота тем высказываний испытуемых из групп с инструкцией №1 и №2 после трех ситуаций: 1) свободной, 2) «коридор», 3) «квадрат» в %.

Тип инструкции тема	Свободное перемещение (ситуация 1)		«Коридор» (ситуация 2)		«Квадрат» (ситуация 3)	
	2	1	2	1	2	1
Неограниченные возможности	50	25	70	87,5	100	100
Ограниченные возможности	50	75	30	12,5	0	0
позитивные	90	37,5	20	12,5	40	0
негативные	10	50	60	75	50	75
амбивалентность	0	12,5	20	12,5	0	25
Вовлечение в ситуацию	70	87,5	80	62,5	70	37,5
Выход из ситуации	30	12,5	20	37,5	30	62,5
действия	20	0	20	12,5	30	12,5
Созерцание	30	25	60	50	50	62,5
работа над собой,	50	75	20	37,5	20	25
Стазис	60	75	80	75	60	75
экстазис	40	25	20	25	40	0

Таблица 1.3 Значимость различий характеристик смысловой интенциональности между испытуемыми с первой и второй инструкциями в ситуациях «свободное перемещение» и «коридор»

	ограничение возможностей	неограниченные возможности	стазис	экстазис	позитивные возможности	негативные возможности	амбивалентные	вовлеченность в ситуацию	выход из ситуации	созерцание	действие	работа личности
Различия между 1 и 2 инструкц. в ситуации свободного	,025*	,004**	Не знач	Не знач	,000***	,000***	,001**	Не знач	,010*	Не знач	,000***	,025*
Различия между 1 и 2 инструкциями в ситуации «квадрат»	Не знач	Не знач	Не знач	,000***	,000***	,025*	Не знач	,002**	,001**	Не знач	,010*	Не знач
Инструкция №1 Различия между 1 и 3 ситуациями	,059*	,0001***	Не знач	,000***	,000***	,025*	,052*	,000***	,000***	,000***	,001**	,000**
Инструкция 2 Различия между 1 и 3 ситуациями	,000**	,000***	Не знач	Не знач	,000***	,000***	Не знач	Не знач	Не знач	,025*	Не знач	,000**

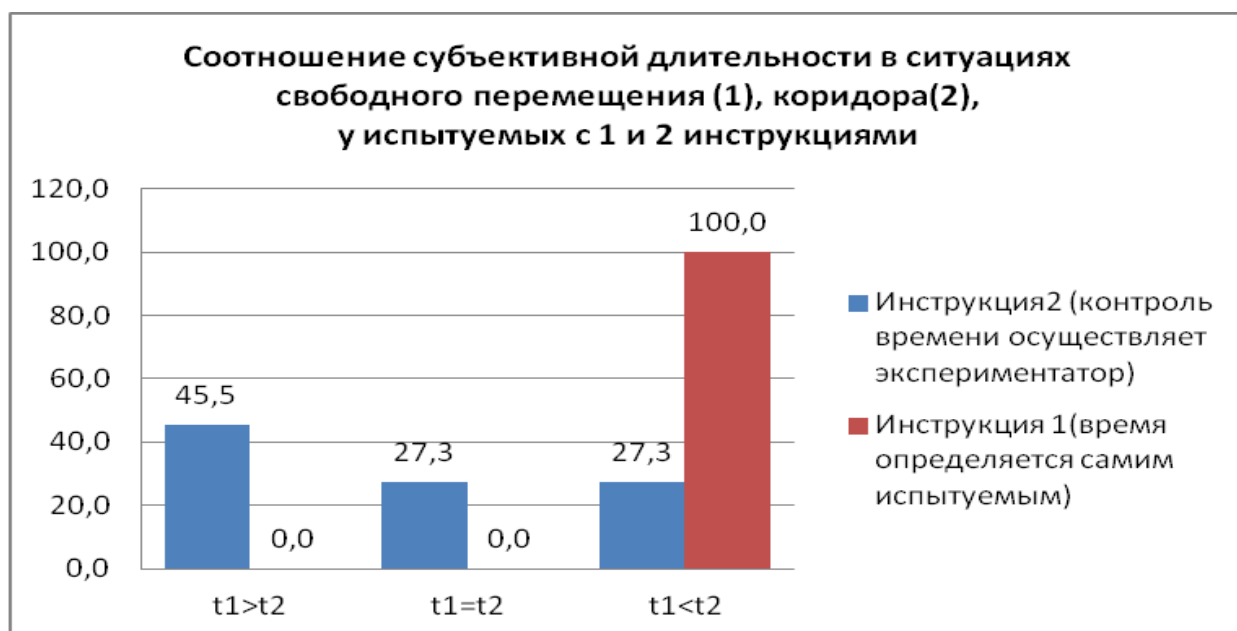

Таблица 1.4 Проверка статистических гипотез о значимости различий оценки временных интервалов в ситуациях свободного перемещения, коридора и квадрата у испытуемых с инструкцией №1 и №2

	Средняя оценка длительности временного интервала (Me)	
	при инструкции №1	при инструкции №2
Свободное перемещение	68,5	120
«Коридор»	80	65
Значение p (по критерию U Манна-Уитни)	,045*	,037*
«Коридор»	80	65
«Квадрат»	97,4	75
P	,597	,658
Свободное перемещение	68,5	120
«Квадрат»	97,4	75
P	,05*	,037*

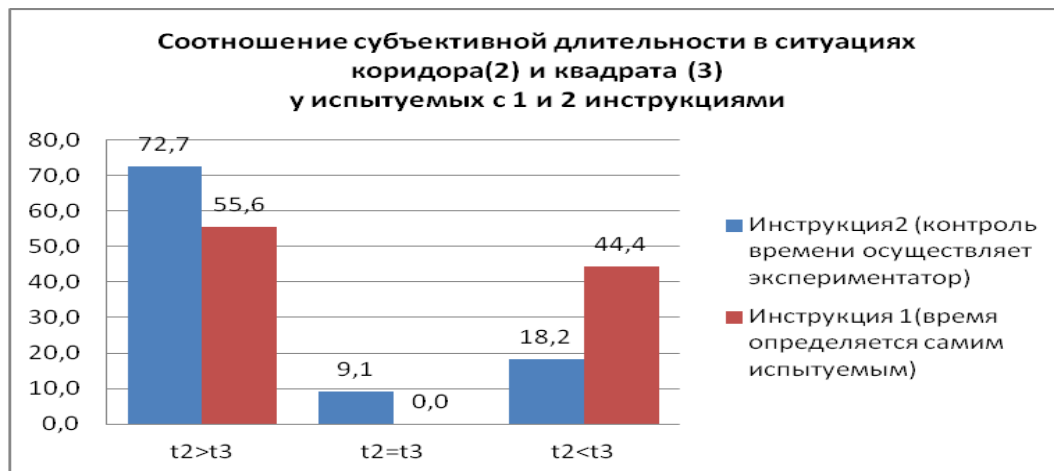
*уровень значимости равен ,05

Гистограмма 1.1 Соотношение оценок длительности временных интервалов в ситуациях свободного перемещения и коридора у испытуемых с разным типом инструкций

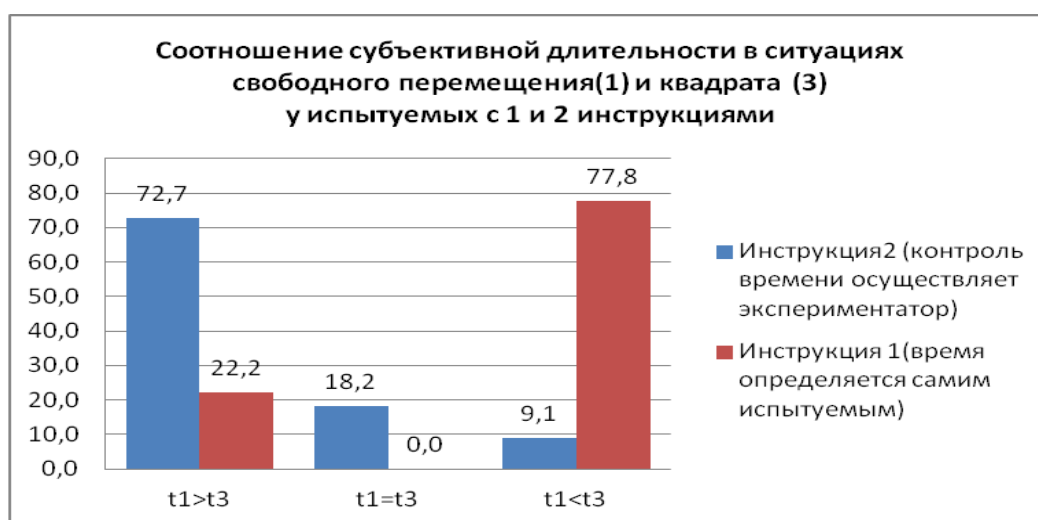
где $t_1 > t_2$ - оценка длительности интервала при свободном перемещении больше, чем при нахождении в коридоре; $t_1 = t_2$ оценки длительности интервалов при свободном перемещении и в коридоре равны; $t_1 < t_2$ - оценка длительности интервала при свободном перемещении меньше, чем в коридоре

Гистограмма 1.2 Соотношение оценок длительности временных интервалов в ситуациях коридора и квадрата у испытуемых с разным типом инструкций

где $t_2 > t_3$ - оценка длительности интервала при нахождении в коридоре больше, чем в квадрате; $t_2 = t_3$ оценки длительности интервалов в коридоре и квадрате равны; $t_2 < t_3$ - оценка длительности интервала в коридоре меньше, чем при нахождении в квадрате

Гистограмма 1.3 Соотношение оценок длительности временных интервалов в ситуациях свободного перемещения и квадрата у испытуемых с разным типом инструкций

где $t_1 > t_3$ - оценка длительности интервала при свободном перемещении больше, чем в квадрате; $t_1 = t_3$ оценки длительности интервалов при свободном перемещении и в квадрате равны; $t_1 < t_3$ - оценка длительности интервала при свободном перемещении меньше, чем в квадрате

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ

Приложение 2.1 Методика неоконченных предложений (модификация М.Ш.Магомед-Эминова).

А теперь предлагаем Вам короткое задание, в котором приводится ряд незаконченных предложений. Мы просим Вас закончить, завершить их до осмысленных предложений любым способом, который приходит на ум. Не думайте долго, давайте тот ответ, который первым придет Вам в голову.

Я хочу...

Я мечтаю...

Иногда мне кажется...

Я не хочу...

Временами я думаю...

После Афганистана я понял...

Я опасаясь...

Когда я думаю о прошлом...

Я надеюсь...

Главное для меня сейчас это...

Я всё-таки смогу...

Когда я думаю о будущем...

Когда я думаю о смысле жизни ...

Приложение 2.2 Опросник посттравматического роста (ОПТР) Тадеша и Калхауна (Tedeschi & Calhoun, 1996), адаптированный М.Ш. Магомед-Эминовым

Инструкция. Оцените для каждого нижеследующего утверждения степень, в которой соответствующее изменение произошло в Вашей жизни вследствие Вашего кризиса (или исследователь дает специфическое описание кризисной ситуации), используя следующую шкалу.

Шкала оценок. Оцените нижеследующие утверждения, используя следующую шкалу оценок.

0 = во мне не произошло **никаких** перемен после этой ситуации.

1 = во мне произошли перемены в **очень малой степени** после этой ситуации.

2 = во мне произошли перемены в **малой степени** после этой ситуации.

3 = во мне произошли перемены в **умеренной степени** после этой ситуации.

4 = во мне произошли перемены в **большой степени** после этой ситуации.

5 = во мне произошли перемены в **очень большой степени** после этой ситуации.

	У меня поменялись жизненные приоритеты.	
	Я гораздо лучше понимаю ценность собственной жизни.	
	У меня появились новые интересы.	
	Я чувствую большую уверенность в себе.	
	Я стал лучше понимать духовные проблемы.	
	Я нахожу, что я больше рассчитываю на людей в трудную минуту.	
	Я направил свою жизнь по новому пути.	
	Я испытываю большую близость с окружающими.	
	Я более охотно выражаю свои эмоции.	
	Я лучше понимаю, что могу справиться с трудностями.	
	Я могу сделать свою жизнь лучше.	
	Я в большей степени способен принимать вещи такими, какие они есть.	
	Я могу больше ценить каждый день своей жизни.	
	У меня появились возможности, которые не были мне доступны.	
	У меня появилось больше сострадания к людям.	
	Я трачу больше усилий на налаживание взаимоотношений.	
	Я с большей вероятностью попытаюсь изменить то, что нуждается в изменении.	
	Я стал более религиозным.	
	Я обнаружил, что я сильнее, чем я полагал.	
	Я много узнал о том, какими бывают замечательными люди.	
	Я стал больше признавать, что нуждаюсь в других людях	

Обработка и интерпретация данных

Данная методика включает в себя пять шкал: отношение к другим (ОД), новые возможности (НВ), сила личности (СЛ), духовные изменения (ДИ), повышение ценности жизни (ПЦ). Для определения посттравматического роста в пределах указанных шкал пользуются специальным ключом: **ОД** – 6, 8, 9, 15, 16, 20, 21 (7 утверждений); **НВ** – 3, 7, 11, 14, 17 (5 утверждений); **СЛ** – 4, 10, 12, 19 (4 утверждения); **ДИ** – 5, 18 (2 утверждения); **ПЦ** – 1, 2, 13 (3 утверждения).

Количественная оценка посттравматического роста по каждой шкале осуществляется путем суммарного подсчета баллов. Обработка производится по «сырому» баллу. Затем с помощью нормативной таблицы определяется индекс и интенсивность посттравматического роста по каждому фактору.

Таблицы норм

Нормы для фактора «отношение к другим» (ОД)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-14	15-24	25-35

Нормы для фактора «новые возможности» (НВ)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-9	10-15	16-25

Нормы для фактора «сила личности» (СЛ)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-7	8-15	16-20

Нормы для фактора «духовные изменения» (ДИ)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-3	4-6	7-10

Нормы для фактора «повышение ценности жизни» (ПЦ)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-6	7-11	12-15

Нормы для индекса Посттравматический Рост (ПР)

Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
0-32	33-63	64-105

Содержательные характеристики шкал при высоких значениях суммарного балла.

Фактор «отношение к другим». Человек стал больше рас-считывать на других людей в трудную минуту, испытывать большую близость с окружающими, более охотно выражать свои эмоции. У него появилось больше сострадания к людям, он стал тратить больше усилий на налаживание взаимоотношений с людьми, чаще признавать, что нуждается в других людях, более высоко ценить их.

Фактор «новые возможности». У человека появились новые интересы, он направил свою жизнь по новому пути, у него появилась уверенность, что он может сделать свою жизнь лучше; у него появились возможности, которые не были доступны раньше. Он с большей вероятностью попытается изменить то, что нуждается в изменении.

Фактор «сила личности». Человек стал чувствовать большую уверенность в себе, лучше понимать, что может справляться с трудностями. Он в большей степени способен принимать вещи такими, какие они есть, обнаружил, что он сильнее, чем полагал.

Фактор «духовные изменения». Человек стал лучше понимать духовные проблемы, стал более религиозным.

Фактор «повышение ценности жизни». У человека поменялись жизненные приоритеты, он стал гораздо лучше понимать ценность собственной жизни, теперь он больше ценит каждый день своей жизни.

Таким образом, испытуемые с высоким суммарным баллом ОПТР характеризуются следующими чертами. После бедствия у них изменяется отношение к другим людям в сторону большей открытости, позитивности, сострадания. Появляется ощущение новых возможностей, новых интересов, желание изменений. Они начинают чувствовать большую уверенность в себе, чувствовать силу, чтобы справляться с трудностями. Они начинают лучше понимать духовные проблемы других людей. В целом у них повышается ценность жизни вообще и каждого момента жизни в частности.

Приложение 2.3 Тест воздействия стрессовых событий М. Хоровитца (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова)

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

Назовите стрессовое жизненное событие, пережитое Вами, и укажите дату, когда оно произошло.

_____

событие

_____

дата

Ниже приводится ряд высказываний, характерных для людей, переживших стрессовые жизненные события. Прочтите каждое высказывание и оцените, насколько оно отражает Ваше состояние на протяжении последних 7 дней. Если какое-либо из них совсем не отражает Вашего состояния, сделайте отметку в колонке "никогда".

		никогда	редко	временами	часто	Очень часто
1.	Я задумывался об этом событии, сам того не желая.					
2.	Я не позволял себе расстраиваться, когда думал об этом событии или нечто мне о нем напоминало.					
3.	Я пытался вычеркнуть это событие из памяти.					
4.	Я с трудом засыпал, плохо спал, потому что картины и мысли об этом событии всплывали в моей голове.					
5.	Меня охватывали сильные переживания, связанные с этим событием.					
6.	Мне снились сны об этом событии.					
7.	Я сторонился всего того, что					

	напоминало мне об этом событии.					
8.	Мне казалось, будто это событие вообще не происходило или не было реальным.					
9.	Я старался не говорить об этом событии.					
10	Картины этого события внезапно возникали в моем сознании.					
11	Даже посторонние вещи заставляли меня думать об этом событии.					
12	Я понимал, что все еще полон чувствами, связанными с этим событием, но ничего не делал, чтобы с ними справиться.					
13	Я старался не думать об этом событии.					
14	Всякое напоминание об этом событии воскрешало связанные с ним переживания.					
15	Мои ощущения, связанные с этим событием были схожи с состоянием оцепенения.					

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ПЕРВОЙ СЕРИИ
КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ**

Рисунок 3.1 Раздвоение временной перспективы в экстремальной ситуации

Таблица 3.1. Соотношение L- и D-смысловых интенциональностей с модусами временной перспективы

	L-смысловая интенциональность (N=66)		D-смысловая интенциональность (N=22)	
	позитивное	негативное	позитивное	негативное
прошлое	23%		47,2%	
	71,60%	28,40%	17%	83%
настоящее	32,4%		33,6%	
	59,80%	40,20%	28,90%	71,10%
будущее	44,6%		19,2%	
	82,60%	17,40%	40,40%	59,60%

**Таблица 3.2 Проверка связи L-смысловой ориентации и образов будущего
(Хи-квадрат Пирсона)**

VAR00036			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
19,20	19	32,0	-13,0
44,60	45	32,0	13,0
Всего	64		
Статистики критерия			
	VAR00036		
Хи-квадрат	10,563 ^а		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,001		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 32,0.			

**Таблица 3.3 Проверка связи D-смысловой ориентации и образов прошлого
(Хи-квадрат Пирсона)**

VAR00037			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
23,00	23	35,0	-12,0
47,20	47	35,0	12,0
Всего	70		
Статистики критерия			
	VAR00037		
Хи-квадрат	8,229 ^а		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,004		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 35,0.			

Таблица 3.4 Оценка связи L-смысловой интенциональности и временной направленности личности

VAR00032			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
28,40	28	50,0	-22,0
71,60	72	50,0	22,0
Всего	100		
Статистики критерия			
	VAR00032		
Хи-квадрат	19,360 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,000		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 50,0.			
VAR00033			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
17,40	17	50,0	-33,0
82,60	83	50,0	33,0
Всего	100		
Статистики критерия			
	VAR00033		
Хи-квадрат	43,560 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,000		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 50,0.			

Таблица 3.5. Оценка связи D-смысловой интенциональности и временной направленности личности

VAR00034			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
17,00	17	50,0	-33,0
83,00	83	50,0	33,0
Всего	100		
Статистики критерия			
	VAR00034		
Хи-квадрат	43,560 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,000		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 50,0.			
VAR00035			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
28,90	29	50,0	-21,0
71,10	71	50,0	21,0
Всего	100		
Статистики критерия			
	VAR00035		
Хи-квадрат	17,640 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,000		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 50,0.			

Таблица 3.6 Соотнесение категорий мотивационных индукторов (по Ж. Нюттену) и L- и D- смысловой интенциональности

Ж.Нюттен	D-смысловая интенциональность	L-смысловая интенциональность
Личность субъекта	<ul style="list-style-type: none"> – неприятие себя больным, – отрицание реальности, – выделение негативных качеств у себя, – ощущение «отсутствия сил», – агрессивные высказывания, – усталость, – отказ от воспоминаний, – болезни, – сомнение в психическом здоровье 	<ul style="list-style-type: none"> – Желание быть здоровым физически, – желание быть здоровым психически, – Желание быть независимым, – поддержание своего физического и психологического здоровья – стойкость к прошлым воспоминаниям, – выдерживание испытаний, – проявление стойкости к болезням, – «быть собой» – Стремление улучшить свое физическое здоровье – прожить долго, – расширение границ реальности, – при воспоминании выделяются позитивные стороны, – отстаивание своих ценностей – отстаивание своих целей,
Самореализация	<ul style="list-style-type: none"> – отрицание возможности реализовать себя, свои цели 	<ul style="list-style-type: none"> – желание измениться, – желание развиваться в своей профессиональной деятельности, – самоактуализация, – потребность найти свое место в жизни, – стремление к осуществлению планов, целей, – развитие своих способностей
Активность и работа	<ul style="list-style-type: none"> – нежелание работать 	<ul style="list-style-type: none"> – работать, – учиться, – Стремление к карьерному росту, – Стремление к получению образования – активность в поведении
Социальный контакт	<ul style="list-style-type: none"> – нежелание контактировать с другими, – желание одиночества, побыть одному, – тенденция навредить «врагу», – отрицание наличия помощи, подчеркивание «ненужности» себя для других 	<ul style="list-style-type: none"> – поддержание социальных контактов, – ожидание помощи , поддержки от других, – защита себя, своих близких от негативных воздействий, – стремление быть понятым, – удовлетворенность «окружением» – желание воспитать ребенка, – воспитать в ребенке настоящего человека, – желание завести семью, – стремление к новым контактам, встречам с друзьями, близкими, осуществление заботы Другому

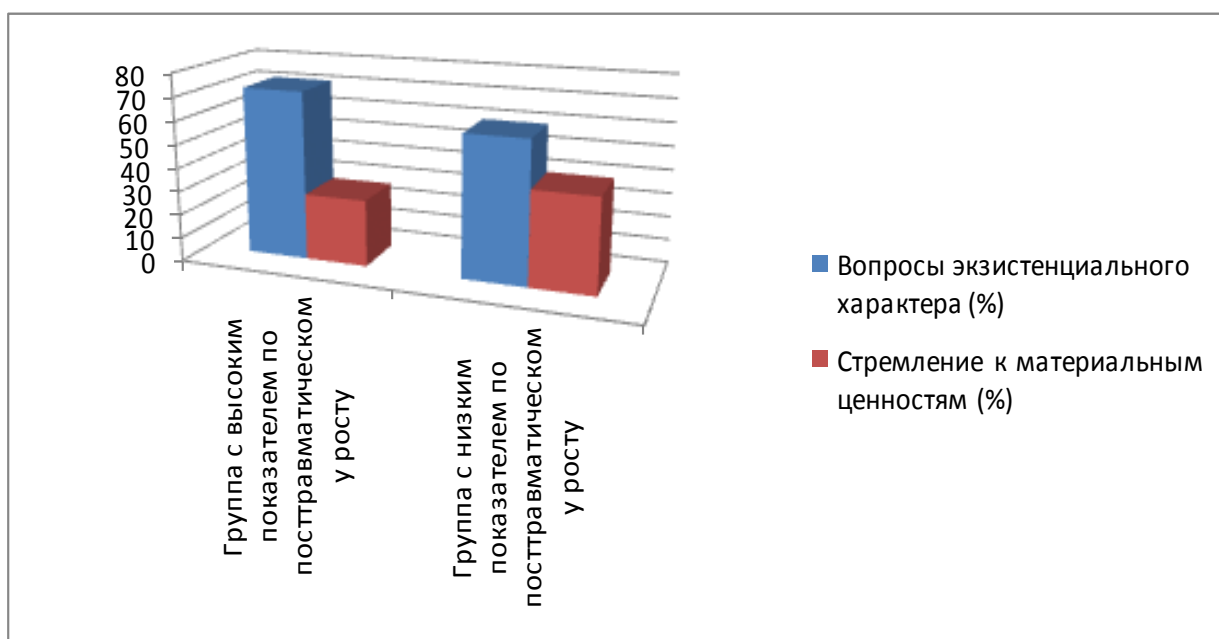
Познавательная и исследовательская мотивация	– выделение негативных характеристик окружающего, – анализ причин происшедшего,	– Учиться – стремление к получению новых знаний, – желание успешно закончить обучение – желание посетить места, где раньше не был
Трансцендентальные объекты	– отсутствие смысла жизни, – боязнь войны, будущего, – сомнение в настоящем, – отказ от прошлого, – сомнение в ценностях или отказ от них – направленность на смерть, – ощущение конца существования	– поддержание своих ценностей: семья, дети, дружба – пребывание в мире и спокойствии, – нежелание войны, – принятие позитивных сторон жизни, – наличие смысла жизни, – направленность на жизнь – вера в лучшее, в хорошее, – стремление к познанию нового, – направленность на «светлое будущее», – принятие позитивных сторон жизни, – поиск и принятие смысла жизни, – направленность на жизнь, – отстаивание своих ценностей, творческая интенция
Обладание		– желание быть обеспеченным материально (квартира, машина, гараж и т.п.) – стремление к приобретению материальных объектов (квартира, машина и др.)
Досуговая активность, отдых, удовольствие	– Желание только отдыхать	– Желание отдохнуть для восстановления – желание активно отдыхать

**ПРИЛОЖЕНИЕ 4. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ВТОРОЙ СЕРИИ
КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ**

Таблица 4.1 Результаты контент-анализа

Факторы	Группа с высоким значением по посттравматическому росту (%)	Группа с низким значением по посттравматического росту (%)
Позитивное утверждение	51,8	48,1
Негативное утверждение	56,8	43,2
Нейтральное утверждение	52,2	47,8
Ориентация на прошлое	50	50
Ориентация на настоящее	58,6	41,4
Ориентация на будущее	51,4	48,6
Ориентация на себя	57,7	42,3
Ориентация на других	49,7	50,3
Отношения с близкими людьми	46,6	53,4
Стремление к любви	47,1	52,9
Стремление закончить службу	47,1	52,9
Вопросы экзистенциального характера (размышления о смысле жизни)	60,7	39,3
Стремление к	47,6	52,4

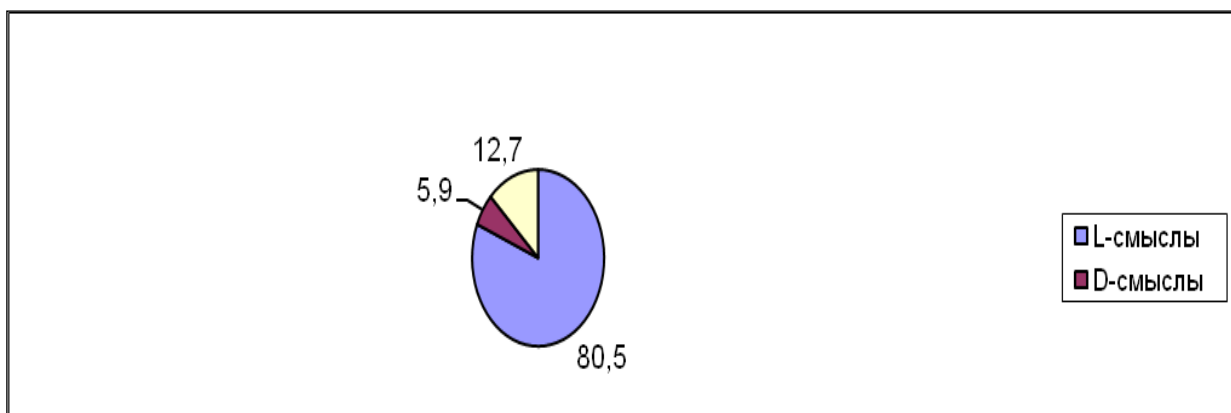
материальным ценностям		
Вера в лучшее будущее	50,5	49,5
Сила личности	57,6	42,4
Развитие, рост личности	76,7	23,3
Положительные эмоции	69,4	30,6
Негативное эмоциональное состояние	55,9	44,1
Чувство страха	47,6	52,4
Озабоченность социальными проблемами	34,6	65,4

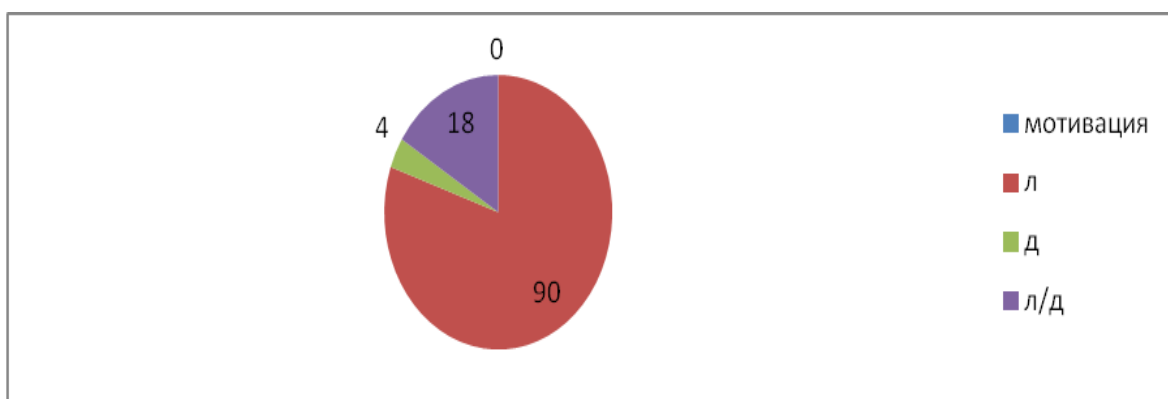
Рисунок 4.2 Соотношение предметных и экзистенциальных смыслов

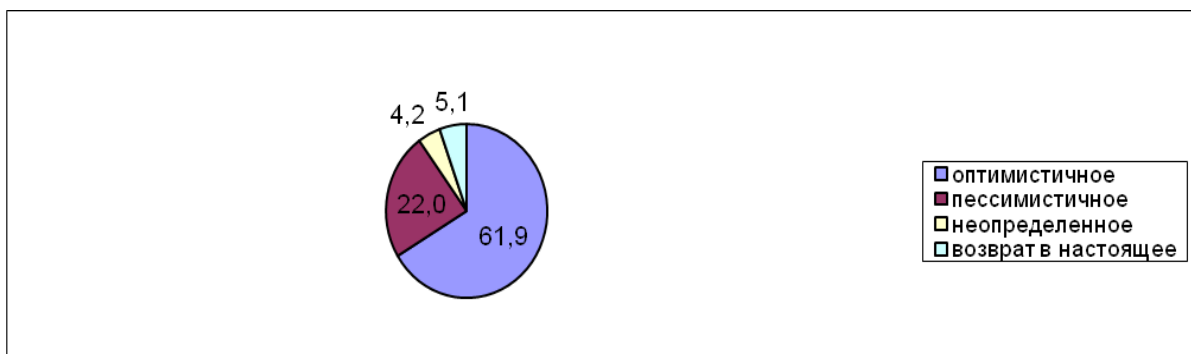
**ПРИЛОЖЕНИЕ 5. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТРЕТЬЕЙ СЕРИИ
КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗДВОЕНИЯ ВРЕМЕННОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПЛАНА ЕЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ**

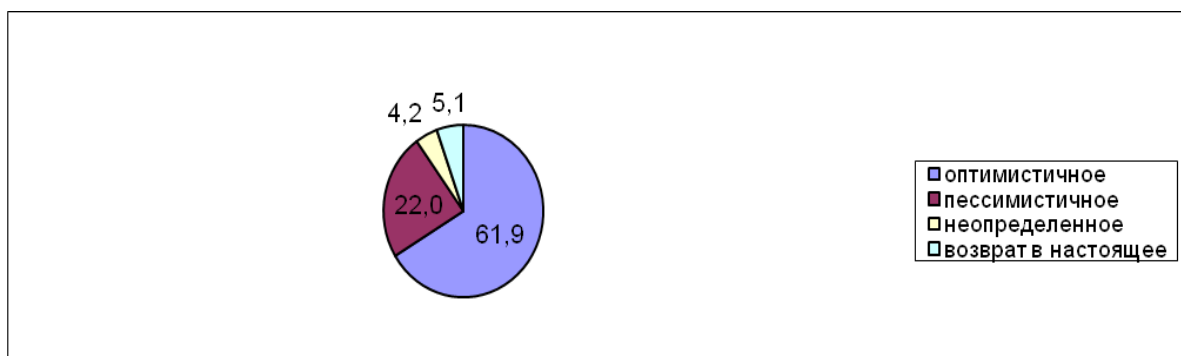
Рисунок 5.1 Представленность L- и D- смысловой направленности у людей с повседневным опытом (в %)

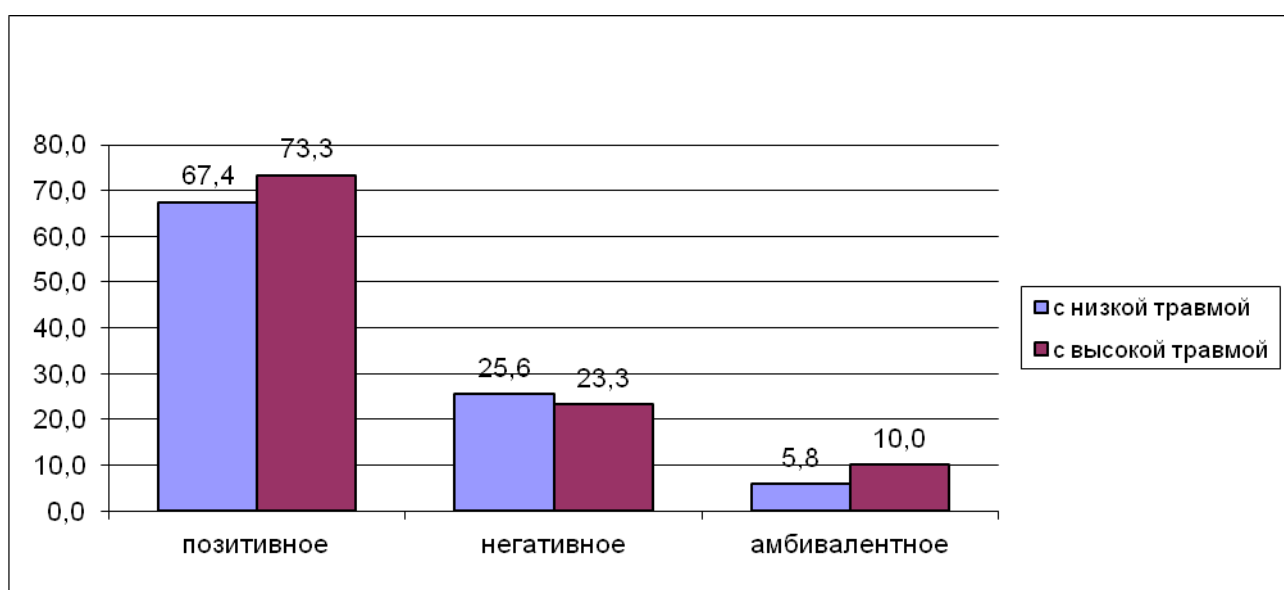
Рисунок 5.2 Представленность L- и D- смысловой направленности у людей с неповседневным опытом (в %)

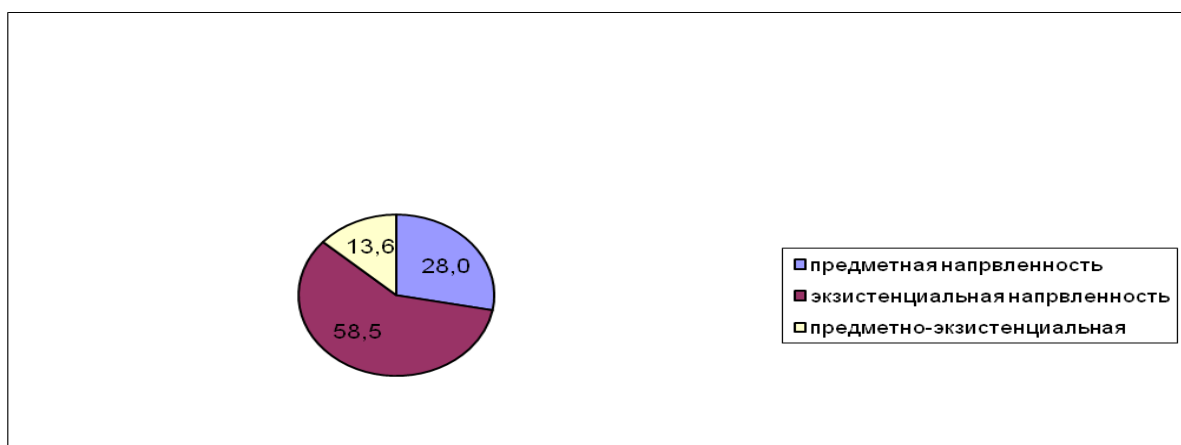
Рисунок 5.3 Отношение к будущему у людей с повседневным опытом (в %)

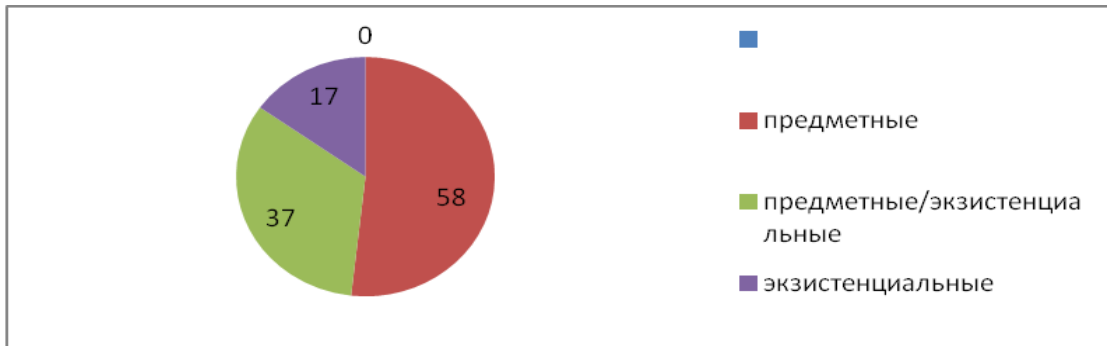
Рисунок 5.4 Отношение к прошлому у людей с повседневным опытом (в %)

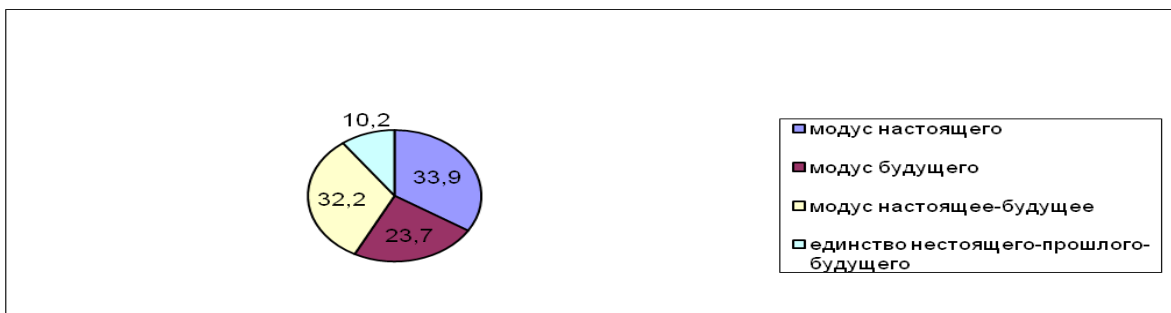
Рисунок 5.5 Отношение к прошлому у людей с повседневным опытом (в %)

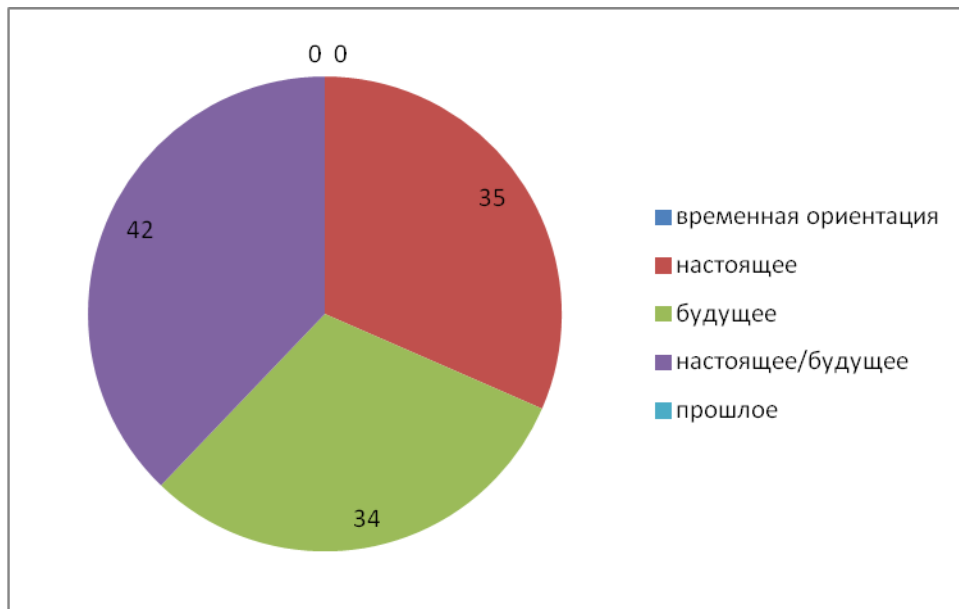
Рисунок 5.6 Представленность направленности на предметные и экзистенциальные смыслы у людей с повседневным опытом (в %)

Рисунок 5.7 Представленность направленности на предметные и экзистенциальные смыслы у людей с неповседневным опытом (в %)

Рисунок 5.8 Соотношение временных модусов у людей с повседневным опытом (в %)

Рисунок 5.9 Соотношение временных модусов у людей с повседневным опытом (в %)

**ПРИЛОЖЕНИЕ 6. СТАТИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНТЕНСИВНОСТИ СМЫСЛОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ХАРАКТЕРА
ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Таблица 6.1 Сравнение показателей по шкале «позитивное прошлое» в группах с СУТВ и ВУТВ

			Кол-во респондентов	Среднее
Mann-Whitney U	83,000	СУТВ	35	26,63
Wilcoxon W	149,000	ВУТВ	11	13,55
Z	-2,833			
Asymp. Sig. (2-tailed)	,005			

Таблица 6.2 Сравнение ориентации на «будущее» в группах со средним и низким посттравматическим ростом

	VAR00001		Кол-во респондентов	Среднее
Mann-Whitney U	169,000	Средний уровень роста	27	26,74
Wilcoxon W	359,000	Низкий уровень роста	19	18,89
Z	-1,969			
Asymp. Sig. (2-tailed)	,049			

Таблица 6.3 Корреляционный анализ в группе со средним уровнем посттравматического роста между шкалой «будущее» и посттравматическим ростом

		будущее	рост
VAR00001	Correlation Coefficient	1,000	,216
	Sig. (2-tailed)	.	,279
	N	27	27

Таблица 6.4 Сравнение показателей по шкале «позитивное прошлое» в группах с СУТВ и ВУТВ

			Кол-во респондентов	Среднее
Mann-Whitney U	83,000	СУТВ	35	26,63
Wilcoxon W	149,000	ВУТВ	11	13,55
Z	-2,833			
Asymp. Sig. (2-tailed)	,005			

Таблица 6.5 Сравнение ориентации на «будущее» в группах со средним и низким посттравматическим ростом

	VAR00001		Кол-во респондентов	Среднее
Mann-Whitney U	169,000	Средний уровень роста	27	26,74
Wilcoxon W	359,000	Низкий уровень роста	19	18,89
Z	-1,969			
Asymp. Sig. (2-tailed)	,049			

Таблица 6.6 Корреляционный анализ в группе со средним уровнем посттравматического роста между шкалой «будущее» и посттравматическим ростом

		будущее	рост
VAR00001	Correlation Coefficient	1,000	,216
	Sig. (2-tailed)	.	,279
	N	27	27

**ПРИЛОЖЕНИЕ 7. СТАТИСТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОНСТРУКТИВНОЙ ТЕМПОРАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЛИЧНОСТИ С ОПЫТОМ
И ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Приложение 7.1 Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTP1)

Инструкция. Пожалуйста, прочитайте все предлагаемые пункты опросника и как можно более честно ответьте на вопрос: «Насколько это характерно или верно в отношении Вас?» Отметьте свой ответ в соответствующей ячейке, используя шкалу. Пожалуйста, ответьте на ВСЕ вопросы с обеих сторон листа.

	Сове ршен но не верн о	Скор ее не верн о	Нейт раль но	Скор ее верн о	Сове ршен но верн о
1. Я считаю, что весело проводить время со своими друзьями - одно из важных удовольствий в жизни.					
2. Знакомые с детства картины, звуки, запахи часто приносят с собой поток замечательных воспоминаний.					
3. Судьба многое определяет в моей жизни.					
4. Я часто думаю о том, что я должен(-на) был(а) сделать в своей жизни иначе.					
5. На мои решения в основном влияют окружающие меня вещи и люди.					
6. Я считаю, что каждое утро человек должен планировать свой день.					
7. Мне приятно думать о своем прошлом.					
8. Я действую импульсивно.					
9. Я не беспокоюсь, если мне что-то не удастся сделать вовремя.					
10. Если я хочу достичь чего-то, я ставлю перед собой цели и размышляю над тем, какими средствами их достичь.					

11. Вообще говоря, в моих воспоминаниях о прошлом гораздо больше хорошего, чем плохого.					
12. Слушая свою любимую музыку, я часто забываю про время.					
13. Если завтра необходимо закончить (сдать) работу и предстоят другие важные дела, то сегодня я думаю о них, а не о развлечениях сегодняшнего вечера.					
14. Если уж чему-то суждено случиться, то от моих действий это не зависит.					
15. Мне нравятся рассказы о том, как все было в старые добрые времена.					
16. Болезненные переживания прошлого продолжают занимать мои мысли.					
17. Я стараюсь жить полной жизнью каждый день, насколько это возможно.					
18. Я расстраиваюсь, когда опаздываю на заранее назначенные встречи.					
19. В идеале, я бы прожил(а) каждый свой день так, словно он последний.					
20. Счастливые воспоминания о хороших временах с легкостью приходят в голову.					
21. Я вовремя выполняю свои обязательства перед друзьями и начальством.					
22. В прошлом мне досталась своя доля плохого обращения и отвержения.					
23. Я принимаю решения под влиянием момента.					
24. Я принимаю каждый день, каков он есть, не пытаюсь планировать его заранее.					
25. В прошлом слишком много неприятных воспоминаний, я предпочитаю не думать о них.					
26. Важно, чтобы в моей жизни были волнующие моменты.					
27. В прошлом я совершил(а) ошибки, которые хотел(а) бы исправить.					

28. Я чувствую, что гораздо важнее получать удовольствие от процесса работы, чем выполнить её в срок.					
29. Я скучаю по детству.					
30. Прежде чем принять решение, я взвешиваю, что я затрачу, и что получу.					
31. Риск позволяет мне избежать скуки в жизни.					
32. Для меня важнее получать удовольствие от самого путешествия по жизни, чем быть сосредоточенным(-ной) только на цели этого путешествия.					
33. Редко получается так, как я ожидаю.					
34. Мне трудно забыть неприятные картины из моей юности.					
35. Процесс деятельности перестает приносить мне удовольствие, если приходится думать о цели, последствиях и практических результатах.					
36. Даже когда я получаю удовольствие от настоящего, я все равно сравниваю его с чем-то похожим из своего прошлого.					
37. Ты реально не можешь планировать свое будущее, потому что все слишком изменчиво.					
38. Мой жизненный путь контролируется силами, на которые я не могу повлиять.					
39. Нет смысла беспокоиться о будущем, так как я все равно ничего не могу сделать.					
40. Я выполняю намеченное вовремя, постепенно продвигаясь вперед.					
41. Я замечаю, что теряю интерес к разговору, когда члены моей семьи начинают вспоминать былое.					
42. Я рискую, чтобы придать жизни остроты и возбуждения.					
43. Я составляю список того, что мне надо сделать.					
44. Я чаще следую порывам сердца, чем доводам разума.					

45. Я способен(-на) удержаться от соблазнов, если знаю, что меня ждет работа, которую нужно сделать.					
46. Волнующие моменты часто захватывают меня.					
47. Сегодняшняя жизнь слишком сложна, я бы предпочел(-ла) более простое прошлое.					
48. Я предпочитаю таких друзей, которые спонтанны и раскованы, а не очень предсказуемы.					
49. Мне нравятся семейные традиции, которые постоянно соблюдаются.					
50. Я думаю о том плохом, что произошло со мной в прошлом.					
51. Я продолжаю работу над трудными и неинтересными заданиями, если это поможет мне продвинуться вперед.					
52. Лучше потратить заработанные деньги на удовольствия сегодняшнего дня, чем отложить на черный день.					
53. Часто удача дает больше, чем упорная работа.					
54. Я часто думаю о том хорошем, что упустил(-а) в своей жизни.					
55. Мне нравится, когда мои близкие отношения исполнены страсти.					
56. Придерживаюсь мнения, что «работа не волк, в лес не убежит».					

Ф. Зимбардо выделяет пять типов таких предубеждений, которые стали шкалами его опросника временной перспективы (ZPTI):

1) Негативное прошлое. Отражает общее пессимистическое, негативное или с примесью отвращения отношение к прошлому. Предполагает травму, боль и сожаление. Такое отношение может быть из-за реальных неприятных и травматических событий, из-за негативной реконструкции положительных событий, или из-за того и другого вместе.

2) Гедонистическое настоящее. Отражает гедонистическое, рискованное, «а мне все равно» отношение ко времени и жизни. Предполагает ориентацию на удовольствие, волнение, возбуждение, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях или жертв в пользу будущих наград.

3) Будущее Отражает общую ориентацию на будущее. Предполагает, что поведение в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям будущего. Характеризуется планированием и достижением будущих целей.

4) Положительное (позитивное) прошлое Отражает теплое, сентиментальное отношение по отношению к прошлому. Этот фактор характеризуется ностальгической, позитивной реконструкцией прошлого, оно представляется в радужном свете.

5) Фаталистическое настоящее. Раскрывает фаталистическое, беспомощное и безнадежное отношение к будущему и жизни. Этот фактор отражает отсутствие сфокусированной временной перспективы. Не хватает фокуса на цели как у ориентированных на будущее, нет акцента на волнении как у гедонистов, нет ностальгии или горечи как у тех, у кого высокие показатели по обеим шкалам прошлого. Раскрывает убеждение, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять индивидуальными действиями; настоящее должно переноситься с покорностью и смирением, т.к. люди находятся во власти капризной (прихотливой) судьбы.

В противоположность таким темпоральным предубеждениям, выделяется «сбалансированная темпоральная ориентация» - идеализированная умственная структура, которая позволяет человеку гибко переключаться между прошлым, будущим и настоящим, в зависимости от требований ситуации, оценки ресурсов или личностных и социальных оценок. Поведение индивидов с такой темпоральной ориентацией будет определяться компромиссом или балансировкой между содержаниями репрезентаций прошлого опыта (переживаний), желаниями настоящего и представлениями о будущих последствиях.

Таким образом, временная перспектива рассматривается как некая диспозиция личности, подверженная в то же время влиянию ситуаций. Кроме того, она формируется под влиянием ближайшего социального окружения. Ориентация на прошлое, настоящее или будущее определяется множеством факторов, среди которых: культурные, образовательные, религиозные, принадлежность социальному классу и моделирование семьи. Т.к. действие временной перспективы является проникающим во все структуры жизни человека и определяется множеством факторов, то люди редко осознают ее неуловимо тонкое действие, влияние или силу предубеждения. [45].

Ключи:

1. оригинальные:

Фактор «негативное прошлое»: 4, 5, 16, 22, 27, 33, 34, 36, 50, 54 (всего 10)

Фактор «гедонистическое настоящее»: 1, 8, 12, 17, 19, 23, 26, 28, 31, 32, 42, 44, 46, 48, 55 (всего 15)

Фактор «будущее»: 6, 9*, 10, 13, 18, 21, 24*, 30, 40, 43, 45, 51, 56* (всего 13)

Фактор «позитивное прошлое»: 2, 7, 11, 15, 20, 25*, 29, 41*, 49 (всего 9)

Фактор «фаталистическое настоящее»: 3, 14, 35, 37, 38, 39, 47, 52, 53 (всего 9)

2. Сырцова А. (2004):

Фактор «негативное прошлое»: 4, 5, 7*, 11*, 16, 22, 25, 27, 33, 34, 36, 50, 54 (всего 13)

Фактор «гедонистическое настоящее»: 1, 8, 12, 17, 19, 23, 26, 28, 31, 32, 42, 44, 46, 48, 52, 55 (всего 16)

Фактор «будущее»: 6, 9*, 10, 13, 18, 21, 24*, 30, 40, 43, 45, 51, 52*, 56* (всего 14)

Фактор «позитивное прошлое»: 2, 11, 15, 20, 25*, 29, 41*, 49 (всего 8)

Фактор «фаталистическое настоящее»: 3, 14, 35, 37, 38, 39, 47, 53 (всего 8)

Показатели для факторов подсчитываются следующим образом: сумму баллов по каждому фактору необходимо разделить на общее количество пунктов данного фактора. Значения пунктов, отмеченных * необходимо «перевернуть», то есть 1=5, 4=2 и т.д.

3. Сырцова А. (2007):

Фактор «негативное прошлое»: 4, 5, 16, 22, 25, 27, 33, 34, 36, 50, 54 (всего 11)

Фактор «гедонистическое настоящее»: 1, 8, 12, 17, 19, 23, 26, 28, 31, 32, 42, 44, 46, 48, 52, 53, 55 (всего 17)

Фактор «будущее»: 6, 9*, 10, 13, 18, 21, 24*, 30, 40, 43, 45, 51, 56* (всего 13)

Фактор «позитивное прошлое»: 2, 7, 11, 15, 20, 25*, 29, 41*, 49 (всего 9)

Фактор «фаталистическое настоящее»: 3, 14, 24, 33, 35, 37, 38, 39, 47 (всего 9)

**Приложение 7.2 Шкала переживания времени А.А. Кроника, Е.И. Головахи
(1984)**

Инструкция. «Оцените Ваше переживание времени в данный момент. Степень выраженности данных определений возрастает с середины шкалы в обе стороны».

Шкалы переживания времени

Течет медленно	3	2	0	2	3	Течет быстро
Пустое	3	2	0	2	3	Насыщенное
Плавное	3	2	0	2	3	Скачкообразное
Растянутое	3	2	0	2	3	Сжатое
Приятное	3	2	0	2	3	Неприятное
Однообразное	3	2	0	2	3	Разнообразное
Неорганизованное	3	2	0	2	3	Организованное
Цельное	3	2	0	2	3	Раздробленное
Беспредельное	3	2	0	2	3	Ограниченное
Непрерывное	3	2	0	2	3	Прерывное

Приложение 7.3 Описание стрессовой ситуации

Видеоролик с информацией и репортажем от 1 апреля 2012 года об инсценировке похищения и убийства ребенка в Брянске <http://www.1tv.ru/news/social/203134>

Самым шокирующим событием недели стало раскрытие псевдопохищения ребенка в Брянске - девочка 9 месяцев погибла по вине своих родителей, которые затем инсценировали ее пропажу. Тысячи полицейских, волонтеров и просто жителей Брянска несколько недель искали девочку, что лишний раз доказывающий катастрофическое состояние нравов в нашем обществе.

"Сволочь", "дрянь", "расстрелять ее надо"... Так жители окрестных домов встретили мать пропавшей девочки Светлану Шкапцову, когда ее увозили со следственного эксперимента, проведенного в собственной квартире. Эмоций никто не сдерживал.

Почти три недели жители Брянска жили в ожидании известий о пропавшей 11 марта Ане Шкапцовой. Многие откровенно ждали чуда, что маленькая девочка жива и обязательно найдется. Но 30 марта стало известно, что ребенка нет в живых. В страшном преступлении первой созналась Светлана. На допросе она рассказала, что гражданский муж Александр Кулагин в пьяном состоянии избил ее, и сильно ударил маленькую Аню.

"После того как Александр нанес Ане удар и бросил ее на диван, она плакала, получается, он и меня задел рукой, и ее, потом я уговорила его, чтобы я хотя бы уложила ее, она то заплачет, то успокоится, тут я стала понимать, что с ребенком что-то не то", - рассказала Шкапцова.

По словам Светланы, Александр не разрешил вызвать "скорую", испугавшись наказания за избиение ребенка. После ареста самого Кулагина, - его задержали в Москве в одном из НИИ на улице Космонавта Волкова, где он работал охранником, - выяснилось, что супруги вместе решили не обращаться за помощью к медикам.

Маленькой Ане было всего 9 месяцев, и от полученной травмы ребенок скончался спустя два дня.

"Она мне сказала, ребенок должен исчезнуть, - рассказал Александр Кулагин. - В какой-то промежуток, мы закутали ребенка в одеяльце, закутали его в плед и в пенале из-под коляски оставили его на балконе".

Смерть дочери, по признанию Кулагина, наступила задолго до инсценировки похищения. 26 февраля. Труп ребенка супруги решили сжечь. Это сделал сам Александр. Недалеко от поселка Анохово, в поле. Для чего были куплены и жидкость для розжига, и дрова, и даже пиво.

"Очень хорошо загорелся костер, в течение трех часов он горел; я отошел в сторону, находился в стороне, пил пиво, курил; когда костер прогорел, палочкой посмотрел, чтобы там ничего не осталось, и на мой взгляд, там ничего нет", - рассказал Александр Кулагин на допросе.

Прах девочки позже Кулагин закопал в могилу своей бабушки, которая жила в этом же поселке Анохово. Но для завершения этого преступления, супруги решились еще на одно. Идея инсценировать похищение появилась сразу после смерти девочки.

Вечером 10 марта, Александр уехал на работу в Москву, и на следующий день - 11-го - тайно ее покинул. С тем чтобы ровно в 15:00, переодевшись женщиной, оказаться возле зоомагазина по улице Пушкина, 33. В этот момент Светлана уже зашла в магазин, якобы ненадолго, чтобы купить корм кошке. По договоренности, Светлана должна была находиться в магазине три-четыре минуты. За это время Кулагин забрал "пустую" коляску и довез вот до дома, у которого ее и нашли оперативники.

Кулагин сам рассказал следователям, как после смерти Ани, они умело изображали счастливую семью: "До всей этой подготовки, до всей этой инсценировки, мы со Светой гуляли с коляской, чтобы люди видели, мы с ребенком гуляем. Мы проходили в "Кенгуру". Она на 8 марта заходила в "Кенгуру", покупала вино, а я специально стоял под камерой, чтобы камера меня засветила, что, вот, мы гуляем с коляской, мы гуляем с ребенком".

Таблица 7.1 Результаты проверки связи между показателями методики «Тест воздействия стрессовых событий» (М.Хоровиц) и Опросника изучения временной перспективы (ZТPI Ф.Зимбардо) по критерию Пирсона

N=107	вторжение	избегание	общий балл по методике М.Хоровца
негативное прошлое	0,350***	-0,026	0,404***
Гедонистическое настоящее	-0,095	-0,026	-0,081
Будущее	0,023	0,121	0,063
Позитивное прошлое	-0,042	-0,063	-0,059
Фаталистическое настоящее	0,216*	0,093	0,192*

*уровень значимости $p < 0,05$

**уровень значимости $p < 0,01$

***уровень значимости $p < 0,001$

Таблица 7.2 Результаты опросника Ф.Зимбардо

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
Негативное Прошлое	107	1,82	4,27	2,7044	,68392
Гедонистическое Настоящее	107	2,65	4,60	3,6000	,56316
Будущее	107	2,62	4,69	3,5108	,48411
Позитивное Прошлое	107	2,11	4,89	3,5904	,73830
Фаталистическое Настоящее	107	1,33	3,56	2,2972	,50386
N валидных (целиком)	107				

Таблица 7.3 Результаты проверки связи между показателями методики «Тест Семантический дифференциал времени» (Кроник А.А.) и Опросника изучения временной перспективы (ZTP1 Ф.Зимбардо) по критерию Пирсона

Параметры временной перспективы (по ZTP1)	Оценка характеристик времени по методике Семантического дифференциала (Кроник, 1984)									
	скорость	насыщенность	скачкообразность	сжатость	неприятность	разнообразность	организованность	раздробленность	ограниченность	прерывность
Негативное прошлое	-0,09	0,10	-0,02	-0,16	0,04	-0,04	-0,08	0,22*	0,23*	0,16
Гедонистическое настоящее	-0,10	-0,08	0,27*	0,00	0,01	0,00	0,00	0,23	-0,15	0,04
Будущее	-0,03	0,10	-0,11	-0,18	0,09	-0,04	0,20	-0,25	0,00	0,27*
Позитивное прошлое	0,01	0,00	-0,05	-0,04	-0,01	0,12	0,15	-0,11	-0,14	-0,11
Фаталистическое настоящее	-0,08	-0,12	-0,02	-0,06	0,28*	-0,02	0,02	0,03	0,23*	0,13

*уровень значимости $p < 0,05$

**уровень значимости $p < 0,01$

***уровень значимости $p < 0,001$

Таблица 7.4 Результаты проверки связи между показателями методики «Тест Семантический дифференциал времени» (Кроник А.А., 1984) и Опросника изучения временной перспективы (ZTP1 Ф.Зимбардо) у испытуемых с высокими показателями по воздействию стрессовых событий по критерию Пирсона (n=22)

Параметры временной перспективы (по ZTP1)	Оценка характеристик времени по методике Семантического дифференциала (Кроник и др.,)									
	скорость	насыщенность	бразность	сжатость	неприятность	разнообразность	ованность	раздробленность	ограниченность	прерывность
Негативное прошлое	0,29	-0,01	0,07	0,51**	0,24	-0,04	-0,29	0,21	-0,38*	-0,15
Гедонистическое настоящее	0,00	0,02	-0,25	-0,25	-0,37*	0,16	0,39*	0,44*	0,23	0,06
Будущее	0,14	0,39*	0,16	-0,10	0,13	0,26	0,25	-0,11	-0,12	-0,38*
Позитивное прошлое	0,03	0,03	0,06	-0,07	0,06	0,00	0,08	-0,04	-0,34*	0,06
Фаталистическое настоящее	0,03	-0,23	-0,24	-0,17	0,17	-0,19	0,02	-0,21	-0,19	0,02

*уровень значимости $p < 0,05$

**уровень значимости $p < 0,01$

***уровень значимости $p < 0,001$

Таблица 7.5 **Описательные статистики методики «Семантический дифференциал»**

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
ТечетБыстро1	107	1,00	7,00	4,1250	1,67624
ТечетБыстро2	107	1,00	7,00	4,0000	1,47196
Насыщенное1	107	1,00	7,00	4,2917	1,60106
Насыщенное2	107	1,00	7,00	4,6400	1,41067
Скачкообразное1	107	1,00	6,00	4,4167	1,28255
Скачкообразное2	107	1,00	6,00	3,3750	1,52693
Сжатое1	107	1,00	6,00	3,6250	1,61009
Сжатое2	107	1,00	7,00	3,8800	1,56312
Неприятное1	107	2,00	7,00	4,0833	1,55806
Неприятное2	107	3,00	7,00	5,1200	1,16619
Разнообразное1	107	1,00	7,00	4,3333	1,57885
Разнообразное2	107	1,00	6,00	3,8800	1,61555
Организованное1	107	1,00	6,00	4,0417	1,62799
Организованное2	107	1,00	7,00	4,6000	1,65831
Раздробленное1	107	1,00	6,00	3,7500	1,64845
Раздробленное2	107	1,00	7,00	3,2800	1,76824
Ограниченное1	107	1,00	7,00	4,5417	1,61458
Ограниченное2	107	2,00	7,00	5,0000	1,32288
Прерывное1	107	1,00	7,00	3,9167	1,69184
Прерывное2	107	1,00	7,00	3,0800	1,46969

Таблица 7.6 **Результаты семантического дифференциала у испытуемых с негативным транзитным периодом**

	Минимум	Максимум	Среднее
ТечетБыстро1	1,00	6,00	3,8333
ТечетБыстро2	2,00	5,00	3,8333
Насыщенное1	2,00	6,00	3,8333
Насыщенное2	4,00	7,00	5,1667
Скачкообразное1	3,00	6,00	4,5000
Скачкообразное2	1,00	6,00	3,1667
Сжатое1	1,00	5,00	2,8333
Сжатое2	2,00	7,00	4,3333
Неприятное1	2,00	7,00	4,8333
Неприятное2	3,00	7,00	4,6667
Разнообразное1	2,00	7,00	3,6667

Разнообразное2	1,00	5,00	3,1667
Организованное1	1,00	6,00	3,0000
Организованное2	4,00	7,00	5,6667
Раздробленное1	1,00	6,00	4,5000
Раздробленное2	1,00	5,00	2,6667
Ограниченное1	1,00	7,00	3,8333
Ограниченное2	3,00	7,00	5,1667
Прерывное1	2,00	5,00	4,3333
Прерывное2	1,00	5,00	2,5000

Таблица 7.7 Результаты семантического дифференциала у испытуемых с позитивным транзитным периодом

	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
ТечетБыстро1	1,00	7,00	4,2222	1,66470
ТечетБыстро2	1,00	7,00	4,0526	1,50826
Насыщенное1	1,00	7,00	4,4444	1,58011
Насыщенное2	1,00	7,00	4,4737	1,46699
Скачкообразное1	1,00	6,00	4,3889	1,28973
Скачкообразное2	1,00	6,00	3,4444	1,50381
Сжатое1	1,00	6,00	3,8889	1,60473
Сжатое2	1,00	6,00	3,7368	1,52177
Неприятное1	2,00	7,00	3,8333	1,33945
Неприятное2	4,00	7,00	5,2632	1,09758
Разнообразное1	1,00	7,00	4,5556	1,29352
Разнообразное2	1,00	6,00	4,1053	1,52369
Организованное1	1,00	6,00	4,3889	1,41998
Организованное2	1,00	7,00	4,2632	1,66140
Раздробленное1	1,00	6,00	3,5000	1,54349
Раздробленное2	1,00	7,00	3,4737	1,71167
Ограниченное1	2,00	7,00	4,7778	1,21537
Ограниченное2	2,00	7,00	4,9474	1,31122
Прерывное1	1,00	7,00	3,7778	1,83289
Прерывное2	1,00	7,00	3,2632	1,44692

Таблица 7.8 Результаты факторного анализа Семантического дифференциала времени до эмпирической процедуры (обсуждение ситуации экстремального содержания)

Общности									
				Начальные			Извлеченные		
ТечетБыстро1				1,000			,710		
Скачкообразное1				1,000			,723		
Насыщенное1				1,000			,836		
Сжатое1				1,000			,780		
Неприятное1				1,000			,780		
Разнообразное1				1,000			,732		
Организованное1				1,000			,519		
Раздробленное1				1,000			,593		
Ограниченное1				1,000			,872		
Прерывное1				1,000			,652		
Метод выделения: Анализ главных компонент.									
Полная объясненная дисперсия									
Комп он ента	Начальные собственные значения			Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный %	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный %	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный %
1	3,570	35,703	35,703	3,570	35,703	35,703	3,080	30,801	30,801
2	2,332	23,323	59,026	2,332	23,323	59,026	2,272	22,715	53,516
3	1,294	12,942	71,969	1,294	12,942	71,969	1,845	18,452	71,969
4	,928	9,280	81,249						
5	,590	5,898	87,147						
6	,466	4,659	91,806						
7	,329	3,289	95,095						
8	,234	2,336	97,430						
9	,176	1,759	99,189						
10	,081	,811	100,000						
Метод выделения: Анализ главных компонент.									
Матрица компонент^a				Компонента 1		Компонента 2		Компонента 3	

Разнообразное1	,816	-,106	-,235
Неприятное1	-,775	,421	,043
ТечетБыстро1	,771	,302	,153
Насыщенное1	,769	,011	-,495
Сжатое1	,744	,472	-,068
Организованное1	,534	-,441	,200
Скачкообразное1	-,228	,807	-,140
Прерывное1	,278	,749	,120
Раздробленное1	,192	,602	,440
Ограниченное1	,338	-,247	,834
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. а. Извлеченных компонент: 3			
Матрица повернутых компонент^a			
	Компонента		
	1	2	3
Насыщенное1	,907	,033	-,114
Разнообразное1	,838	,046	,166
Неприятное1	-,739	,165	-,455
Сжатое1	,651	,597	-,004
ТечетБыстро1	,587	,544	,263
Прерывное1	,131	,781	-,160
Раздробленное1	-,081	,754	,133
Скачкообразное1	-,202	,586	-,582
Ограниченное1	-,065	,208	,908
Организованное1	,415	-,155	,568
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. а. Вращение сошлось за 7 итераций.			
Матрица преобразования компонент			
Компонента	1	2	3
1	,884	,284	,371
2	-,080	,874	-,479
3	-,460	,394	,796

Таблицы 7.9 Результаты факторного анализа Семантического дифференциала времени после эмпирической процедуры (обсуждение ситуации экстремального содержания)

Общности									
				Начальные			Извлеченные		
ТечетБыстро2				1,000			,721		
Насыщенное2				1,000			,706		
Скачкообразное2				1,000			,753		
Сжатое2				1,000			,718		
Неприятное2				1,000			,715		
Разнообразное2				1,000			,528		
Организованное2				1,000			,663		
Раздробленное2				1,000			,877		
Ограниченное2				1,000			,066		
Прерывное2				1,000			,797		
Метод выделения: Анализ главных компонент.									
Полная объясненная дисперсия									
Комп онен та	Начальные собственные значения			Суммы квадратов нагрузок извлечения			Суммы квадратов нагрузок вращения		
	Итого	% Диспер.	Кумулят.%	Итого	% Диспер.	Кумулят. %	Итого	% Диспер.	Кумулят. %
1	2,922	29,218	29,218	2,922	29,218	29,218	2,583	25,829	25,829
2	2,253	22,526	51,744	2,253	22,526	51,744	2,082	20,818	46,646
3	1,370	13,699	65,443	1,370	13,699	65,443	1,880	18,797	65,443
4	1,158	11,577	77,021						
5	,633	6,329	83,349						
6	,473	4,732	88,081						
7	,436	4,362	92,443						
8	,392	3,917	96,359						
9	,283	2,826	99,186						
10	,081	,814	100,000						
Метод выделения: Анализ главных компонент.									

Матрица компонент^а	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3
Организованное2	,812	,053	-,031
Насыщенное2	,706	,332	,312
Прерывное2	-,629	,608	-,177
Сжатое2	,623	,358	,450
Ограниченное2	,246	-,054	,049
Раздробленное2	-,581	,732	-,065
Скачкообразное2	-,022	,704	,507
ТечетБыстро2	,261	,572	-,571
Разнообразное2	,396	,529	-,302
Неприятное2	-,597	,039	,597
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. а. Извлеченных компонент: 3			
Матрица повернутых компонент^а	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3
Раздробленное2	,928	,033	,117
Прерывное2	,874	-,132	,124
Организованное2	-,533	,450	,420
Ограниченное2	-,211	,136	,050
Сжатое2	-,181	,821	,106
Насыщенное2	-,259	,764	,237
Скачкообразное2	,518	,692	-,075
ТечетБыстро2	,221	,078	,816
Неприятное2	,450	,082	-,711
Разнообразное2	,097	,303	,653
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера. а. Вращение сошлось за 5 итераций.			
Матрица преобразования компонент	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3
1	-,703	,544	,458
2	,712	,534	,456
3	,003	,647	-,763
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.			

**ПРИЛОЖЕНИЕ 8. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМ ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННОЙ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Таблица 8.1 Анализ по критерию «позитивное будущее»

VAR00010			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
21,00	21	29,5	-8,5
38,00	38	29,5	8,5
Всего	59		
Статистики критерия			
	VAR00010		
Хи-квадрат	4,898 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,027		
а. Частоты, меньше 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 29,5.			

Таблица 8.2 Анализ по критерию направленность на действия

VAR00011			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
9,00	9	16,5	-7,5
24,00	24	16,5	7,5
Всего	33		
Статистики критерия			
	VAR00011		
Хи-квадрат	6,818 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,009		
а. Частоты, меньше 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 16,5.			

Таблица 8.3 Анализ по критерию негативное прошлое

VAR00012			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
3,00	3	7,5	-4,5
12,00	12	7,5	4,5
Всего	15		
Статистики критерия			
	VAR00012		
Хи-квадрат	5,400 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,020		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 7,5.			

Таблица 8.4 Результаты по критериям «ускорение» - «замедление»

в процентах	фиксация на настоящем	позит будущее	н д	негат прош	позит прош
ускорение	18	38	24	3	6
замедление	15	21	9	12	0

Таблица 8.5 Статистический анализ данных

VAR00009			
	Наблюденное N	Ожидаемое N	Остаток
15,00	15	16,5	-1,5
18,00	18	16,5	1,5
Всего	33		
Статистики критерия			
	VAR00009		
Хи-квадрат	,273 ^a		
ст.св.	1		
Асимпт. знч.	,602		
а. Частоты, меньшие 5, ожидалось в 0 ячейках (0,0%). Минимальная ожидаемая частота равна 16,5.			